This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

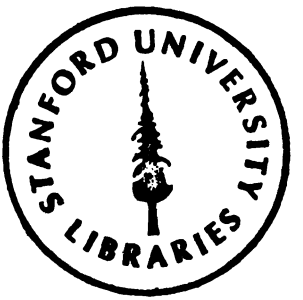
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

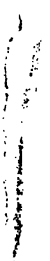
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

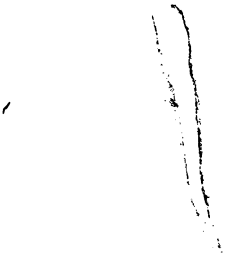
О программе Поиск кпиг Google

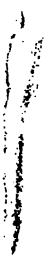
Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`


STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES







This is an authorized facsimile of the original book,
and was produced in 1978 by microfilm-xerography
by University Microfilms International
Ann Arbor, Michigan, U.S.A.
London, England

Chulkov, M.D.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ,

ИЛИ

СЛАВЕНСКІЯ СКАЗКИ.

ЧАСТЬ IV.

изданїе третїе съ поправленїемъ.

МОСКВА.
ВЪ типографїи Пономарева,
1789.

PG3311
C5P4
1789
v.4

ПЕРЕСМѢШНИКЪ;

ИЛИ

СЛАВЕНСКІЯ СКАЗКИ.

ГЛАВА I.

ВЕЧЕРЪ 56.

Продолженіе повѣсти объ Аскалонѣ.

Когда случится человѣку увидѣть какое нибудь чрезвѣсественное дѣйсшвіе, и быть самому онаго свидѣшелемъ, шо въ самую шу минушу овладѣешъ имъ великое изумленіе, не рѣдко выходишъ онъ изъ своего поняшія, и бываешъ въ шакомъ за-

блужденіи, что самъ себя не чувствуетъ, и готовъ вѣрить, что все невозможное сдѣлаться можетъ въ природѣ. Сіе приключеніе учинилось съ Малаонскимъ народомъ. Какъ скоро Алимъ появился въ собраніи, тогда отворились въ залѣ тѣ двери, которыя были къ сторонѣ Аскліадиной спальни; изъ оныхъ вышелъ волшебникъ, держащій большую золотую чашу въ рукахъ, и пришедъ передъ тронъ поставилъ ее на приготовленной нарочно къ тому столикъ. Потомъ поднявши руки къ небу, началъ дѣлать весьма чудныя шѣлодвиженія. Предстоящіе чувствовали, что трещали въ немъ тогда кости, и кровь пришла въ необыкновенное движеніе, лице его въ скоромъ времени побагровѣло, глаза закатились подъ лобъ; а изъ рота начала бить клубомъ пѣна, которая падала въ поставленную имъ чашу, и дѣлалась весьма поспѣшно Стиксовою черною водою, кипѣла на подобіе ключа, и производила въ сосудѣ весьма сильной шумъ. Находясь нѣсколько минутъ въ такомъ неистовствѣ, пришелъ онъ, какъ казалось, въ свое понятіе, прикрылъ чашу Зодіакомъ,

которой на немъ вмѣсто перевязи находился, отъ чего тотчасъ унялось въ ней клокотаніе, и ставъ порядочно передъ Алимомъ, говорилъ ему слѣдующее съ важнымъ и весьма бодрымъ видомъ:

Произволеніе всесильныхъ боговъ открывается тебѣ Алимъ и твоему народу моими устами. Я выбранъ, по особливой отъ оныхъ благодати, воли ихъ исполнователемъ, и долженъ окончать въ сію минуту неутолимую печаль въ тебѣ и во всѣхъ твоихъ подданныхъ. Аскалада мертва, но за ея премудрую твою добродѣтель и за ея непорочность милосердые боги даруютъ ей животъ, а вмѣсто ее посылаютъ во адъ Бламинину душу, которая повиновалась воли Аскалоновой, и впустила его въ спальню къ своей Государынѣ. Онъ убійца Аскалидинъ; только не учинивъ ему ни малаго вреда сошли съ сего острова, и снабди всѣмъ нужнымъ: ибо наказаніе его состоитъ въ волѣ боговъ, которое ни мнѣ, ни вамъ открыто не будетъ. Окончавъ сіи слова поднялъ онъ чашу, и пригласивъ съ собою Бейгама, пошелъ въ Аскалидины покои, гдѣ притудилъ

Бламину пить изъ принесеннаго имъ сосуда, которая какъ скоро вкусила, то начала ужасно стенати. Всякое мученіе приключилось ей въ одну минуту, и съ превеликою скорбію испустила свою душу. Потомъ волшебникъ ставъ на колѣни передъ домашними идолами, читалъ совсѣмъ неизвѣстныя Бейгаму и всѣмъ предстоящимъ тутъ молитвы; наконецъ подошедъ къ тѣлу Асклїадину опрокинулъ на оное чашу. Вдругъ Асклїада объята была вся густымъ дымомъ, такъ что образа ея увидѣть ни коимъ образомъ было не возможно, невоображаемымъ благоуханїемъ исполнилась вся комната, и казалась свѣтлѣе нѣсколько обыкновеннаго. Въ скоромъ времени изчезъ густой дымъ, и Асклїада какъ будто послѣ крѣпкаго сна открыла глаза свои и начала чувствовать. Бейгамъ не могъ воздержать себя отъ радости, бросился предъ нею на колѣни, и началъ было изъявлять ей свое восхищенїе; но волшебникъ удержалъ его и также всѣхъ прислужницъ, которыя въ радости кричали: Государыня наша! Ибо необыкновенное восхищенїе препятствовало имъ изъяснить порядочно свои мы-

сли. Онъ приближился къ Асклѵадѣ, и весьма со смиреннымъ видомъ объяснялъ ей все произшедшее въ ихъ государствѣ, для того, что извѣстїе сїе непремѣнно ей потребно было; также и Бейгамъ со своей стороны получивъ къ тому позволенїе отъ волшебника, не упустилъ изъявить ей все надобное при семъ случаѣ.

Когда волшебникъ объявлялъ передъ Алимомъ произволенїе боговъ, тогда Аскалонъ находился тутъ же. Услышавъ обличенїе себѣ, пришелъ въ неистовое помѣшательство разума; образъ его перемѣнился, и походилъ больше на мучущуюся фурїю. Алимъ имѣя отъ природы добродѣтельное сердце, и видя его въ превеликомъ волненїи, приказалъ тихимъ образомъ своимъ тѣлохранителямъ охранять его здравїе; а самъ, сколько силъ его было, старался извинить его у народа, которой тогда находился въ превеликой ярости на Аскалона. Всякой смотря на него скрежеталъ зубами, и конецъ былъ забыть волю боговъ, и положить его мертваго передъ собою: однимъ словомъ никто не соглашался въ сїе время послѣдовать Алимовой до-

бродѣтели, и противъ воли его желали отмщать его обиду; однако прозьба и увѣщанія Государевы сильнѣе были ихъ стремленія, и народъ по неволѣ долженъ былъ усмириться. Алимъ много разъ подходилъ къ Аскалону, и начиналъ съ нимъ разговаривать; но тотъ будучи въ превеликомъ разстройствѣ, не отвѣчалъ ему ни слова, и стоялъ на подобіе безгласнаго дерева. Въ сіе время вывелъ волшебникъ Аскліаду, совсѣмъ уже одѣтую въ брачную одежду. Народъ увидѣвъ ее возгласилъ весьма радостно, а Алимъ увидѣвъ свою любовницу окаменѣлъ; сердце его трепетало, и онъ не вѣрилъ самой истинѣ, и думалъ, что глаза его обманулись. Какъ только вознамѣрился онъ броситься передъ нею на колѣни, то въ самое сіе время упалъ Аскалонъ безъ чувствія на землю; ибо онъ не могъ снесть присутствія Аскліады. Добродѣтельной Государь увидѣвъ сіе, предпочелъ дружбу любови, и бросился помогать безчувственному Аскалону. Сей случай удивилъ его подданныхъ, и всѣ увѣрились тогда, что владѣтель ихъ имѣетъ въ себѣ безпримѣрную добродѣтель; ибо благодарность

въ его сердцѣ преодолѣла два непоколебимыя дѣйствія, то есть, неизъяснен-ную любовь къ Асклїадѣ и неограничен-ную ненависть къ Аскалону за учиненное имъ нечестивое и звѣрское смертоубив-ство. Подняли Аскалона и понесли въ его покои. Алимъ препроводивъ прискорб-нымъ видомъ и смущенными глазами мни-маго своего друга, подошелъ къ Асклї-адѣ и изъявлялъ ей восхищенїе свое съ превеликимъ движенїемъ сердца, увѣ-рилъ ее о своей искренности, и вторич-но далъ клятву къ соединенію. Потомъ говорилъ имъ волшебникъ, что боги о-предѣлили сей день быть ихъ брачно-му сочетанію; и такъ ни мало не мед-ля слѣдовали любовники въ Ладинъ храмъ и всѣ присутствующіе тутъ бояре, за которыми шелъ народъ, и ни мало не переставалъ изъявлять своей радости, усердія и удовольствія.

Храмъ любовной богини стоялъ за городомъ на западной сторонѣ острова въ посвященной ей рощѣ; видъ имѣлъ онъ круглой, и вмѣсто стѣнъ простира-лися онъ столбовъ решетки, сдѣлан-ныя изъ разныхъ благоуханныхъ цвѣтовъ, между которыми сидѣли голуби и ла-

ловалися другъ съ другомъ. Прозрачная на ономъ кровля сдѣлана была весьма искусною рукою, и походила весьма много на чистую морскую пѣну, въ которой плавали играя лебеди; на самой серединѣ сей крышки стояла въ волнахъ богинина колесница, сдѣланная изъ раковины. Внутри на стѣнахъ онаго обиты были игры и смѣхи; на столбахъ стояли картины самыхъ славныхъ мастеровъ, которыя изображали приношенія жертвы богинѣ великими Государями, разумными министрами, храбрыми полководцами, премудрыми философами, искусными художниками и всякаго званія народами; подъ оными находились статуи; оныя представляли благосклоность богинины, снисхожденія къ богамъ и къ смертному племени, наказанія за презрѣніе ея воли, разлуки любовниковъ, свиданія и тайныя переговоры, соединенія, браки и вѣрность; однимъ словомъ, всѣ любовныя дѣйствія изображены были въ сей божницѣ, по срединѣ которой на блестящемъ престолѣ стояла нагая богиня въ одномъ только тонкомъ поясѣ, надъ головою ея видна была разноцвѣтная радуга пере-

плетенная нарцизами и розами; окружали ее граціи, которыхъ пріятные виды приводили сердце и мысли въ великое восхищеніе Богъ любви стоялъ по правую сторону, котораго держала богиня за руку, и онъ казался какъ будто бы всякую минуту ожидалъ отъ нее повелѣнія, чтобъ возжигать сердца неизъяснимою любовію боговъ и человѣковъ.

Какъ только предстали любовники передъ жертвенникъ богининъ, гдѣ клялися другъ другу вѣчною вѣрностію, жрецы запѣли всѣ божественныя пѣсни, и во всемъ воинствѣ началась огромная музыка. Изъ храма шествіе было такимъ образомъ: Напередъ шли четыре жреца въ бѣлыхъ одеждахъ и въ лавровыхъ вѣнкахъ; въ рукахъ несли они желтыя епанчи; за сими слѣдовало множество духовенства, которые были не украшены ещѣ сѣдиною; оные пѣли пѣсни сдѣланныя въ честь богу браковъ; за ними ѣхала Аскліада въ великолѣпной и торжественной колесницѣ; бросала она по сторонамъ жемчугъ, каменья и золотые слишки, которые подбирали послѣдняго сшелени народы. Потомъ

ѣхалъ Алимъ въ своей побѣдоносной колесницѣ, изъявлялъ свою благодарность, и обѣщалъ великую благосклонность поздравляющему его народу, воинству своими усилами опредѣлялъ награжденіе, и обѣщалъ все что, что для него было выгодно. Когда приближились они ко дворцу, что всѣ комнатные служители, мущины и женщины, одѣтые въ бѣлыя одежды и стоящіе въ порядкѣ, приклонялися на землю и ожидали отъ великой Государыни къ себѣ благосклонности, которыхъ Аскліада обнадеживъ своею милостію, приказала встать. Потомъ великій священноначальникъ повелъ Аскліаду на крыльцо устланное соболями, и привелъ нарочно въ приготовленную къ тому залу, которой полъ, стѣны и потолокъ убиты были мѣхами такихъ же звѣрковъ; ибо вѣрили, что сіе долженствовало быть знакомъ будущаго счастія и благополучія. Новобрачные пришедъ сѣли на соболиныя подушки, надѣвши напередъ изъ того же мѣха верхнія шубы. По достоинствамъ и чинамъ начали подходить бояре и поздравлять своего Государя и Государыню. Алимъ повышалъ иногда иныхъ чинами, а иныхъ

плетенная нарцизами и розами; окружали ее граціи, которыхъ пріятные виды приводили сердце и мысли въ великое восхищеніе Богъ любви стоялъ по правую сторону, котораго держала богиня за руку, и онъ казался какъ будто бы всякую минуту ожидалъ отъ нее повелѣнія, чтобъ возжигать сердца неизъясненною любовію боговъ и человѣковъ.

Какъ только предстали любовники передъ жертвенникъ богининъ, гдѣ клялися другъ другу вѣчною вѣрностію, жрецы запѣли всѣ божественныя пѣсни, и во всемъ воинствѣ началась огромная музыка. Изъ храма шествіе было такимъ образомъ: Напередъ шли четыре жреца въ бѣлыхъ одеждахъ и въ лавровыхъ вѣнкахъ; въ рукахъ несли они желтыя епанчи; за сими слѣдовало множество духовенства, которые были не украшены еще сѣдиною; оные пѣли пѣсни сдѣланныя въ честь богу браковъ; за ними ѣхала Асклїада въ великолѣпной и торжественной колесницѣ; бросала она по сторонамъ жемчугъ, каменья и золотые слитки, которые подбирали послѣдняго стѣпени народы. Потомъ

ѣхалъ Алимъ въ своей побѣдоносной колесницѣ, изъявлялъ свою благодарность, и обѣщалъ великую благосклонность поздравляющему его народу, воинству своими усшами опредѣлялъ награжденіе, и обѣщалъ все шо, что для него было выгодно. Когда приближились они ко дворцу, шо всѣ комнашные служишели, мущины и женщины, одѣтые въ бѣлыя одежды и спосящіе въ порядкѣ, приклонилися на землю и ожидали отъ великой Государыни къ себѣ благосклонности, которыхъ Аскліада обнадеживъ своею милосшію, приказала всшашь. Потомъ великій священноначальникъ повелъ Аскліаду на крыльцо усланное соболями, и привелъ нарочно въ пригошовленную къ шому залу, которой полъ, спѣны и пололокъ убишы были мѣхами шакихъ же звѣрковъ; ибо вѣрили, что сіе долженсшвовало быть знакомъ будущаго счасшія и благополучія. Новобрачные пришедъ сѣли на соболиныя подушки, надѣвши напередъ изъ шого же мѣха верьхнія шубы. По достоинсшвамъ и чинамъ начали подходить бояре и поздравлять своего Государя и Государыню. Алимъ повышалъ иногда иныхъ чинами, а иныхъ

жаловалъ цѣпями и шубами (*); потомъ просилъ Асклїаду, чтобы она сдѣлала женщинъ участницами сей радости. Жаловала также оныхъ Асклїада, и обѣщала всегдашнее къ нимъ снизхожденїе. Наконецъ пошли всѣ къ столу, гдѣ волшебникъ почтенъ былъ особливою честїю, и въ серединѣ обѣда простившись со всѣми, растался онъ съ Алимомъ на вѣки и скрылся изъ его глазъ. Аскалонъ тогда тутъ не присутствовалъ, слѣдовательно не было никакого препятствїя и помѣшательства великому веселїю, которое продолжалось до половины ночи, или можетъ быть и долѣе, въ которое время терзался Аскалонъ ревностїю, ненавистїю, и вымышлялъ способы къ погубленїю новобрачныхъ.

(*) Въ древнїя времена носили на себѣ серебреныя и золотыя цѣпи черезъ плечо вельможи, жалованные отъ Государей такъ, какъ нынѣ кавалерїи; и сіе означало Сенатора и Тайнаго Совѣтника; а пожалованная Государемъ шуба знакомъ была, что сей господинъ былъ въ особливой милости у своего Князя.

ГЛАВА II.

ВЕЧЕРЪ 57.

Продолженїе повѣсти объ Аскалонѣ.

Бейгимъ и другїе подобные ему рузумные министры во время разсвѣтанїя наступающаго дня сдѣлали между собою совѣтъ, въ которомъ опредѣлили, какъ возможно, стараться склонить своего Государя къ тому, чтобы онъ въ ещетъ же день выслалъ Аскалона изъ своего владѣнїя: ибо думали они, что спокойство ихъ не можетъ утвердиться до тѣхъ поръ, покамѣстъ не избудутъ сего разбойника и варвара съ миролюбиваго острова, и не очистятъ домъ Государевъ онъ сего смертоноснаго яду, для того что великое отличїе Аскалоново грозило имъ новою бѣдою. Того ради собрались они въ домъ Государевъ ранѣе обыкновеннаго; и когда проснулся Алимъ, то вмѣсто брачныхъ убрядовъ, которые по общему обыкновенїю должны употреблены быть въ семъ случаѣ непременно, предложили ему о изгнанїи Аскалоновомъ. Государь былъ

на сїе согласенъ: ибо онъ и самъ весьма много опасался неистовства Аскалонова; и такъ поручилъ сїе Бейгаму, какъ первому министру и вѣрному своему другу. Бейгамъ обрадовавшись сему ни мало не медля отвелъ его на нарочно изготовленной къ тому корабль, и приказалъ начальнику онаго отвезти Аскалона на отдаленной какой нибудь островъ, и тамъ бросить безъ всякаго попеченїя, чего не приказано было отъ Алима; и сїе свирѣпство, кажется мнѣ, простительно весьма огорченному человѣку. Такимъ образомъ подняли на кораблѣ парусы и отправились въ путь. Когда разнеслося эхо въ народѣ, что Аскалонъ сосланъ съ ихъ острова, тогда радость въ ономъ усугубилась и исчезло всякое сомнѣнїе, которое между восхищенїемъ обитало въ ихъ понятїи. Весь дворъ и городъ умножили свое усердїе, и сїе въ народѣ восхищенїе продолжалось болѣе мѣсяца Всѣ дѣла, суды и предпрїятїя оставлены были въ сїе время, винные освобождены были отъ наказанїя, отворены вездѣ темницы и всѣмъ дана была свобода; по чему видно, что обитали тогда на Млаконѣ — Чїѣ миръ, веселїе и тишина.

Корабельщики, везущїе Аскалона, по седмидневномъ путешествїи, имѣя великую къ нему ненависть, согласились бросить его въ море, чтобъ истребить злое сїе произрастѣнїе до конца; а во градѣ вознамѣрились они сказать, что во время великой бури упалъ онъ самъ съ корабля, или такъ, что будучи въ великомъ отчаянїи бросился въ воду, чего и они усмотрѣть не могли; но судьба Аскалонова противилась ихъ желанїю и не захотѣла сдѣлать ихъ виновными, чтобы пострадали они за отнятїе жизни у сего неистоваго варвара, и для того намѣренїе сїе было уничтожено. Послѣ того благополучной вѣтеръ дулъ отъ острововъ Млакона и Нїя, и они въ скоромъ времени отъѣхали весьма далеко; наконецъ пристали къ нѣкоторому острову, которой издали казался неприступнымъ; великїе камни и высокїя горы представляли его совсѣмъ дикимъ мѣстомъ. Начальникъ корабля разсмотрѣвъ его порядочно, опредѣлилъ оставить на немъ Аскалона. И такъ вывели на берегъ, и давъ ему нужное для жизни человѣческой, простились съ нимъ и возврати-

лись къ своимъ островамъ, куда пріѣхавъ благополучно увѣдомили о семъ своихъ согражданъ и остались послѣ того въ покоѣ.

Аскалонъ сидя на берегу сего дикаго мѣста весьма долгое время не чувствовалъ своего несчастія, питая въ сердцѣ великую злость и ненависть къ Алиму. Наконецъ озрѣвшись назадъ противу воли, началъ осматривать новое свое обитаніе; высокія и каменныя горы, провалины и глубокія пещеры, въ дали дремучія лѣса и топкія болота, и словомъ, вся дикая и страшная сія пустыня дышала такимъ ядомъ, которой довольно удобенъ былъ на отнятіе у него жизни. Вселились страхъ и отчаяніе въ неистовое его сердце, и началъ онъ жестоко плакать; слезы его изъявляли больше досаду и огорченіе, и ни мало не означали его печали, которой въ немъ совсѣмъ не бывало; но былъ онъ въ сію минуту въ такомъ заблужденіи, что жизнь свою отнять, преселиться во адъ и терпѣть тамо всякаго рода злыя мученія соглашался съ охотою, только бы отмстить Алиму за учиненную имъ, по мнѣнію его, неправедную

обиду. Всталъ и пошелъ съ великою запальчивостїю искать способа ко отмщенїю Алиму, ежели сїе будетъ возможно; а когда не такъ, то прекратишь жизнь свою самымъ тиранскимъ образомъ: ибо онъ и въ томъ находилъ удовольствїе, чтобъ мучить самаго себя, ежели нѣтъ способовъ вредить другому. Злость его тѣмъ больше возрастала, чѣмъ больше находилъ онъ страху въ томъ дикомъ и незнаемомъ никому мѣстѣ Первая ночь была для него жестокимъ ударомъ; ибо страхъ отъ него не отставалъ, слѣдовательно великое безпокойство претерпѣвалъ онъ во все сїе время; а въ двѣ слѣдующїя за нею была ужасная буря и гремѣлъ сильной громъ безпрестанно; блистанїе молнїи замѣшало его зрѣнїе и почти опаляло на головѣ его волосы; передъ нимъ не въ дальномъ разстоянїи въ разные удары разшибло три высокїя дерева. Въ скоромъ времени сдѣлалось великое трясенїе земли на томъ островѣ, и провалилась одна каменная гора, которая начала кидать изъ себя огненную машерїю. Съ половины ночи началось сїе дѣйствїе, и продолжалось до по-

ловины дня. Аскалонъ въ сіе время прикрывался въ одной каменной пещерѣ; а когда ушихло стремленіе огня, тогда пошелъ онъ для осмотрѣнія сего чудиаго въ природѣ приключенія. Какъ только спалъ онъ подходить къ горѣ, то увидѣлъ на оной двухъ человѣкъ, которые какъ видами, такъ и лѣтами другъ другу были не подобны: одинъ изъ нихъ былъ лѣтъ осьмидесяти, и походилъ больше на жреца, нежели на свѣтскаго человѣка; а другой имѣлъ еще самыя цвѣтущія лѣта. Аскалонъ ни мало не удивился увидѣвъ ихъ, и безъ всякаго разсужденія вбѣжалъ поспѣшно на гору; и когда спалъ ихъ привѣтствовать, то примѣтилъ, что они весьма много оробѣли и удивлялись, смотря другъ на друга, внезапному его пришествію. Такъ наконецъ старей мужъ, которой прежде молодаго освободился отъ удивленія, спрашивалъ Аскалона, какимъ образомъ пребываетъ онъ на семъ пустомъ острову, и какъ зашелъ въ такое незнаемое мѣсто? Аскалонъ укрылъ въ семъ случаѣ дѣйствительное свое приключеніе, а сказалъ, что по разбитіи корабля, на которомъ онъ ѣхалъ, ос-

тался одинъ, и выкинутъ моремъ на сей незнаемой никому островъ.

Рѣдкой человѣкъ узнать можетъ качества незнакомаго, и съ перваго взгляду измѣрить хорошія и дурныя его свойства; но Раналій, какъ назывался старый мужъ, имѣя отъ природы осторожныя разсужденія, въ одну минуту проникъ во внутренность Аскалонову, и узналъ хотя не всѣ, однако многія презрѣнія достойныя его склонности. Напротивъ того Кидалъ, какъ именовался молодой человѣкъ, почувствовалъ было въ себѣ великую склонность къ Аскалону. Раналій не показывая своего безпокойства, которое онъ почувствовалъ, увидѣвъ Аскалона, просилъ его къ себѣ въ хижину, гдѣ хотѣлъ увѣдомить о своихъ приключеніяхъ. Когда шли они туда, то встрѣтились съ ними четыре человѣка, которые вознамѣрились также посмотрѣть прорвавшейся горы, и которымъ приказалъ Кидалъ, какъ возможно скорѣе, опять возвратиться; по чему узналъ Аскалонъ, что оные ихъ служители. Пришедши въ хижину увидѣлъ Аскалонъ, что жили они совсѣмъ не по пустынически; великое до-

вольство и уборы дѣлали Кидала Царскимъ сыномъ, а Ранлія его опекуномъ: но изъ повѣсти ихъ услышалъ онъ совсѣмъ противное своему мнѣнію. Мы, государь мой, купцы, такъ началъ увѣдомлять Аскалона Ранлій, Славенскія области, мѣсто рожденія нашего на берегу рѣки Дуная; я несчастной отецъ, а сіе мой сынъ, говорилъ онъ указывая на Кидала, мы также какъ и вы претерпѣли на морѣ несчастіе, суда наши разбиты бурею, и тотъ корабль, на которомъ сидѣли мы съ сыномъ, выкинуло на мѣль сего острова. Мы вышедъ на берегъ, а осталось насъ только шестеро, которыхъ вы видѣлъ всѣхъ, и еще двѣ женщины, которыхъ вы не видалъ, и онѣ находящся для насъ служащими, старалися всѣ соединенными силами вынаскать все изъ корабля какъ возможно скорѣе; и когда по счастію нашему выбрали мы изъ него довольно, что прибылою водою унесло его отъ насъ въ море, и мы остались здѣсь жить благополучно къ великому нашему несчастію. Другой годъ пребываемъ уже на семъ пустомъ островѣ, и не видали еще никакого корабля, которой бы проходилъ

мимо насъ, и мы уже совсѣмъ лишили-
ся надежды видѣть когда нибудь наше
отечество. А какъ долгъ велитъ по-
могать людямъ, которые находятся въ
равномъ съ нами несчастіи, -що я наб.
людая сіе, могу сдѣлать тебѣ у себя
призрѣніе, ежели оно тебѣ надобно. Ас-
калонъ благодарилъ его за сіе весьма
холоднымъ образомъ ; и какъ объявилъ
онъ, что есть нѣчто съ нимъ изъ нуж-
наго для его содержанія, що Ранлій по-
слалъ потчасъ съ нимъ двухъ служите-
лей, которымъ приказалъ повиноваться
Аскалону, и принесши къ нему все що,
что незнакомой прикажетъ.

Отсутствіе его употребилъ Ранлій
въ свою пользу, и призвавъ къ себѣ Ки-
дала, просилъ его онъ сокрушеннаго сер-
дца, чтобы онъ, какъ возможно, бѣгалъ
сообщенія съ симъ незнакомымъ. Я при-
мѣтилъ, говорилъ онъ ему, что Аска-
лонъ не простаго рода, но имѣетъ весь-
ма испорченной нравъ и достойные вся-
каго презрѣнія поступки. Имъ облада-
етъ теперь великое смущеніе, и досада
написана на глазахъ его: по чему узнаю
я, что онъ привезенъ на сей островъ ,
и тутъ брошенъ безъ всякаго сожалѣнія.

Слова его утверждаютъ сію истинну, и данной ему припасъ служитъ дѣйствительнымъ къ тому доказательствомъ. Повѣствованіе о его похожденіи не имѣетъ ни конца, ни начала; по чему догадываться должно, что выдуманное сказывалъ онъ о себѣ описаніе. Кидалъ почувствовавъ въ себѣ съ перваго разу любовь и дружество къ Аскалону, не весьма удобенъ былъ принудить себя удалятся отъ онаго; однако по крайней мѣрѣ желалъ слѣдовать волѣ своего наставника, и такъ противъ желанія своего казался Аскалону дикимъ и необходительнымъ человѣкомъ.

Аскалонъ пребывая у нихъ болѣе недѣли, не видалъ ни отъ кого, ни отъ другаго усерднаго къ себѣ привѣтствія; чего ради наполнялся пущею злобою, и выдумывалъ такія предпріятія, которыхъ и самъ адъ претерпѣть принужденъ былъ: но всѣ оныя оставались безъ успѣха, ибо неистовой изобретатель оныхъ находился иногда безъ силъ. Въ нѣкоторое время при разсвѣтаніи дня сидѣлъ Аскалонъ на берегу острова на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ оставили его Млаконцы, смотрѣлъ въ ту сторону,

гдѣ Алимъ счастливо наслаждается прелестями Аскліады, мысленно завидовалъ его счастію, питалъ сердце свое неутолимою злобою, и думалъ только о способахъ, какъ бы растерзать его на части, и послѣ овладѣть Аскліадою; а чтобы больше прибавлялась въ немъ досада и огорченіе, то рѣзалъ ножемъ у себя персть и испускалъ кровь свою на землю. Злобное его сердце услаждалося собственною своею болѣзнію и готово было на все неистовое согласиться. Когда же находился онъ въ семъ заблужденіи, то увидѣлъ вдали человѣка, котораго видъ принудилъ его дрожать и забыть совсѣмъ ненависть къ Алиму. Образъ того человѣка имѣлъ нѣчто отмѣнное въ себѣ отъ всего смертнаго племени; вдали казался онъ больше духомъ, нежели человѣкомъ; шѣло его иногда видѣлось проницательнымъ, а иногда казалось плотнымъ; видѣлось временемъ прикрытое платьемъ, а иногда представлялось нагимъ; шелъ онъ то по землѣ, то казался на воздухѣ; имѣлъ ростъ человѣческой, и въ тужъ минуту представлялся равенъ высокимъ деревамъ и толстъ на подобіе горы, затмѣ-

вялъ собою солнце, и дѣлался меньше Сильфы. Иногда вдавливалъ ногами въ землю каменья, ссыпалъ великія пропасти, сучья и хворостъ трещали подъ его пятами, а иногда былъ легче воздуха; а чѣмъ ближе подходилъ къ Аскалону, тѣмъ больше уподоблялся человѣку; и подошедъ къ нему весьма близко сказалъ: вспань и ступай за мною.

ГЛАВА III.

ВЕЧЕРЪ 58.

Продолженіе повѣсти объ Аскалонѣ.

Аскалонъ сколько ни отважевъ былъ въ своихъ предпріятіяхъ, однако столь много чувствовалъ къ себѣ страху идучи за нимъ, что сего никакъ изъяснить не возможно. Наконецъ пришли они къ одному великому камню, которой въ одну минуту поднялся, какъ только проводникъ дотронулся до него жезломъ, которой онъ имѣлъ въ рукахъ. Подъ нимъ означился просторанной под-

земельной ходъ и весьма широкая изъ чернаго мармора лѣсница; а по сторонамъ на оной въ разномъ разстояніи стояли хрустальные высокіе столбы, въ которыхъ горѣлъ весьма ясно огонь, и освѣщалъ собою весь сводъ удивительной сходъ. Потолокъ сдѣланъ былъ изъ разноцвѣтныхъ каменьевъ, которой казался произведенъ самою природою; камни блистали въ оном на подобіе яркихъ звѣздъ, отъ чего и свѣтъ и красота въ оном усугублялись. Аскалонъ за проводникомъ своимъ слѣдовалъ по лѣсницѣ весьма долгое время; наконецъ сошли они на пространное мѣсто, которое совсѣмъ подобно было сходу. Земли въ оном не видно было, и весь низъ полъ состоялъ изъ чернаго мармора, а потолокъ изъ такихъ же каменьевъ; множество хрустальныхъ столбовъ и такихъ же лампадъ со свѣчами представляли мѣсто сіе превращеннымъ свѣтомъ. Аскалонъ ни конца пространству, ни числа столбамъ и лампадамъ ни коимъ образомъ узнать не могъ. Между оными находилось множество людей; но они походили больше на облака или на духъ, нежели на человѣковъ, и каз-

лось Аскалону, что никто изъ нихъ не дотрогивался до полу: но что его больше всего устрашило, такъ то, когда увидѣлъ онъ сихъ людей совсѣмъ въ другомъ образѣ; иные имѣли изъ нихъ козьи головы, другіе змѣиныя, трети львиныя, и такъ далѣе. Всякое безобразіе на людяхъ обитало въ семъ мѣстѣ. Нѣкоторые были объ одной ногѣ и имѣли множество рукъ; у иныхъ увидѣлъ онъ глаза на грудяхъ, а руки сверьхъ головы; нѣкоторые ни рта, ни носа не имѣли, и свѣтился у нихъ одинъ глазъ во лбу, и такъ далѣе. Гомалисъ, такъ назывался проводникъ Аскалоновъ, примѣтивъ въ немъ необычайной страхъ, старался всѣми силами ободрить его и наполнить отважностію. Въ семъ укрѣпленіи Аскалона пришли они къ воротамъ, которыя сдѣланы были изъ чуднаго металла, и походили больше на угрюмую тучу, нежели на заворы. Гомалисъ немедленно приказалъ отворить оныя. Съ превеликимъ шумомъ отверзли, какъ думалъ Аскалонъ, адскія двери. Какъ только вышли они изъ сего освященнаго огнемъ обитанія, то Аскалонъ остолбенѣлъ, и вмѣсто вели-

каго страха вселилось въ него еще болъшее удивленїе, и онъ столь много изумился, что принужденъ былъ остановишься и не могъ продолжашь пути своего за Гомалисомъ. Что съ тобою сдѣлалось, говорилъ ему проводникъ, или сей новой свѣтъ привелъ тебя въ толь необычайное удивленїе? Не токмо привод ишъ во удивленїе всѣ сїи новости, отвѣчалъ ему Аскалонъ, но я самъ себя позабываю, и теряю совсѣмъ понятїе мое и стройное теченїе мыслей; теперь вижу то, чего во всю жизнь мою увидѣть бы мнѣ было не возможно, ниже бы я могъ вообразить когда нибудь объ оном.

Аскалонъ видѣлъ тамъ хрустальное небо, отъ земли не весьма возвышенное, на которомъ держалось все великое пространство водъ неизмѣримаго моря. Всѣ чудовища, рыбы и гады, плавающїя въ бездне водъ, видны были сквозь сей прозрачной сводъ; и что всего чудне было, то плавающїя на поверхности воды всякїя суда такъ какъ въ близи осматривать было можно; солнечные лучи проницали сквозь воду, и проходили сквозь хрусталь и

землю, гдѣ не весьма въ отдаленномъ отъ пришедшихъ разстояніи видны были огромныя и весьма великолѣпныя палаты, которыя сдѣланы были изъ чистаго и желтаго металла, подобнаго золоту, но онъ блисталъ пуще онаго; по серединѣ на верьху оныхъ сидѣлъ Ашланій, который имѣлъ необыкновенную величину въ положеніи своего тѣла, и держалъ на себѣ весь шатеръ прозрачной сводъ. Къ сему зданію сдѣланы были весьма искусною рукою прямыя дороги, которыя обсажены были не высокими, но густыми деревами прекраснаго и благоухающаго рода, и отъ столь были нѣжны, что когда дотрогивался до нихъ Аскалонъ своими руками, то отъ оныхъ листы сверпывались и въ одну минуту блекли; на нихъ видны были различнаго рода цвѣты и такъ часто, что казалось, будто бы число цвѣтовъ превышало число листьевъ. Вся земля покрыта была зеленою и весьма нѣжною травою, до которой ни сердитые вихри, ни великія дожди, ниже всякая дурная погода дотронуться не смѣли, а одна нѣжная заря орошала ее своими слезами. Вдали видны

были другія преизрядныя зданія, которыя какъ видомъ, такъ и цвѣтами другъ другу были не подобны ; ведущія къ онымъ долины украшены были цвѣтами, между которыми ходили различнаго рода большія птицы. Когда вышли они на нѣкоторую круглую площадь, по срединѣ которыя стояла на великолѣпномъ престолѣ весьма великая статуя, которая на груди, на рукахъ, на крыльяхъ и на ногахъ, и словомъ, по всему тѣлу имѣла открытые глаза, которые казались живыми, и находились въ безпрестанномъ движеніи. Тутъ Аскалонъ увидѣлъ безчисленное множество прямыхъ дорогъ, и на концѣ каждыя по великолѣпному зданію; по дорогамъ вдали и близко, какъ гдѣ случилось, прохаживались женщины великими толпами, и были всѣ въ бѣломъ одѣяніи ; головное и другое украшеніе состояло у нихъ изъ цвѣтовъ ; и когда прохаживали онѣ мимо Аскалона и Гомалиса, то послѣднему весьма низко кланялись : почему догадывался Аскалонъ, что проводникъ его въ семъ мѣстѣ обладателемъ, и для того началъ просить его неотступно, чтобы онъ

увѣдомилъ его, гдѣ онъ находится и за чѣмъ приведенъ въ сїе сверхъестественное обитанїе. Гомалисъ сѣлъ на лавку, приказалъ тожъ сдѣлать Аскалону, и началъ увѣдомлять его такими словами.

Аскалонъ, когда уже опредѣлилъ ты не повиноватьсе волѣ боговъ, а слѣдовать всегда собственнымъ твоимъ пристрастїямъ, то сїе для меня великое счастїе: ты находишься теперь подъ моимъ покровительствомъ, и все, что для тебя угодно, выпросишь у меня можешь; а для Гомалиса все въ свѣтѣ возможно, выключая освященныхъ вещей; къ онымъ однимъ только прикоснуться я не смѣю. Не устрашись, примолвилъ онъ, услыша мое произхожденїе, я дьяволъ и князь надо многими духами. Когда свержены мы на землю, то праотецъ нашъ Сатана раздѣлилъ намъ владѣнїя; иные обитаютъ въ воздухѣ, другїе на землѣ, а мнѣ досталось обитанїе въ водахъ. Сїе все, что ты ни видишь, мое подданство, и всѣ повинуются волѣ моей безъ всякой упорности; здѣсь большая часть обитаютъ духовъ, но суть множество и

изъ смертныхъ, которые пожелали отдаться волѣ моей самопроизвольно. Бываетъ нѣкоторое время въ году, что приходитъ на ожидавшихся мнѣ людей великая тоска и жалѣніе о свѣтѣ, испускаютъ они великой и отчаянной плачъ объ отлученіи отъ боговъ, и всѣ соединенными силами приступаютъ къ воротамъ и желаютъ отсюда выйти: тогда все множество демоновъ, которыхъ ты видѣлъ въ проходѣ, защищаютъ тѣ огромныя ворота, въ коихъ мы пробыли, и тѣмъ удерживаютъ ихъ въ семъ мѣстѣ до опредѣленнаго къ наказанію ихъ времени. Сія сипатуя, продолжалъ онъ указывая на глаза того чудовища, послана ко мнѣ изъ ада, и дана подмогою власти моей и силы; по ней узнаю я, что дѣлается въ моемъ владѣніи, и она все, что я ни вздумаю, представляетъ; въ доказательство тому увидишь ты теперь опытъ. Потомъ сказалъ онъ громкимъ голосомъ *Асклїада!* Въ одну минуту сдѣлалась изъ той сипатуи супруга Млаконскаго обладателя. Асклаонъ увидѣвъ сіе пришелъ въ великое удивленіе, вскочилъ и бросился передъ Гомалисомъ на колѣни и

началъ его просить, чтобы онъ не изъясненнымъ своимъ могуществомъ призвалъ дѣйствительную Аскаладу въ сіе мѣсто, за что обѣщалъ всегда исполнять его волю и быть послушнѣе всѣхъ изъ его подданныхъ: однимъ словомъ, совсѣмъ отдавался во власть демона Гомалиса. Князь духовъ обѣщался ему сіе исполнить, и хотѣлъ отдать въ руки его Аскаладу съ тѣмъ уговоромъ, ежели Аскалонъ поклянется Сатаною и всѣмъ адомъ, и дастъ ему рукописаніе своею кровію, и потомъ, что онъ ему ни прикажетъ, то Аскалонъ исполнитъ. На все согласился сей нечестивой злодѣй; и слѣдовалъ за Гомалисомъ для исполненія своего обѣщанія. Пришли они въ то великолѣпное зданіе, и тамъ на мѣстѣ заклятія отрицался Аскалонъ боговъ и своихъ радѣтелей, и послѣ далъ на душу свою рукописаніе. Возрадовался тогда адъ, и всѣ бѣсы торжествовали въ сіе время; послѣ положили на него печать со изображеніемъ и съ именемъ Сатаны.

Гомалисъ окончавъ сіе радостное для себя дѣло, поручилъ исполнить

ему первое такое приключеніе. Слушай возлюбленной мой Аскалонъ, говорилъ онъ ему, тѣ люди, съ которыми ты теперь обитаешь, суть не купцы, Кидалъ владѣтель нѣкотораго города, подлѣ границы Китайской, которой называется Омаръ, а Ранлій первой министръ того государства и опекунъ Кидаловъ. Аршаира, мать сего владѣтеля, еще при жизни мужа своего, храбраго Государя Кланга, влюбилась чрезвычайно въ своего сына, и желая совокупиться съ нимъ плотски, но страхъ и позорная молва удерживали ее отъ того до самой смерти Клангової; а теперь, когда уже не опасается она власти мужней, то положила непремѣнно исполнить свое желаніе. По смерти отца своего сѣлъ Кидалъ на родительскомъ престолѣ, и первое, къ великому своему безпокойству, примѣтилъ въ матери своей сію порочную къ себѣ страсть, и размышляя очень долго самъ съ собою, предпріялъ не открывать того никому, а какъ возможно стараться самому отвратить родительницу свою отъ сей презренной всѣми любови. Аршаира подъ видомъ совѣшованія сво-

ему сыну посѣщала его каждой вечеръ, старалась всегда въ такое время, въ которое былъ уже онъ на постелѣ. Кидалъ весьма долгое время пренебрегалъ сіе неистовое предпріятіе матери своей, и укорялъ ее беззаконіемъ, устрашалъ за сіе божескимъ гнѣвомъ и вѣчнымъ адскимъ мученіемъ. Наконецъ внезапно почувствовалъ въ себѣ слабость и узналъ, что и въ его сердце вселялась сія порочная страсть, и въ одно удобное къ тому время едва воздержался онъ сего непростительнаго грѣха; ибо Артаира, оставивъ всякую благопристойность, была передъ нимъ весьма дерзкою. Кидалъ увидѣвъ, что силъ его не достанетъ къ воздержанію, открылъ сіе Раилію, котораго строгая добродѣтель и весьма просвѣщенной разумъ тотчасъ изобрѣли средство къ утушенію сего неистоваго пламени въ двухъ единой крови сердцахъ. Въ тотъ же самой вечеръ сѣлъ онъ на корабль, къ чему пригласилъ и Кидала, и такъ пріѣхавъ на сей островъ оставался, тщетъ воздерживать Кидала отъ такого грѣха, которой никогда безъ наказанія не останется. Артаира теперь въ великомъ

отчаянїя, и прилагаетъ всѣ силы, чтобъ найти своего сына ко исполненїю своей страсти. Ранлїй живетъ подъ покровительствомъ боговъ, и добродѣтель его столь велика, что мы, сколько ни стараемся, никакъ не можемъ ее поколебать; онъ уже почти отвратилъ Кидала отъ той страсти, и теперь старается привести его къ большему почитанїю боговъ. Остается весьма коротокое время, въ которое можемъ мы еще искусить Кидала; безъ Ранлїя согласится онъ на требованїе материно. Сей грѣхъ весьма рѣдко случается на свѣтѣ, и для того, кто доведетъ изъ насъ смертныхъ ко оному, тому бываетъ великое награжденїе отъ князя всѣхъ духовъ.

ГЛАВА IV.

ВЕЧЕРЪ 59.

Продолженїе повѣсти объ Аскалонѣ.

Аскалонъ понялъ изъ сего описанїя, какая услуга надобна отъ него Го-

малису, ибо онъ ни очемъ больше не помышлялъ, какъ о злодѣйствахъ и смертоубійствѣ. Я догадываюсь, сказалъ онъ князю духовъ, надобно тебѣ, чтобъ я убилъ Раналія, для того что вамъ къ нему прикоснуться не можно. Сіе въ угодность твою охотно я исполню, и обѣщаю, что завтрешній день увидишь ты меня въ семъ мѣстѣ съ головою незнакомаго мнѣ чужестранца. Гомалисъ былъ тѣмъ весьма доволенъ, и приказалъ вывесити Аскалона на поверьхность острова. Сей злодѣй человѣческаго рода еще при первомъ свиданіи старался узнать, имѣютъ ли великую преданность къ Раналію его слуги, и съ охотою ли они повинуются его власти, и узналъ, что они по неволѣ пребываютъ заключены на семъ островѣ, и принуждены претерпѣвать все лишася своихъ родителей, женъ и знакомыхъ, и оставивъ дѣтей и домы. И такъ обнадежилъ ихъ своею милостію, обѣщалъ наградить каждаго и дать имъ свободу, увѣрилъ, что отвезетъ ихъ въ отечество, и тѣмъ склонилъ каждаго на свою сторону. Какъ солнце стало склоняться, и ночь тѣнова уже была

взойши на небеса, Ранлїй, котораго рокъ велъ уже къ концу его жизни, пригласилъ съ собою Аскалона и пошелъ въ нѣкоторое пріятное мѣсто съ онымъ прогуляшься. Намѣреніе его состояло въ томъ, чтобъ дашь наставленіе Аскалону къ исправленію звѣрскаго его нрава и весьма вредныхъ склонносшей. Пришедъ во уединенное мѣсто, только что хошѣлъ было онъ произвесши похвальное свое намѣреніе въ дѣйсшво, по женшиной Аскалонъ предупредилъ его желаніе, и выхвашивъ весьма поспѣшно свой мечь лишилъ невиннаго и добродешельнаго Ранлїя жизни; и какъ только отрубилъ ему голову, то нечаянно увидѣлъ, что присшали къ острову и весьма близко къ шому мѣсшу, гдѣ онъ находился, два большіе и военные корабли; съ оныхъ воины выскакали весьма поспѣшно на берегъ и разсѣялись по всему острову. Тѣ, которымъ случилося напасшь на Аскалона, подхвашили его и шошчасъ предсшавили къ нѣкоторой женщинѣ, которая была весьма прекрасна и одѣша въ воинскую одежду; она шла еще шогда съ корабельной лѣсницы, поддерживаема двумя храбрыми

воинами. Какъ скоро увидѣла Аскалона обагреннаго кровію и держащаго въ рукахъ голову: увы, милосердые боги! возопила она тогда отчаянно; не наказание меня еще большимъ несчастіемъ, котораго уже силъ моихъ снесть не достанетъ. Потомъ приближившись къ нему весьма робкими стопами спрашивала: скажи мнѣ, незнакомой, государь ты или подданной, варваръ или законной отмститель умерщвленному тобою человѣку? Государыня моя, отвѣчалъ ей Аскалонъ, ты не имѣешь никакого права требовать отчета въ моихъ дѣлахъ: подданые твои воины поступали со мной весьма дерзко, за что или они, или ты претерпишь достойную месть; не думай, что я безсиленъ и не въ состояніи отмщевать тому, кто весьма нагло со мною поступаетъ, чему въ доказательство служитъ держимая мною голова; всякой не избѣжитъ сего рока, естьли дерзнетъ отнять у меня данную мнѣ отъ боговъ волю.

Сіи произнесенныя Аскалономъ слова показались Плакетѣ, такъ называлась сія женщина, отчаяннаго и нахо-

изъ смертныхъ, которые пожелали отдаться волѣ моей самопроизвольно. Бываетъ нѣкоторое время въ году, что приходитъ на отдавшихся мнѣ людей великая тоска и жалѣнїе о свѣтѣ, испускаютъ они великой и отчаянной плачь объ отлученїи отъ боговъ, и всѣ соединенными силами приступаютъ къ воротамъ и желаютъ отсюда выйти: тогда все множество демоновъ, которыхъ ты видѣлъ въ проходѣ, защищаютъ тѣ огромныя ворота, въ кои мы пропали, и тѣмъ удерживаютъ ихъ въ семъ мѣстѣ до опредѣленнаго къ наказанїю ихъ времени. Сїя статуя, продолжалъ онъ указывая на глаза того чудовища, послана ко мнѣ изъ ада, и дана подмогою власти моей и силы; по ней узнаю я, что дѣлается въ моемъ владѣнїи, и она все, что я ни вздумаю, представляетъ; въ доказательство тому увидишь ты теперь опытъ. Потомъ сказалъ онъ громкимъ голосомъ *Аскалїада*! Въ одну минуту сдѣлалася изъ той статуи супруга Малконская обладателя. Аскалонъ увидѣвъ сїе пришелъ въ великое удивленїе, вскочилъ и бросился передъ Гомалисомъ на колѣни и

началъ его просить, чтобы онъ не изъ-
яснимымъ своимъ могуществомъ при-
звалъ дѣйствительную Аскаладу въ сіе
мѣсто, за что обѣщалъ всегда испол-
нять его волю и быть послушнѣе всѣхъ
въ его подданныхъ: однимъ словомъ,
совсѣмъ отдавался во власть демона
Гомалиса. Князь духовъ обѣщался ему
сіе исполнить, и хотѣлъ отдать въ ру-
ки его Аскаладу съ тѣмъ уговоромъ,
ежели Аскалонъ поклянется Сатаною
и всѣмъ адомъ, и дастъ ем рукопися-
ніе своею кровію, и потомъ, что онъ
ему ни прикажетъ, то Аскалонъ ис-
полнитъ. На все согласился сей кова-
товой злодѣй; и слѣдовалъ за Гома-
лисомъ для исполненія своего обѣща-
нія. Пришли они въ то великолѣпное
зданіе, и тамъ на мѣстѣ заклятія от-
рицался Аскалонъ боговъ и своихъ ро-
дителей, и послѣ далъ на душу свою
рукописаніе. Возрадовался тогда адъ,
и всѣ бѣсы торжествовали въ сіе вре-
мя; послѣ положили на него печать
со изображеніемъ и съ именемъ Сатаны.

Гомалисъ окончавъ сіе радостное
для себя дѣло, поручилъ исполнить

го бросилъ престолъ, послѣдуя сему грубому и своенравному старику, заключилъ самопроизвольно себя на семъ островѣ, предпочелъ неволю коронѣ, и сдѣлался изъ самовластнаго господина слугою; или ты не представляешь никогда, что разоряются твои подданные, утѣснены будучи можетъ быть какимъ нибудь налогомъ, или неправедною войною, терпятъ жестокія гоненія лишася своего защитителя и покровителя, можетъ быть всякой день проливаютъ слезы ожидая твоего къ нимъ возвращенія; а ты столько жестокосердъ, что никогда о нихъ и помыслить не хочешь, за что конечно получишь ты отъ Бога и отъ природы жестокое наказаніе. Уѣхалъ ты сюда для воздержанія себя отъ нѣкоторой извѣстной тебѣ и мнѣ порочной любви. Сіе глупое намѣреніе достойно смѣха; и должно предпріятно быть закоренѣлымъ въ старыхъ людяхъ своенравіемъ, не могъ ли бы ты воздерживать себя владѣя народомъ, и мнѣ кажется, что удобнѣе можно преодолѣть себя тогда, когда великія дѣла занимаютъ больше твой разумъ, и почти выгоняютъ изъ пама-

ему сыну посѣщала его каждой вечеръ, старалась всегда въ такое время, въ которое былъ уже онъ на постелѣ. Кидалъ весьма долгое время пренебрегалъ сїе неистовое предпріятїе мате и своей, и укорялъ ее беззаконїемъ, устраталъ за сїе божескимъ гнѣвомъ и всѣмъ адскимъ мученїемъ. Наконецъ внезапно почувствовалъ въ себѣ слабость и узналъ, что и въ его сердце вселилась сїя порочная страсть, и въ одно удобное къ тому время едва воздержался отъ сего непростительнаго грѣха; ибо Артаира, оставивъ всякую благопристойность, была передъ нимъ весьма дерзскою. Кидалъ увидѣвъ, что силъ его не достаетъ къ воздержанїю, открылъ сїе Раилїю, котораго строгая добродѣтель и весьма просвѣщенной разумъ тотчасъ изобрѣли средство къ утушенїю сего неистоваго пламени въ двухъ единой крови сердцахъ. Въ тотъ же самой вечеръ сѣлъ онъ на корабль, къ чему пригласилъ и Кидала, и такъ прїѣхавъ на сей островъ остался тутъ воздерживать Кидала отъ такого грѣха, которой никогда безъ наказанїя не останется. Артаира теперь въ великомъ

Кидала оспѣвила своихъ шѣлохранителей, и приказала, чтобы оные соблюдали жизнь его со ошмѣннымъ раченіемъ. Пришедъ туда хотѣла она отдаться пріятному сну, ибо время уже оное наступило; но вмѣсто чаемаго покою начали разныя воображенія терзать ея сердце, стройное теченіе ея мыслей пришло въ великой безпорядокъ; нѣкоторая тоска вселилась въ грудь ея, и начала помалу развращать ея разумъ. Думала она весьма крѣпко, но о чемъ, того сама не понимала. Похвальное намѣреніе, для котораго ѣздила она по свѣту и пріѣхала на сей островъ, начало нечувствительно исчезать изъ ея понятія, всѣ предпріятія и расположенія въ ея разумѣ потухли, и осталась одна только тѣнь оныхъ, нѣжное ея сердце почувствовало потомъ совѣмъ неизвѣстную Плакеніѣ жалость, побѣдоносные глаза наполнилися слезами, и противъ воли орошали прекрасное лице ея. Сіе приключеніе привело ее въ нѣкоторую робость, и для того встала она съ постели и позвала къ себѣ Брамину, какъ участницу своихъ плановъ и вѣрную другиню; и когда

малису, ибо онъ ни очемъ больше не помышлялъ, какъ о злодѣйствахъ и смертоубійствѣ. Я догадываюсь, сказалъ онъ князю духовъ, надобно тебѣ, чтобъ я убилъ Раналія, для того что вамъ къ нему прикоснуться не можно. Сіе въ угодность твою охотно я исполню, и обѣщаю, что завтрешній день увидишь ты меня въ семъ мѣстѣ съ головою незнакомаго мнѣ чужестранца. Гомалисъ былъ тѣмъ весьма доволенъ, и приказалъ вывести Аскалона на поверхность острова. Сей злодѣй человѣческаго рода еще при первомъ свиданіи старался узнать, имѣютъ ли великую преданность къ Раналію его слуги, и съ охотою ли они повинуются его власти, и узналъ, что они по неволѣ пребываютъ заключены на семъ островѣ, и принуждены претерпѣвать все лишася своихъ родителей, женъ и знакомыхъ, и оставивъ дѣтей и домы. И такъ обнадежилъ ихъ своею милостію, обѣщалъ наградить каждаго и дать имъ свободу, увѣрилъ, что отвезетъ ихъ въ отечество, и тѣмъ склонилъ каждаго на свою сторону. Какъ солнце стало склоняться, и ночь тѣнова уже была

Пренебрегая все, хотѣла бѣжать къ нему сама и увѣдомишься о его судьбинѣ; но образумясь нѣсколько, узнала, что сіе порочно и не похвально, хотѣла послать Брамину; но стыдъ воспрепятствовалъ ей произвести и сіе предпріятіе въ дѣйство. Въ семъ случаѣ узнала она причину своего безпокойства, съ великимъ прискорбіемъ сожалѣла о потерянїи своей волности, сѣтовала о своемъ безпокойствіи; но въ самое еще время чувствовала нѣкоторую въ себѣ радость, которая противъ воли ея обладала ея сердцемъ. Сіе слѣдствіе вкореняющейся въ сердца наши любви разсѣявало ея разумъ и приводило мысли совсѣмъ въ непокаянное ей движеніе; всякое воображеніе въ ея разумѣ имѣло окончаніемъ предметъ не давно ею овладѣвшей. Всѣ предпріятія, желанїя и самое сердце прилѣплены были къ прекрасному образу Кидалову. Напрасно старалася Плакеша, не извѣстясь о немъ, уѣхать съ острова, все влекло ее увидѣться съ онымъ; но неслыханное доселѣ въ женщинахъ мужество преодолѣло ея желаніе. Она послала одного изъ своихъ воиновъ привес-

ти на корабль оставленныхъ у Кидала тѣлохранителей, которые пришедъ объявили ей, что Кидалъ не столько уже чувствуетъ отчаянія; и приходитъ помалу въ прежнія свои чувства. Плакета укрѣпивъ свое сердце и собравъ почти уже всѣ потерянныя силы, приказала поднять парусы и поѣхала отъ острова, оставила Кидала; но любови къ нему оставить ей было не возможно, которая помянутно возрастала въ ея сердцѣ.

ГЛАВА V.

ВЕЧЕРЪ 60.

Продолженіе повѣсти объ Аскалонѣ.

По маломъ забвеніи, когда отворилъ плачевные глаза свои Кидалъ, что первое предпріялъ возблагодарить незнакомую Героиню за оказанное ея объ немъ сожалѣніе, пошелъ онъ на тотъ берегъ, подлѣ котораго стояли кораб-

ли ; и какъ увидѣлъ , что оныхъ уже нѣтъ, то вздрогнулъ необычайно и пришелъ въ великое удивленіе ; сердце его въ то время пронулось и облилося кровію, какъ самъ онъ сіе чувствовалъ. Первое, вообразились ему весьма живо всѣ прелести ушедшей Плакеты , началъ онъ воображать ее помянутно, и чемъ больше думалъ , тѣмъ становилась она пріятнѣе и вкоренялась больше часъ онъ часу въ его прельщенныя мысли. Время удаляло Плакету отъ острова и умножало въ сердцахъ сихъ двухъ любовниковъ начинающуюся внезапно страсть. Кидалъ вдругъ пораженъ былъ двумя нечаяннostями , но есть , великимъ сожалѣніемъ , и еще больше того любовію: чего ради находился уже совсѣмъ неспособнымъ сносить уединенія. Онъ возвратился домой совсѣмъ не съ тѣми мыслями , которыя имѣлъ вышедъ изъ онаго. Печаль его о Ранліи начала уступать мѣсто любви, сѣтованіе его исчезло и родилась на мѣсто онаго великая задумчивость. Три дни не говорилъ онъ со своими служителями, и находился въ такомъ глубокомъ смущеніи, что они опчаявался видѣть его

нять у него жизнь такимъ мучительнымъ образомъ? Праведное небо! на что ты въ такое прелестное тѣло вложило варварскую душу, что ни лѣты, ни смиренїе, ни добродѣтель, которую имѣлъ въ себѣ мой предводитель и питомецъ, не могли привести ее къ сожалѣнїю о немъ. Такъ, сударыня, продолжалъ Кидалъ обращался къ Плакетѣ, я называю тебя шпанкою, и вмѣсто обыкновеннаго къ вашему полу почтенїя и преданности чувствую омерзенїе и отвращенїе за учиненное тобою звѣрство.

Плакета слушая сїи слова пришла въ превеликое удивленїе, и ожидала на оныя отвѣтъ отъ Аскалона, котораго ни стыдъ, ни совѣсть тогда не укоряли, и онъ весьма спокойнымъ образомъ говорилъ Кидалу сїе: Я удивляюсь твоему малоумїю, и приписываю его не иному чему, какъ молодымъ твоимъ лѣтамъ и не созрѣлому еще разуму; вмѣсто чувствуемой тобою печали и ненависти долженъ ты благодарить Раилѣва убійцу. Боги вручили тебѣ правленїе народомъ, о которомъ долженъ ты имѣть всякое попеченїе; но вмѣсто сла-

го бросилъ престолъ, послѣдуя сему грубому и своенравному старику, заключилъ самопроизвольно себя на семъ островѣ, предпочелъ неволю коронѣ, и сдѣлался изъ самовластнаго господина слугою; или ты не представляешь никогда, что разоряются твои подданные, утѣснены будучи можетъ быть какимъ нибудь налогомъ, или неправедною войною, терпятъ жестокія гоненія лишася своего защитителя и покровителя, можетъ быть всякой день проливаютъ слезы ожидая твоего къ нимъ возвращенія; а ты столько жестокосердъ, что никогда о нихъ и помыслить не хочешь, за что конечно получишь ты отъ Бога и отъ природы жестокое наказаніе. Уѣхалъ ты сюда для воздержанія себя отъ нѣкоторой извѣстной тебѣ и мнѣ порочной любви. Сіе глупое намѣреніе достойно смѣха; и должно предпріятіе быть запорѣлымъ въ старыхъ людяхъ своенравіемъ, не могъ ли бы ты воздерживать себя владѣя народомъ, и мнѣ кажется, что удобнѣе можно преодолѣть себя тогда, когда великія дѣла занимаютъ больше твой разумъ, и почти выгоняютъ изъ пама-

ти всякое пристрастіе. Я убилъ Ранлія, ненавидя меня, а къ сей незнакомой героинѣ имѣй должное почтеніе: ибо мы оба не знаемъ еще ея сложенія. Плакеша не говорила никогда ни слова: ибо она незнала ни малѣйшаго происхожденія его дѣла; однако видя незнакомаго Кидала въ неутолимой печали, старалася всѣми силами воздерживать его отъ оной: но всѣ ея старанія не имѣли нималѣйшаго успѣха. Кидалъ отдался отчаянію, и не говоря ни слова Аскалону пошелъ въ свое жилище, и тамъ хотѣлъ оплакивать своего добродѣтельнаго друга, а Плакеша приказала воинамъ своимъ похоронить тѣло, о которомъ не знала она ничего, и слѣдовала весьма поспѣшно за Кидаломъ. Пришедъ къ нему нашла его лежащаго и погрузившаго въ великомъ отчаяніи: чего ради не желая безпокоить, призвала къ себѣ его служителей и увѣдомилась обстоятельно, кто онъ таковъ, и для чего живетъ на семъ пустомъ островѣ.

Ночь находилась уже въ полной силѣ; и для того Плакеша пошла для успокоенія своего на корабль, а подлѣ

Кидала оставила своихъ тѣлохранителей, и приказала, чтобы оные соблюдали жизнь его со отмѣннымъ раченїемъ. Пришедъ туда хотѣла она отдаться прїятному сну, ибо время уже оное наступило; но вмѣсто чаемаго покою начали разныя воображенїя терзать ея сердце, стройное теченїе ея мыслей пришло въ великой безпорядокъ; нѣкоторая тоска вселилась въ грудь ея, и начала помалу развращать ея разумъ. Думала она весьма крѣпко, но о чемъ, того сама не понимала. Похвальное намѣренїе, для котораго ѣздила она по свѣту и прїѣхала на сей островъ, начало нечувствительно исчезать изъ ея понятїя, всѣ предпрїятия и расположенїя въ ея разумѣ потухли, и оставалась одна только тѣнь оныхъ, нѣжное ея сердце почувствовало потомъ совсѣмъ неизвѣстную Плакетѣ жалость, побѣдоносные глаза наполнилися слезами, и противъ воли орошали прекрасное лице ея. Сїе приключенїе привело ее въ нѣкоторую робость, и для того встала она съ постели и позвала къ себѣ Брамину, какъ участницу своихъ таинъ и вѣрную другиню; и когда

начала разсказывать ей о чувствуемомъ ею теперь непонятномъ безпокойствѣ, что въ одну минуту жаркая кровь въ ней взволновалась, стыдъ покрылъ ея прекрасной образъ, и она не окончавъ легла опять на постелю; добродѣтельная Брамина проникла тотчасъ сію тайну, и будто совсѣмъ оной не понимая, сказала Плакеттѣ, что можетъ быть претерпѣнное ею безпокойство тому причиною, совѣтовала ей какъ возможно успокоиться, и увѣряла, что по утру все оное пройдетъ. Плакетта не отвѣчала ей ни слова, и лежала прикрывшись подушкою; чего ради Брамина оставила ее въ покоѣ, или лучше еще, въ большемъ прежняго безпокойствѣ, въ которомъ находилась она всю ночь. При разсвѣтаніи дня нѣсколько забылась сія безпокойная Государыня, и лишь только заворотила свои глаза, то мечталось ей, будто Кидалъ въ великомъ отчаяніи, сожалѣя о своемъ предводителѣ, хотѣлъ заколоть себя кинжаломъ, чего столько испужалась Плакетта, что въ тужъ минуту проснулась, сердце ея трепетало, и наяву уже лишалась своихъ чувствъ.

Пренебрегая все, хотѣла бѣжать къ нему сама и увѣдомиться о его судьбинѣ; но образумясь нѣсколько, узнала, что сіе порочно и не похвально, хотѣла послать Брамину; но стыдъ воспрепятствовалъ ей произвести и сіе предпріятіе въ дѣйство. Въ семъ случаѣ узнала она причину своего безпокойства, съ великимъ прискорбіемъ сожалѣла о потерянїи своей волности, сѣтовала о своемъ безпокойствїи; но въ самое еще время чувствовала нѣкоторую въ себѣ радость, которая противъ воли ея обладала ея сердцемъ. Сіе слѣдствіе вкореняющейся въ сердца наши любви разсѣявало ея разумъ и приводило мысли совсѣмъ въ непонятное ей движеніе; всякое воображеніе въ ея разумѣ имѣло окончаніемъ предметъ не давно ею овладѣвшей. Всѣ предпріятія, желанїя и самое сердце прилѣплены были къ прекрасному образу Кидалову. Напрасно старалася Плакеша, не извѣстясь о немъ, уѣхать съ острова, все влекло ее увидѣться съ онымъ; но неслыханное досель въ женщинахъ мужество преодолѣло ея желаніе. Она послала одного изъ своихъ воиновъ привес-

ти на корабль оставленныхъ у Кидала тѣлохранителей, которые пришедъ объявили ей, что Кидалъ не столько уже чувствуетъ отчаянїя ; и приходитъ помалу въ прежнїя свои чувства. Плакеша укрѣпивъ свое сердце и собравъ почти уже всѣ потерянныя силы, приказала поднять парусы и поѣхала отъ острова, оставила Кидала ; но любови къ нему оставить ей было не возможно, которая помимушно возрастала въ ея сердцѣ.

ГЛАВА I.

ВЕЧЕРЪ 60.

Продолженїе повѣсти объ Аскалонѣ.

По маломъ забвенїи, когда отворилъ плачевные глаза свои Кидалъ, то первое предпрїялъ возблагодарить незнакомую Героиню за оказанное ея объ немъ сожалѣние, пошелъ онъ на тотъ берегъ, подлѣ котораго стояли кораб-

ли ; и какъ увидѣлъ , что оныхъ уже нѣтъ, то вздрогнулъ необычайно и пришелъ въ великое удивленіе ; сердце его въ то время тронулось и облилося кровію , какъ самъ онъ сіе чувствовалъ. Первое, вообразились ему весьма живо всѣ прелести ушедшей Плакеты , началъ онъ воображать ее помянутно, и чемъ больше думалъ , тѣмъ становилась она пріятнѣе и вкоренялась больше часъ онъ часу въ его прельщенныя мысли. Время удаляло Плакету отъ острова и умножало въ сердцахъ сихъ двухъ любовниковъ начинающуюся внезапно страсть. Кидалъ вдругъ пораженъ былъ двумя нечаянностями , то есть , великимъ сожалѣніемъ , и еще больше того любовію: чего ради находился уже совсѣмъ неспособнымъ сносить уединенія. Онъ возвратился домой совсѣмъ не съ тѣми мыслями , которыя имѣлъ вышедъ изъ онаго. Печаль его о Ранѣи начала уступать мѣсто любви, сѣтованіе его исчезло и родилась на мѣсто онаго великая задумчивость. Три дни не говорилъ онъ со своими служителями, и находился въ такомъ глубокомъ смущеніи, что они опчаявалися видѣть его

живаго. Въ четвертой день, когда находился онъ въ такомъ мѣстѣ, на которомъ имѣлъ первое свиданіе съ Плакеттою, и простирая плачевной свой взоръ въ пространное море, увидѣлъ нечаянно сраженіе между собою двухъ морскихъ чудовищъ, которыя поражая другъ друга приближались къ острову; и когда приближились весьма близко къ оному, что Дельфинъ побѣдилъ своего непріятеля, которой очень скоро скрылся во глубину, и больше уже не показывался. Кидалъ увѣренъ былъ дѣйствительно, что Дельфины не допускаютъ утонуть человѣка, и выносятъ изъ моря на твердую землю. Не опустилася его далеко отъ берега, бросился съ горы въ воду. Дельфинъ озрясь вокругъ назадъ, увидѣлъ, что человѣкъ бьется между волнами, возвратился, и посадя къ себѣ на спину, поплылъ къ той сторонѣ острова, гдѣ находилась мѣль и можно безъ всякаго препятствія взойти на берегъ и тутъ хотѣлъ оставить Кидала: но онъ не сходилъ со спины его, и держался за оную весьма крѣпко; по чему узналъ Дельфинъ, что человѣкъ сей не хочетъ

быть на семъ островѣ, и такъ пустился съ нимъ въ пространное и неизмѣримое море.

Аскалонъ по ушествіи отъ него Кидала пошелъ къ тому камню, подъ которой сходилъ съ Гомалисомъ, и тамъ ожидалъ къ себѣ князя духовъ, держа въ рукѣ голову невиннаго человѣка, которую принесъ онъ жертвою демону. Гомалисъ немедленно вышелъ къ нему изъ водянаго ада, и приписавъ ему достойную похвалу за весьма важную услугу, говорилъ: за сіе дамъ я тебѣ Аскліаду, и ты что хочешь, то можешь надъ нею сдѣлать. Вотъ тебѣ перстень, продолжалъ онъ подавая оной Аскалону, въ немъ обитаетъ духъ, которой будетъ тебѣ послушенъ только въ томъ, что принадлежитъ до Аскліады, а впрочемъ власти твоей болѣе повиноваться не будетъ; меня же больше ты не увидишь до тѣхъ поръ, покамѣстъ судьба не лишитъ тебя жизни: съ Кидаломъ что воспослѣдуетъ, и что учинитъ Артапра, я сіе знаю и открыть тебѣ мнѣ онаго не возможно; голову сію похорони ты вмѣстѣ съ

шѣломъ, и послѣ предпринимай все, что тебѣ угодно, только опасайся каяшься въ томъ, что ты далъ мнѣ рукописаніе: ибо прежде еще опредѣленнаго окончанія твоей жизни заключу тебя во адъ на всѣ неизъяснимыя мученія. Прощай: выговоривъ сіе Гомалисъ исчезъ, а Аскалонъ пошелъ положить голову къ шалу, и когда сіе исполнилъ, что пришедъ въ Кидалово обиталіе, нашелъ слугъ его въ жестокой печали и погруженныхъ въ слезахъ. Они объявили ему, что Государь ихъ пропалъ, и думали, что какой нибудь звѣрь поглотилъ его живаго. Аскалонъ памятуя слова Гомалисовы, обнадеживалъ ихъ, что онъ живъ, и прилагалъ стараніе цѣлую недѣлю для сысканія его: ибо онъ не вѣдалъ, куда скрылся Кидалъ; а какъ въ сіе долгое время не могъ найти его, то и подумалъ, что Плакета какимъ нибудь тихимъ образомъ увезла его съ собою.

Оставивъ попеченіе о сысканіи Кидала, предпріялъ стараться, какимъ бы образомъ пріѣхать ему на островъ Млаконъ: чего ради пришедъ въ уединен-

ное мѣсто, и отвязавъ отъ тализмана данной ему Гомалисомъ перстень, надѣлъ его на руку, и увидѣлъ передъ собою человѣка, которой готовъ уже былъ исполнять его повелѣнія. Слушай, мой другъ, говорилъ ему Аскалонъ, мнѣ надобенъ корабль для отправленія въ Алимово владѣніе. Завтра оной будешъ къ сему острову, отвѣчалъ ему духъ: ибо по повелѣнію Гомалисову нѣкоторые мореходцы потеряли на морѣ путь; они заѣдутъ завтра сюда, и я долженъ быть проводникомъ ихъ. Ты Аскалонъ, дѣлая меня человѣкомъ, долженъ перстень еще имѣть на рукѣ; а естьли гдѣ не должно мнѣ быть, то снимай его и привязывай къ тализману, тогда я видимъ не буду. Аскалонъ благодарилъ его за сіе увѣдомленіе, и возвратясь къ Кидаловымъ служителямъ приказалъ имъ готовиться къ отъѣзду. По утру проснувшись увидѣли они пришедшій корабль, и начальникъ онаго пришедъ къ нимъ въ обитаніе, просилъ отъ нихъ помощи и показанія дороги. Аскалонъ обѣщалъ ему сдѣлать сію услугу, а въ воздаяніе за оную просилъ, чтобы онъ отвезъ его на островъ Мла-

конъ. Мореходецъ съ радостїю къ тому обязался, и начали поспомъ пригоповляться въ путь. Корабельщики починивали на суднѣ снаряды, запасались свѣжею водою, и радовались, что имѣютъ нужду сыскати понерянной путь. Служители носили ихъ имѣнїе на корабль, гоповили мѣсто Аскалону, такъ какъ своему повелителю, и ожидали нетерпѣливо пришествїя его на оной; а онъ въ уединенномъ мѣстѣ располагалъ вредное свое предпрїятїе, и усердно старался о произведенїи своего злаго намѣренїя въ дѣйство, и какъ началъ думать, что весьма хорошо расположилъ свои мысли, що пришелъ на корабль и приказалъ оной ошвалить отъ берега.

Въ четвертый день ихъ путешествїя, въ которые во всѣ дулъ имъ благополучной вѣтеръ, увидѣли они корабль брошенной на мѣль и почти совсѣмъ поврежденной. Аскалонъ посылалъ туда на маломъ суднѣ, и пріѣхавшіе объявили, что корабль тотъ стоитъ пятой мѣсяцъ на семъ мѣстѣ, и люди на ономъ съѣли всѣ свои припасы, а теперь бросаютъ жеребьи и ѣдятъ по-

го, на котораго падетъ сіе несчастіе. Аскалонъ поѣхалъ самъ на шлюпъ корабль, и когда вступилъ на оной, то люди, которыхъ уже весьма мало осталось, бросились къ нему, и упавши передъ его ногами просили избавленія, которыхъ приказалъ онъ перевесити на свой корабль; потомъ ходя по каютамъ нашелъ въ оной сидящаго мущину и держащаго на колѣняхъ своихъ прекраснук женщину, которая казалась при послѣднемъ уже издыханіи. Мущина назывался Менай, а женщина Ливона, какъ послѣ уже о томъ узнали. Менай сидѣлъ безчувственъ, и смотрѣлъ на Аскалона недвижимыми глазами; у Ливоны въ роту былъ его рукавъ, которой столь крѣпко сжала она своими зубами, что насилу вынять у ней оной могли. Аскалонъ не сжалясь надъ нею, но почувствовавъ скотское желаніе, предпріялъ какъ возможно стараться о приведеніи ее въ хорошее состояніе, послалъ на свой корабль за припасами, и велѣлъ весьма скоро изготовить хорошее кушанье. Между тѣмъ, какъ оное готовили, терзался сей неистовой звѣрь ревностію, и въ одну минуту вмѣсто

ожидаемой милости возненавидѣлъ онъ Меная, какъ своего соперника, и приказалъ одному изъ своихъ воиновъ или служителей взявъ несчастнаго Меная опвезши отъ корабля далѣе, и тамъ бросить его во глубину. Приказаніе его немедленно исполнено, и сей несчастной человѣкъ хотя уже былъ безъ чувствъ, однако когда вели его съ корабля, то думалъ онъ, что подаютъ ему руку спасенія и избавляютъ отъ голодной смерши; на утомленныхъ глазахъ его благодарность была написана, и онъ цѣловалъ руки у тѣхъ воиновъ, которые вели его на погибель: ибо говорить уже онъ не могъ, и только возводилъ глаза на небо, прося, можетъ быть, у него милости и покровительства своимъ избавителямъ. Но сія его надежда и съ жизнію вмѣстѣ кончились въ скоромъ времени: ибо бросили его безъ всякаго сожалѣнія во глубину морскую.

Аскалонъ неусыпно стараяся о излеченіи Ливоны умѣренною пищею, которую самъ давалъ ей своими руками, привелъ ее въ нѣкоторое чувство. Она начала уже имѣть движеніе, и получи-

ла спокойное теченіе своихъ мыслей : въ скоромъ времени началъ клонить ее сонъ, и Аскалонъ не мѣшалъ ей успокоиться нѣсколько; а самъ въ то время приказалъ снесть съ корабля сего на свой все то, что находили они для сея надобное и нужное. Ливона по маломъ времени проснулась и спрашивала у незнакомой женщины, которая сидѣла подлѣ ее, и которая привезена была съ корабля Аскалонова для услугъ ея, куда отлучился онъ нее Менай, живъ ли онъ, и можетъ ли она его увидѣть? Малка, такъ называлась служительница Кидалова, отвѣчала ей, что она объ немъ ничего не знаетъ, а думаетъ, что онъ перевезенъ на ихъ корабль, куда и всѣ пересажены люди. Потомъ увѣдомила она Аскалона, что Ливона проснулась, которой ни мало не медля пришелъ къ ней и съ помощію другихъ перевезъ ее на свой корабль, гдѣ приказалъ почитать отмѣнною честію ; и какъ всѣ взятые съ разбитаго корабля люди нѣсколько оправились, то Аскалонъ приказалъ продолжать свой путь, которому былъ проводникомъ духъ данной ему отъ Гемалиса.

ожидаемой милости возненавидѣлъ онъ Меная, какъ своего соперника, и приказалъ одному изъ своихъ воиновъ или служителей взявъ несчастнаго Меная опвезти отъ корабля далѣе, и тамъ бросить его во глубину. Приказаніе его немедленно исполнено, и сей несчастной человѣкъ хотя уже былъ безъ чувствъ, однако когда вели его съ корабля, то думалъ онъ, что подаютъ ему руку спасенія и избавляютъ отъ голодной смерти; на утомленныхъ глазахъ его благодарность была написана, и онъ цѣловалъ руки у тѣхъ воиновъ, которые вели его на погибель: ибо говорить уже онъ не могъ, и только возводилъ глаза на небо, прося, можетъ быть, у него милости и покровительства своимъ избавителямъ. Но сія его надежда и съ жизнію вмѣстѣ кончились въ скоромъ времени: ибо бросили его безъ всякаго сожалѣнія во глубину морскую.

Аскалонъ неусыпно стараяся о излеченіи Ливоны умѣренною пищею, которую самъ давалъ ей своими руками, привелъ ее въ нѣкоторое чувство. Она начала уже имѣть движеніе, и получи-

вели опять въ чувство. Такъ тебя уже нѣтъ, возлюбленной мой Менай! говорила она образумившись, и я уже никакой не имѣю надежды увидѣться съ тобою: немилосердое Небо, на что ты дало жизнь, когда отняло у меня мужа и любовника! я для него жила на свѣтѣ, а теперь жизнь моя такое для меня бремя, котораго силъ моихъ сносить недостаетъ. Власть твоя была возвратить мнѣ неладобное здоровье, а моя теперь воля прекратить несчастные дни моей жизни. Выговоривъ сіе бросилась она опять въ постелю, будучи объята великою печалію. Аскалонъ не зналъ, что дѣлать и какъ воздержать ее отъ сей чувствуемой ею горести; чего ради разсудилъ за благо оставить ее на время въ покоѣ.

ГЛАВА VI.

ВЕЧЕРЪ 61.

Начало Ливонина повѣствованія.

Время прошло уже довольно въ печальныхъ обстоятельствахъ Ливоны, и

вмѣсто чаемаго Аскалономъ утѣшенія наполнялась она еще большимъ отчаяніемъ, и казалась, что супруга своего столько любила, что и подлинно имѣла свою жизнь для него одного. Всѣ способы и стараніи употреблены были Аскалономъ къ воздержанію ее отъ безпокойства; но однако ничто не помогало. Онъ предпріялъ увѣдомиться отъ нее, какого она роду и изъ котораго города; сего ради просилъ неотступно, чтобы сказала ему о себѣ все, что ни принадлежитъ до ея похожденія; ибо онъ думалъ хотя симъ позабудетъ она нѣсколько своей печали. Несчастливой человѣкъ не рѣдко находитъ удовольствіе въ изъясненіи своихъ напастей другому, и кажется, что чувствуетъ отъ того нѣкоторую отраду. Какъ бы несчастія велики ни были, но частымъ повѣствованіемъ объ оныхъ дѣлаются онѣ меньшими, и наконецъ почти исчезаютъ изъ нашего понятія; привычка бываетъ иногда сильнѣе естества, и что при первомъ случаѣ кажется намъ несноснымъ, непонятнымъ и совсѣмъ чрезъестественнымъ, къ тому не рѣдко мы привыкаемъ и дѣлаемся такъ спо-

собпыми, какъ будто бы къ тому одному родились. И такъ Ливона, чтобъ насладиться ей пущею горестію воспоминаніемъ возлюбленнаго своего супруга, начала разсказывать Аскалону слѣдующимъ порядкомъ:

Я родилась въ городѣ Приняшѣ, стоящемъ на берегу сего моря, родитель мой купецъ, хотя не первой въ городѣ, однако и не послѣдней; воспитана была во всякомъ довольствіѣ, со отмѣнною любовію отъ тѣхъ, которые произвели меня на свѣтъ. Они прилагали всѣ старанія, чтобъ сдѣлать меня добродѣтельною и вкоренить знаніе о сохраненіи моей чести, такъ какъ о первой добродѣтели женской. Отецъ мой былъ весьма набоженъ и добродѣтель наблюдалъ сколь строго, что потерять свое имѣніе, лишиться жизни, почиталъ ни за что, только чтобы всегда обиталась съ нимъ похвальная истинна. Мать моя слѣдовала сему нарядному примѣру, и была непоколебимѣе его въ семъ намѣреніи. Пятнацать лѣтъ прожила я отъ рожденія моего, не зная никакого несчастія и безпокойства, и думала, что вся жизнь моя

пройдешь въ тишинѣ и спокойствіи; но немилосердое небо не благоволило провести оставшіе дни мои счастливо, послало на меня всѣ гоненія и напасти, отдала меня во власть несправедливаго рока и сдѣлала игралищемъ развращаго несчастія: однимъ словомъ, какъ непостоянное море восколебалося подо мною и пожрало все мое благополучіе.

Боманъ, какъ назывался братъ отца моего, былъ человѣкъ весьма набожной и строгой почитатель закона и добродѣтели, или лучше сказать, такимъ онъ казался подъ симъ похвальнымъ видомъ, которой носилъ на себѣ повсемѣстно, зналъ весьма хорошо склонности человѣческія, и умѣлъ вкрадываться въ сердца простолюдиновъ. Родители мои почитали его великою честію, и думали, что боги посылали имъ отмѣнную свою благодать за то, что дядя мой жаловалъ въ нашъ домъ. Оному поручили меня подъ смотрѣніе, и Боманъ находился у меня безвыходно; онъ показывалъ мнѣ начальныя основанія вѣры и училъ богопочитанію. Въ нѣкоторое время въ вечеру, когда ни

собными, какъ будто бы къ тому одному родились. И такъ Ливона, чтобъ насладиться ей пущею горестїю воспоминанїемъ возлюбленнаго своего супруга, начала разсказывать Аскалону слѣдующимъ порядкомъ:

Я родилась въ городѣ Принаттѣ, стоящемъ на берегу сего моря, родитель мой купецъ, хотя не первой въ городѣ, однако и не послѣдней; воспитана была во всякомъ довольствѣ, со отмѣнною любовїю отъ тѣхъ, которые произвели меня на свѣтъ. Они прилагали всѣ стараня, чтобъ сдѣлать меня добродѣтельною и вкоренить знанїе о сохраненїи моей чести, такъ какъ о первой добродѣтели женской. Отецъ мой былъ весьма набоженъ и добродѣтель наблюдалъ сколь строго, что потерять свое имѣнїе, лишиться жизни, почиталъ ни за что, только чтобы всегда обиталась съ нимъ похвальная истинна. Мать моя слѣдовала сему изрядному примѣру, и была непоколебимѣе его въ семъ намѣренїи. Пятнатцать лѣтъ прожила я отъ рожденїя моего, не зная никакого несчастїя и безпокойства, и думала, что вся жизнь моя

пройдешь въ тишинѣ и спокойствіи; но немилосердое небо не благоволило провесть оставшіе дни мои счастливо, послало на меня всѣ гоненія и напасти, отдала меня во власть несправедливаго рока и сдѣлала игралищемъ развращаго несчастія: однимъ словомъ, какъ непостоянное море восколебалося подо мною и пожрало все мое благополучіе.

Боманъ, такъ назывался братъ отца моего, былъ человѣкъ весьма набожной и строгой почитатель закона и добродѣтели, или лучше сказать, такимъ онъ казался подъ симъ похвальнымъ видомъ, которой носилъ на себѣ повсемѣстно, зналъ весьма хорошо склонности человѣческія, и умѣлъ вкрадываться въ сердца простолюдиновъ. Родители мои почитали его великою честію, и думали, что боги посылали имъ отмѣнную свою благодать за то, что дядя мой жаловалъ въ нашъ домъ. Оному поручили меня подъ смотрѣніе, и Боманъ находился у меня безвыходно; онъ показывалъ мнѣ начальныя основанія вѣры и училъ богопочитанію. Въ нѣкоторое время въ вечеру, когда ни

отца ни матери моей дома не было, остался онъ у меня долѣе обыкновеннаго, и началъ изъявлять желаніе свое такимъ образомъ: Взявъ мою руку и просилъ, чтобы я показала ему перстни, которые на ней тогда были; чувствовала я, что находился онъ въ необычайномъ движеніи, и безъ всякаго разсудка началъ цѣловать мою руку, которую я у него тотчасъ вырвала, предпріяла возблагодарить его такимъ же образомъ, чему онъ ни мало не противился; наконецъ обнялъ меня и поцѣловалъ въ груди. Сей его поступокъ хотя и означалъ нѣсколько дурное его намѣреніе; но близкое родство съ онымъ не позволяло мнѣ тогда ничего о томъ подумать. При всей его отважности старалась я всѣми силами искоренять изъ себя вредныя о немъ мысли, которыя начинали уже вкореняться помногу въ мое понятіе; чему причиною было великое его смущеніе, робкіе поступки и глаза, изъявляющіе совсѣмъ его желаніе. Весьма поздно разстался онъ въ сіе время со мною и не бывалъ ко мнѣ цѣлые три дни; по прошествіи же оныхъ объявилъ отцу и матери, что

онъ не домогалъ, а какъ мнѣ казалось, то боролся со своею совѣстію. Посидѣвъ у меня нѣсколько, наконецъ потупилъ глаза свои въ землю и началъ говорить мнѣ такъ: Государыня моя, мнѣ кажется, ты не удивишься, ежели я скажу, что я тебя люблю: ибо страсть сія сродное свойство всѣмъ людямъ и всякой долженъ любить самаго себя; но сія любовь такъ, какъ тѣло безъ души, ежели не любить прямо ближняго, великая добродѣтель имѣетъ началомъ любовь, и къ кому чувствуемъ мы пристрастіе, тому желаемъ добра больше, нежели другому, Я тебѣ подтверждаю, что тебя люблю; но любовь моя превосходитъ гораздо любовь дружескую: ибо течетъ она изъ такого источника, въ которомъ заключается жизнь наша и всякое природное удовольствіе: словомъ, сударыня, я люблю тебя такъ, какъ самой страстной любовникъ, а не такъ, какъ ближній сродникъ. Сродство въ такомъ случаѣ служитъ только однимъ пустымъ воображеніемъ, и не можетъ быть ни малымъ препятствіемъ тому, кто правильно разсуждать умѣетъ; и ежe-

ли бы было сіе тяжкое беззаконіе, то не думаю, чтобы боги были первые тому причиною. Представь себѣ, Ливона! продолжалъ онъ: Великій Перунъ избралъ супругу себѣ сестру свою родную, Свѣтовидъ совокуплялся часто съ Ладою, также съ родною своею сестрою, Купало женился на своей племянницѣ, и такъ далѣе; по сему видно, что я не безъ разсужденія вдался въ сію пріятную страсть и позволилъ сердцу моему наслаждаться ливоими прелестями. Добродѣтель моя не можетъ терпѣть никакого порока, и для того избралъ я тебя, какъ ничему еще неповинную. Сіе должна почитать ты великимъ счастіемъ и не противиться моему желанію. Много есть на свѣтѣ женщинъ, которыя почитаютъ меня отмѣнно; но я презираю дурныя ихъ свойства, отдаю сердце мое по власти тебѣ и прошу удостоить меня принятіемъ онаго. Родители твои могутъ на сіе не согласиться, и для того не надобно объявлять имъ онаго. Услышавъ сіе, пришла я въ великое замѣшательство, и не отвѣчая ему ни слова пошла вонъ изъ своей комнаты. Спаралса онъ меня

удерживать, однако не могъ, и такъ пришелъ за мною къ моей матери. Робость моя, и великое удивленіе были причиною тому, что я не открывала приключенія сего никому и оставила его въ забвеніи.

Въ то время заняли разсужденіе мое различныя воображенія, и я совсѣмъ не знала, какимъ образомъ освободиться мнѣ отъ сего опаснаго любовника. Объявлять о томъ роднителямъ моимъ почитала я за излишнее для того, что они бы мнѣ не повѣрили, и можетъ предали бы еще проклятію. Что жъ оставалось дѣлать мнѣ въ такихъ опасныхъ для меня обстоятельствахъ? Разсуждая долго сама съ собою, положилась я на слабыя свои защищенія, и предпріяла отвращать его сама; но чѣмъ больше представляла ему дѣйствіе сіе богопротивнымъ и позорнымъ, тѣмъ больше сей развращенной человѣкъ умножалъ въ сердцѣ своемъ нечистую страсть и страшное желаніе. Онъ примѣчавалъ ко мнѣ помянутно, и видя завсегда мое упорство, вознамѣрился въ нѣкоторое время употребить къ тому свои вмѣстѣ съ дьявольскими силы.

Увидѣвъ сіе я закричала, и грозила ему, что непремѣнно объявлю о семъ моимъ родителямъ; и какъ дѣйствительно вознамѣрилась было я сіе учинить, то Романъ видя, что произойдетъ изъ сего весьма дурное для него слѣдствіе, предпріялъ предупредить намѣреніе мое, какимъ бы то образомъ ни было. Опасаясь много потеранія своего имени и досады на меня весьма много, сплелъ сіе нелѣпое приключеніе, которое было для меня великимъ ударомъ и окончаніемъ благополучныя моея жизни.

Вызвавъ въ нѣкоторое время отца моего въ садъ, и самъ прогуливался съ нимъ весьма прискорбно вздыхалъ, и казалось отцу моему, что вздохи его происходили отъ сокрушеннаго сердца: онъ иногда плакалъ, а иногда возводя глаза на небо просилъ у онаго отпущенія грѣховъ нѣкому, о имени котораго не упоминалъ тогда. Отецъ мой отъ природы сколько былъ добродѣтелемъ, столько, или больше еще, легковѣренъ; увидѣвъ такую перемѣну въ своемъ братѣ, перемѣнился въ лицѣ и почти потерялъ свои чувства. Романъ видя, что злое его намѣреніе имѣетъ хорошій успѣхъ,

и въ семъ первомъ жару говорилъ родителю моему слѣдующее: Несчастной отецъ, ты долженъ весьма много сѣтовать о твоемъ рожденіи, и съ сего времени или лишишься твоей дочери, или во всю твою жизнь терпѣть онъ нее великое безпокойство и мученіе; боги тебя наказали, и она дана намъ онъ немилосердаго рока поношеніемъ всего нашего племени. Мнѣ ли ты себѣ когда нибудь представишь, что она подвержена блуду, и всякую ночь посѣщаетъ ее одинъ молодой человѣкъ весьма дурнаго сложенія, и которой имѣетъ презренные всѣмъ городомъ поступки? Я знаю сіе уже давно и запрещалъ много разъ ихъ вмѣстѣ, дѣлалъ ей за сіе весьма грозные выговоры, грозилъ жестокимъ наказаніемъ какъ здѣсь, такъ и во адѣ; терпѣніе мое долго продолжалося надъ нею, но наконецъ я увидѣлъ, что она совсѣмъ пренебрегала мои совѣты и впускалась онъ часу больше въ сіи позорныя обращенія, отъ чего великодушіе мое кончилось, и я принужденъ былъ сказать тебѣ объ этомъ. При семъ словѣ залился сей лицемѣръ притворными сле-

лами и пересталъ говорить ожидая отвѣта онъ пораженнаго сею несносною вѣстію отца моего, которой стоялъ тогда окаменѣлымъ и не могъ произнесть ни одного слова очень долгое время. Наконецъ пришелъ онъ въ великую запальчивость, и столь неограниченную почувствовалъ ко мнѣ злость, что въ ту же минуту хотѣлъ отнять у меня данную мнѣ имъ же жизнь безъ всякаго сожалѣнія; но варваръ его удержалъ и сказалъ, что оное успѣетъ онъ произвести въ дѣйство тогда, когда своими глазами увидитъ мое беззаконіе. И такъ опредѣлили ожидать наступающаго вечера, въ которой хотѣлъ Романъ показать отцу моему того мнимаго моего любовника и со мною вмѣстѣ: ибо былъ уже подговоренъ имъ такой же плутъ, каковъ онъ и самъ, ко исполненію сего пенснованаго дѣла.

Я находясь тогда въ помѣшательствѣ разума, не знала ничего о ихъ предпріятіи, всякую минуту страшилась моего рока, и была отчаяния имѣть успѣхъ въ объясненіи родителю моему о негодной ко мнѣ страсти его брата. Когда находилась я въ сихъ раз-

мышленіяхъ, что вошелъ ко мнѣ въ горницу Боманъ и привелъ съ собою нѣкотораго молодаго человѣка, которой обошелся со мною весьма ласково. Сіе новое позорище удивило меня несказанно, и я съ превеликою жадностію ожидала вдаль его произхожденія. Боманъ со смиреннымъ видомъ, какой онъ обыкновенно имѣлъ, началъ просить умеия прощенія въ непростительномъ своемъ заблужденіи; послѣ того говорилъ онъ мнѣ, что сей приведенный имъ человѣкъ будетъ посредникомъ нѣкотораго дѣла весьма для меня нужнаго; потомъ всталъ, идучи вонъ онъ насъ сказалъ, что возвратится весьма скоро переговоривъ нѣкоторое дѣло съ моимъ отцемъ. И такъ осталась я одна съ незнакомымъ мнѣ человѣкомъ, не предъвидя себѣ никакого изъ сего худаго происхожденія. Сей плутъ обходился со мною вольно. Въ самое сіе время увидѣла я моего отца, которой вошедъ въ комнату показался свирѣпымъ, и какъ только подошелъ ко мнѣ, то тотъ незнакомой, которой сидѣлъ со мною, бросился бѣжать изъ моей комнаты, чтобъ больше подать подозрѣнія легковѣрному отцу моему,

зляла себѣ, какъ онъ терзался тогда совѣстію, думая, что я переселилась въ царство мертвыхъ, соболѣзновала о моей матери, которая съ великою болѣзнію должна была услышать какъ о моемъ преступленіи, такъ и о смерти, которыхъ совсѣмъ со мною не случалось. Думая сіе, внезапно увидѣла передъ собою человѣка, котораго окружали множество его служителей; глаза его показывали тогда сердечное обо мнѣ сожалѣніе, и онъ едва не плакалъ, видя меня въ такомъ горестномъ состояніи. По маломъ удивленіи приложилъ онъ всѣ стараніе подать нужную въ то время мнѣ помощь. Чего ради самъ и служители его понесли меня на рукахъ въ близко стоящій отъ того загородной дворъ; отшуда немедленно послалъ за лекаремъ, которой весьма скоро и пріѣхалъ, перевязалъ мою рану, и обнадежилъ меня, что я въ скоромъ времени здорова буду. И въ подлинну чувствовала я весьма малую боль, и сама могла узнать, что жизнь моя отъ того не прекратится; однако Менай, что былъ мой мужъ: увы! горестное воспоминаніе, возгласила она отчаянно и

яніе Богу просить его объ отпущеніи тяжкаго моего прегрѣшенія. Послѣдуя его волѣ учинила я то съ великою робостію и послѣ просила его о извѣсченіи моего предъ нимъ проступка; но онъ въ великой ярости сказалъ мнѣ, умри проклятая, и ударилъ меня кинжаломъ въ грудь. Симъ жестокимъ пораженіемъ отнялъ у меня всѣ чувства и оставилъ бездыханія на томъ мѣстѣ. Невинность моя не могла защитить меня и избавить отъ жестокаго родительскаго гнѣва, которой чувствовалъ онъ ко мнѣ весьма не правильно.

При разсѣяніи дня прошивъ желанія моего получила я потерянныя мои чувства, и къ пущему для меня отчаянію почувствовала, что данная мнѣ отцемъ моимъ рана была не смертельная. Я бы конечно въ то время прекратила сама возвращившуюся мою жизнь, ежелибы имѣла къ тому способъ, но орудія у меня никакого тогда не было. Такимъ образомъ, что я въ то время думала и къ чему возпамѣривалась, пересказать тебѣ того ни коимъ образомъ не могу; но только еще помню, что я жалѣла объ отцѣ моемъ, и предста-

дляла себѣ, какъ онъ терзался тогда совѣстїю, думая, что я переселилась въ царство мертвыхъ, соболѣзновала о моей матери, которая съ великою болѣзнїю должна была услышать какъ о моемъ преступленїи, такъ и о смерти, которыхъ совсѣмъ со мною не случалось. Думая сїе, внезапно увидѣла передъ собою человѣка, котораго окружали множество его служителей; глаза его показывали тогда сердечное обо мнѣ сожалѣнїе, и онъ едва не плакалъ, видя меня въ такомъ горестномъ состоянїи. По маломъ удивленїи приложилъ онъ всѣ стараня подать нужную въ то время мнѣ помощь. Чего ради самъ и служители его понесли меня на рукахъ въ близко стоящій отъ того загородной дворъ; отшуда немедленно послалъ за лекаремъ, которой весьма скоро и пріѣхалъ, перевязалъ мою рану, и обнадежилъ меня, что я въ скоромъ времени здорова буду. И въ подлинну чувствовала я весьма малую боль, и сама могла узнать, что жизнь моя отъ того не прекратится; однако Менай, что былъ мой мужъ: увы! горестное воспоминанїе, возгласила она отчаянно и

облилась слезами, приказалъ лекарю, чтобъ онъ не уѣзжалъ отъ меня до тѣхъ поръ, пока совершенно я выздоровѣю. Сей врачь приложилъ всякое обо мнѣ стараніе, и въ коротkое время исцѣлилъ совсѣмъ мою язву.

Менай видѣвъ меня совершенно здоровою, былъ тому чрезвычайно радъ. Въ семъ случаѣ разсмотрѣла я его прекрасной образъ и узнала всѣ преизрядныя его свойства: онъ былъ человѣкъ весьма тихаго нрава, разуменъ, добродѣтеленъ и прекрасенъ, видъ имѣлъ весьма веселой. Сіи похвальныя его дарованія сдѣлали то, что я почувствовала къ нему неизъяснимую страсть, и была въ семъ случаѣ столько счастлива, что Менай предупредилъ меня симъ же чувствованіемъ ко мнѣ. Мы начали страсть сію въ сердцахъ нашихъ не безъ позволенія другъ отъ друга, и въ такихъ не обыкновенныхъ обстоятельствахъ, въ какихъ я тогда находилась, ни мало не старалась воздерживать себя отъ сей любови: по чему думаю, что страсть сія начиналася въ насъ съ позволеніемъ неба; но теперь произволеніемъ немилосердаго рока сдѣ-

сдѣлалась она для насъ громовымъ ударомъ, которой поразилъ насъ совсѣмъ къ тому неготовыхъ. Напоминаніе сихъ обстоятельствъ умножаетъ мое мученіе и дѣлаетъ неспособною продолжать описаніе нашихъ приключеній. Довольно и сего, что мы другъ друга полюбили столько много, что въ тотъ же первой случай клялись другъ другу вѣчною вѣрностію и обязались брачнымъ сочетаніемъ. Менай не зналъ, кто я такова, а я не хотѣла открыть моего произхожденія, къ чему онъ меня и не принуждалъ; и такъ спустя нѣсколько времени поѣхали мы на его родину, которая отстояла отъ города сотъ на пять верстъ. Пріѣхавъ туда представилъ онъ меня своей матери, которая сперва хотѣла извѣститься о моемъ поколеніи; но какъ оная узнать сей было не возможно, что наименовавъ меня подлою, ужасно освирѣпѣла и ругала своего сына, что онъ безъ позволенія ея женился. И такъ начала я претерпѣвать ненависть и гоненіе отъ моей свекрови; но все оное презирала, когда имѣла въ глазахъ моихъ возлюбленнаго моего мужа, которой почиталъ за

первую себѣ должность увеселять меня поминутно. Время продолжалось больше году, въ которое не страшилась я никакой напасти, только сожалѣла о моихъ родителяхъ, которые были въ великомъ невѣденіи обо мнѣ. Наконецъ пришелъ плачевной день, злой часъ и пагубная минута, которые разлучили меня съ жизнїю отнявъ Меная: ибо сказано было ѣхать ему на войну. Взять меня съ собою ни коимъ образомъ ему было не возможно; и такъ прощаяся со мною стоялъ онъ на колѣняхъ передъ своею матерью и облившись горькими слезами просилъ ее о неоставленїи меня, какъ такой супруги, съ которою сопряжена жизнь его и благополучїе. Я уже не помню, какъ я съ нимъ расталась и о чемъ его тогда просила.

По двунедѣльной съ нимъ разлукѣ узнала всю злость неистовой моей свекрови, и что она была женщина такая, которыя почитаются злѣе Фурїй и не страшатся самаго ада. На всякой часъ осыпала она меня бранными словами, и укоряла совсѣмъ неизвѣстнымъ мнѣ чарованїемъ, сказывая, будто бы я околдовала ея сына. Злилась она на

меня за то, что принуждена была отказать нѣкоторой боярынѣ, которую она выбрала сыну своему въ невѣсты. Наконецъ приказала отвести меня на то мѣсто, на которомъ они нашли, и тамъ бросить безъ всякаго поученія. Сіе со мною исполнили, и я осталась тамъ бѣднѣе всякой твари, не имѣла ни мѣста, ни пристанища, ниже какой нибудь надежды къ полученію онаго. Что должно было начать въ такомъ бѣдственномъ состояніи и въ чемъ искать спасенія, куда обратиться, и съ которой стороны ожидать себѣ помощи? Совсѣмъ отчаянна стала я тогда на колѣни, и возведши глаза на небо облилася слезами и просила милосердыхъ боговъ о низпосланіи мнѣ помощи отъ нихъ; ибо гонима я была людьми, слѣдовательно въ нихъ одинхъ оставалося мое спасеніе.

Я находилась долгое время въ сихъ молитвахъ; наконецъ тихая ночь принудила меня нѣсколько успокоиться. Сколько сонъ покоилъ мои члены, того я не вѣдаю, для того, что нѣкоторое стенаніе, которое происходило подлѣ меня весьма близко, прекратило

оной, и возвратило мнѣ опять горестныя мои мысли. Приподнявшись нѣсколько отъ земли услышала я, что человѣкъ весьма горестно плачетъ. Страхъ меня обуялъ, какъ послышалось мнѣ мое имя, которое тотъ чевѣкъ упоминалъ весьма часто, и еще пуще пришла я въ превеликое удивленїе, когда голосъ его показался мнѣ похожимъ на голосъ моего отца. Я встала тотчасъ, пошла на голосъ, и при помощи слабаго сїянїя отъ луны надѣялась разсмотрѣть того человѣка. Милосердые боги! въ какое пришла я тогда удивленїе, какъ увидѣла отца моего, которой припадая оплакивалъ то мѣсто, на которомъ, по мнѣнїю его, умертвилъ меня невинную! Подошедъ къ нему близко я остановилась и дожидалась, что изъ того произойдетъ. Въ скоромъ времеми взглянулъ онъ на меня, и упавъ опять на землю, говорилъ сїе: Праведные боги, я убїйца моей дочери и достоинъ за сїе жестокаго наказанїя; разите меня по вашему соизволенїю, только не посылайте мечтаться передо мною тѣни ея; я знаю, что оная пришла мучить меня, но вы извлеките

сперва изъ меня душу, и потомъ опредѣлите на всѣ адскія мученія; а будучи еще въ жизни моей, не могу я безъ великаго страха взирать на шкиѣ моей дочери. Выслушавъ сіе, говорила я: Возлюбленный мой родитель, ты напрасно почитаешь меня мертвою, я жива и достойна называться твоею дочерью; потомъ увѣдомила его о всемъ, что произошло со мною тогда, какъ онъ оставилъ меня послѣ пораженія, и какимъ случаемъ пришла я сіять на сіе мѣсто. Послѣ сего возвелъ онъ глаза свои на меня, которые исполнены были страха и удивленія, и жадно осматривалъ меня долгое время. Такъ я не обманываюсь, сказалъ онъ пренепавшимъ, и боги для меня столько милостивы, что прошивъ воли моей избавили меня непростительнаго грѣха и всѣхъ адскихъ мученій за оной. Действительно такъ отвѣчала я ему, и ты, родитель мой, не долженъ сумнѣваться больше о моей жизни. По сихъ словахъ сталъ онъ на колѣни и благодарилъ милосердое небо отъ сокрушеннаго сердца; слезы его проливались уже тогда отъ радости, а не отъ жестокой печали; по-

шомъ обнялъ меня и лобызалъ въ великомъ восхищеніи, просилъ прощенія за учиненную мнѣ не правильно обиду, о которой не хотѣлъ увѣдомить меня прежде свиданія моего съ матерью. И такъ немедленно пошли мы въ городъ.

По пришествіи моемъ въ домъ сдѣлалась въ ономъ такая радость, что изъяснить оной ни коимъ образомъ не возможно. Мать моя бросилась ко мнѣ на шею, и цалуя меня не могла отъ великой радости выговорить ни одного слова. Всѣ домашніе упали къ моимъ ногамъ и цаловали иные руки, а другіе платье, всякой радовался и орошалъ меня своими слезами; отецъ не зналъ что тогда дѣлать, и только кричалъ, чтобъ въ одну минуту собрали всю нашу родню, которые немедленно всѣ и съѣхались. И такъ вся ночь прошла у насъ въ великой радости, во удивленіи и во взаимныхъ привѣтствіяхъ; наступившей день былъ такожъ же, и два еще за онымъ слѣдующіе. Пріѣзжали отца моего знакомые и незнакомые услышавъ о такой радости, сходилися толпами въ нашъ домъ, поздравляли отца

моего со обрѣтенїемъ погибшїя его дочери, и желали отъ того времени всякаго ему счастїя.

На четвертой день желала я непремѣнно увѣдомиться о превратившейся моей судьбинѣ, и будучи одна съ моею матерью, просила ее, чтобы она увѣдомила меня объ ономъ. Ты должна простить твоему отцу, говорила она, что онъ, не зная твоей невинности, поступилъ съ тобою толико строго, для того что должность его того требовала; и мы бы почитали тебя до сихъ поръ винною, ежелибы Боманъ при смерти своей не объявилъ намъ о томъ подробно. Онъ при послѣднемъ уже издыханїи покаялся въ семъ преступленїи передъ богами и передъ нами, просилъ у насъ и у тебя прощенїя, и сдѣлавъ сїе покаянїе скончался. Узнавъ, что ты ни мало не виновна овладѣла нами тоска и сожалѣнїе, и естьлибы плачевное сїе время еще нѣсколько продлилось, тогда уже бы ты не увидѣла меня живую. Отецъ твой каждой вечеръ ходилъ оплакивать то мѣсто, на которомъ тебя такъ звѣрски умертвилъ, а я наполняла моимъ стенанїемъ и воплемъ всѣ мѣ-

ста въ нашемъ обитаніи: однимъ словомъ, сдѣлался нашъ домъ домомъ плача и отчаянія. Многіе ходили къ намъ и воздерживали насъ отъ печали; но увидѣвъ, что мы никакъ утѣшиться не можемъ, оставили наконецъ во власть рыданія нашего и смертельной печали. Мужъ мой и я лишилася было употребленія пищи, и положили оба вмѣстѣ ожидать конца жизни нашей непремѣнно, и сами себѣ готовили все, что ни принадлежитъ къ печальнымъ обрядамъ; но боги сжалась, можетъ быть, на нашу печаль, и услышавъ наши молитвы, которыя мы каждой часъ возсылали на небо, послали намъ свою неизреченную милость, которая всякое ихъ милосердіе превосходитъ, возяравили намъ тебя, чѣмъ перемѣнили плачевную жизнь нашу въ радостную и благополучную.

ГЛАВА VIII.

ВЕЧЕРЪ 63.

Конецъ Ливонину повѣствованію.

Сыскавъ къ тому способное время, увѣдомила я родителей моихъ подробно обо всемъ томъ, что со мною ни происходило, и просила извиненія, что безъ позволенія ихъ сочеталась бракомъ, что простили они мнѣ безъ всякой упорности; и такъ начала я жить спокойно, но безпокоилась весьма много о Менаѣ, увѣдомить его ни коимъ образомъ было не возможно, ибо не знала, гдѣ онъ находился. По прошествіи полугода вышла изъ терпѣнія и послала нарочно въ домъ къ моему мужу увѣдомить его, что я нахожуся въ Принятьѣ у моихъ родителей; въ ожиданіи же сего человѣка препроводила я время увеселяя отца моего и мать. Въ нѣкоторой день заѣхалъ къ намъ лекарь, которой пользовалъ моего отца; поговоривъ нѣсколько съ нимъ, хотѣлъ онъ ѣхать домой; я просила его, чтобы онъ остался у насъ на время: ибо былъ онъ весьма веселаго духа и обходился съ людьми весьма изрядно, и такъ чтобъ

веселѣе препроводишь намъ съ нимъ время; но онъ сказалъ мнѣ, что поспѣшишь къ одному молодому господину, которой пріѣхалъ сюда въ городъ для сысканія своей жены, и которой не нашедъ оной, пришелъ въ великое отчаяніе, получилъ сильную горячку, и теперь отчаянно боленъ. Какъ его имя, спросила я у лекаря? Онъ называется Мелай, отвѣчалъ мнѣ врачь, и господинъ не послѣдний нашего государства. По сихъ его словахъ не могла я скрыть моей радости, бросилась къ отцу моему и къ матери и кричала имъ, что я нашла моего супруга. Родители мои бѣжали его встрѣтить и извѣстить ему свою радость; но лекарь увѣдомилъ ихъ, что онъ отчаянно боленъ и находится по незнанію своей жены въ другомъ домѣ. Что касается до меня, то я спѣшила какъ возможно скорѣе его увидѣть, и просила врача, чтобы онъ указалъ мнѣ его домъ; но онъ на сіе не согласился, и говорилъ мнѣ, чтобы я воздержала свое стремленіе: ибо симъ свиданіемъ, которое произведетъ весьма много больнаго, могу его лишиться на вѣки. Желаніе мое превоз-

могало всякую опасность, и я неотступно просила его, чтобы лекарь сыскалъ мнѣ какой нибудь способъ увидѣть въ тотъ день возлюбленнаго моего мужа, для того что я и самой истинѣ не вѣрила, и думала, что слухъ меня обманываетъ. Лекарь предложилъ мнѣ шутя, чтобы я одѣвшись въ мужеское платье представила изъ себя аптекарскую особу, только чтобъ произвести сіе весьма осторожно. Сіе предложеніе такъ мнѣ понравилось, что я тотчасъ появилася къ нему аптекаремъ; и такъ поѣхали мы къ Менаю, котораго нашли почти при послѣднемъ издыханіи. Врачь въ то время не столько пользовалъ больнаго, сколько удерживалъ меня, чтобы я не откылась моему супругу: ибо отъ того зависѣлъ его животъ и мое благополучіе и жизнь, и для того приказалъ мнѣ ѣхать домой, а самъ хотѣлъ начать дѣлать открытіе моему мужу обо мнѣ, и то весьма осторожно и при случаѣ хорошемъ. Такимъ образомъ оставила я ихъ и пріѣхала домой съ великою радостію, не опасаясь ни мало кончины своего мужа: ибо сердце мнѣ того не предвѣщало, а сей вѣстникъ никогда насъ не обманы-

ваетъ и есть справедливѣе на свѣтѣ. Всякой день увѣдомлялъ меня лекарь о состоянїи моего мужа, и какъ открылъ ему обо мнѣ, то поминутно началъ онъ получать новыя силы къ своему облегченїю. Освободясь совсѣмъ отъ болѣзни пріѣхалъ въ нашъ домъ, и какая произошла тогда между нами радость, о томъ я умолчу; ибо такїя происхожденїя увеселяютъ однихъ только любовниковъ. Въ семъ случаѣ благополучїе мое свершилось и продолжилось еще не меньше года, которое время жилъ Менай въ домѣ отца моего въ угодность его и моей матери, также опасаясь и своей родительницы, которая не только меня, но его проклятїю предавала. Наконецъ увѣдомили его, что мать его скончалась, простивъ его и меня при своей смерти. Въ вїе время начали мы собираться на Менаеву отчизну, и можетъ быть опредѣлено было рокомъ скончаться моему мужу. Вздумалъ онъ ѣхать моремъ, отъ чего хотя и всѣ удерживали его, однако не согласился онъ оставить своего предпрїятїя. Простившись со всѣми съ великими слезами, сѣли мы на корабль и ѣхали до

того мѣста, на которомъ вы насъ нашли, весьма благополучно. Но воставшая вдругъ необыкновенная буря посадила насъ на сїе мѣсто, изломавъ напередъ мачты и оборвавъ парусы и снасти. Четыре мѣсяца пробавлялись мы съѣстными припасами: ибо на столько времени готовлено было оныхъ, и ожидали какого нибудь спасенїя; но до вашего не видали мы ни одного корабля. Въ началѣ пятаго нѣчемъ уже намъ было питаться, и такъ начали мереть слуги наши и матрозы; мужъ мой сохранялъ для меня нѣсколько остатковъ изъ пищи нашей, но и та вся уже изошла; пять дней не имѣла я въ роту своемъ ничего, и такъ отъ сего потеряла силы и пришла наконецъ въ безпамятство; какимъ образомъ пришли вы на нашъ корабль, какъ отлучили меня отъ Меная, и какъ спасли отъ смерти, того ничего не помню, ибо была я тогда совсѣмъ уже безъ чувства.

Такимъ образомъ окончала Ливона свое повѣствованїе, и вдалась въ пущее отчаянїе вмѣсто чаемаго Ксенилономъ облегченїя. Съ сихъ поръ отворилися источники слезъ изъ глазъ ея и ни на

одну минуту не осушали ея лицъ. Аскалонъ не чувствуя въ себѣ ни совѣсти, ни малѣйшаго сожалѣнія, началъ безстыднымъ образомъ открывать ей свою страсть, которой Ливона ни мало соотвѣтствовать не хотѣла, и укоряла его тѣмъ, что онъ имѣетъ варварское сердце. Нежеловой избавитель видя, что ласкою не можетъ получить онъ нее своего желанія, употребилъ къ тому силы и власть свою. По семъ презрѣнномъ поруганіи Ливона сдѣлалась совѣмъ отчаянною, и въ наступившую ночь прекратила свой животъ и прибываніе съ нежеловымъ Аскалономъ, которой по утру велѣлъ ее бросить въ море безъ всякаго сожалѣнія.

Въ сей день объявилъ духъ Аскалону, что находящіеся они не въ дальнемъ разстояніи отъ острововъ Маккона и Нія; чего ради вторично началъ Аскалонъ выдумывать способы, какимъ бы образомъ приступить ему къ своему намѣренію. Первое, просилъ онъ духа, чтобъ перемѣнилъ онъ видъ его и голосъ, которой немедленно оное исполнилъ, и далъ ему образъ лѣтъ осьмидесяти человѣка, украшеннаго больною

бородою и сѣдиною. Такимъ образомъ сдѣлались прикрыты всѣ его звѣрскія и презрѣнія достойныя свойства симъ почтеннымъ видомъ и платьемъ къ тому приличнымъ, и сей адской Хамелеонъ находился уже вдвое способнымъ вредить смертному племени. На другой день пристали они къ Млаконскому берегу. и испросивъ позволеніе, впущены были въ гавань. Аскалонъ прежде всего старался увѣдомиться объ обстоятельствахъ Алима и Аскалады, которое все разказали ему безъ всякаго сомнѣнія, и увѣдомили его, что они находятся въ благополучіи, и что согласіе и любовь народа не дѣлаютъ имъ никакого безпокойства: однимъ словомъ, имѣютъ они такую жизнь, которой лучше желать не должно, и которую рѣдко сыскать можно.

Ничто такъ скоро подвигнуть не могло на неизрѣченную злость Аскалона, какъ благополучіе Алимово. Услышавъ о семъ не хотѣлъ ни минуты медлить, и желалъ въ то же самое время лишить сугруги Млаконскаго обладателя: но духъ согласенъ на сіе не былъ и говорилъ, что имѣетъ приказаніе отъ

Гомалиса, чтобъ произвести сіе дѣло тайнымъ образомъ, а не явнымъ; и такъ совѣтовалъ Аскалону отпустить корабль и со всѣми своими служителями: ибо тебѣ въ немъ нужды не будетъ, говорилъ онъ Аскалону, которой и приказалъ немедленно оное учинить; а духъ продолжалъ совѣтовать, чтобъ ишли имъ въ близкую отъ города пустыню, и тамъ вселились до времени. Какъ согласились, такъ и сдѣлали. Пришедъ въ назначенное имъ мѣсто, сыскали они пещеру при подошвѣ нѣкоторой высокой и крутой горы и тутъ вселились. Рѣдко случается на свѣтѣ, чтобы нашелъ кто двухъ чернѣй пустынниковъ; но въ то время бы найти ихъ можно было, то есть Аскалона и его духа. Расположившись тутъ приказалъ Аскалонъ злому своему духу сыскать для него мертвую человѣческую голову, истукана какого нибудь бога, большую, но не писанную книгу, зеркало и черната флеру большой лоскутъ; которое все немедленно было принесено его духомъ. Истуканъ поставилъ онъ на столикъ, подъ ногами его положилъ головной черепъ, а передъ нимъ разогнутую

книгу, зеркало повѣсилъ на стѣнѣ и закрылъ его флеромъ. Потомъ оборотясь ко своему демону, говорилъ ему повелительнымъ образомъ: Заклинаю тебя всѣмъ адомъ, саманою, твоимъ обладателемъ и Гомалисомъ великимъ княземъ духовъ, сдѣлай мнѣ сію книгу, чтобы она показывала въ себѣ будущее, и открывала по моему желанію каждому человѣку его судьбину; а зеркало сіе претвори въ неслыханную доселѣ вещь, и учини, чтобы оно показывало все то, о чемъ кто ни вздумаетъ. Бѣсъ выслушавъ сіе, неходился нѣсколько времени безоловесенъ, наконецъ спросилъ Аскалона: принадлежишь ли сіе до Асклѣады? Конечно, отвѣчалъ ему повелитель: ибо симъ намѣренъ я совершить мое предпріятіе и имѣть въ рукахъ моихъ супругу здѣшняго Князя. Когда такъ, продолжалъ демонъ, то я долженъ по приказанію Гомалисову тебѣ повиноваться. Ты долженъ Аскалонъ на нѣсколько времени выйти изъ сей пещеры: ибо не можешь снесть тѣхъ страховъ, которые при исполненіи сего могутъ тебѣ приключиться; я долженъ созывать къ себѣ множество мо-

варищей, которыхъ виды и обхожденія умертвивши тебя могутъ. Аскалонъ послушавъ его словъ и вышедъ изъ пещеры пребывалъ цѣлую ночь въ густотѣ лѣсной, но и при разсвѣтаніи дня не смѣлъ пойти къ своему духу, а ожидалъ принесшія его къ себѣ. Оный появился ему совсѣмъ въ другомъ видѣ, и казался обѣятъ весь пламенемъ. Исполнено по твоему желанію, говорилъ демонъ Аскалону, зеркало представляетъ все, что ты ни вздумаешь; а книга шаковой, какую ты желалъ, весь адъ и вся наша сила сдѣлать не могли, а вмѣсто дѣйствительнаго прорицанія наполнили ее лживымъ и ласкательнымъ всякому человѣку. Пойдемъ, я тебѣ покажу его опытъ. Аскалонъ прежде всего хотѣлъ узнать, для чего онъ показался ему въ огнѣ. Для того, говорилъ онъ, что только сію минуту вышелъ изъ ада, гдѣ не только мы, но и самъ князь духовъ повсямянутно мучимся. Пришедши въ пещеру, накрылъ онъ Аскалона шѣмъ чернымъ флеромъ, и велѣлъ смотрѣти въ зеркало, и тотъ все, что ни вздумывалъ видѣлъ; потомъ посадилъ его на очарованной

стулъ накрытаго тѣмъ же флеромъ; раскрывъ передъ нимъ книгу велѣлъ читать, гдѣ Аскалонъ находилъ для себя тысячи благополучій, которыя прорекались ему различными образами. И такъ, будучи симъ весьма доволенъ, положилъ ожидать къ себѣ Алима, и сими вещами получить себѣ отъ него великое почтеніе и преданность, овладѣть его разумомъ и склонить на свою сторону.

ГЛАВА IX.

ВЕЧЕРЪ 64.

Продолженіе повѣсти объ Аскалонѣ.

На другой день приказалъ своему духу, какъ возможно, стараться привлечь Алима въ ихъ пустыню, которой ни мало не медля показалъ въ семъ дѣлѣ великое свое могущество и проворство: ибо для дьявола хотя не все, однако многое на свѣтѣ возможно. Превратился онъ въ свирѣпаго кабана и выбѣжавъ

изъ лѣсу, разгонялъ стада, пасущіяся на поляхъ, и потомъ скрылся опять въ томъ же лѣсу. Наслухи сіе увидѣвъ объявили въ городѣ, и въ скоромъ времени вѣсть сія дошла до Алима, которой будучи великой охотникъ и оберегатель своихъ подданныхъ, велѣлъ изготовишься къ сраженію съ онымъ, и поѣхалъ самъ искать того звѣря. Долгое вр ія находились они въ лѣсу, и не могли сыскать вепря, ибо и искали его по напрасну; наконецъ Алимъ нашелъ злодѣя своего и діявола. Любопышествуя пошелъ онъ въ ихъ пустыню; въ то время Аскалонъ стоялъ передъ истуканомъ, будто исполняя молишвы, но въ самомъ дѣлѣ соплетая ближнему погибель; увидѣвъ сего почтеннаго мужа, поклонился ему Алимъ весьма низко; а Аскалонъ просилъ его къ себѣ милости и благодарилъ за посѣщеніе; дьяволъ стоялъ тогда смиренно и готовился услуживать своему повелишелю. Но многихъ учтивосшяхъ съ обѣихъ сторонъ съли они кому гдѣ случилось, и Алимъ просилъ Аскалона, чтобы онъ увѣдомилъ его о себѣ и такжe о богоугодномъ ихъ жишіи. Меня называли

книгу, зеркало повѣсилъ на стѣнѣ и закрылъ его фласромъ. Потомъ оборотясь ко своему демону, говорилъ ему по вышеписанномъ образомъ: Заклинаю тебя тѣмъ адомъ, сатаною, твоимъ обладателемъ и Гомалисомъ великимъ княземъ духовъ, сдѣлай мнѣ сію книгу, чтобы она показывала въ себѣ будущее, и открывала по моему желанію каждому человѣку его судьбину; а зеркало сіе претвори въ неслыханную доселѣ вещь, и учини, чтобы оно показывало все то, о чемъ кто ни вздумаетъ. Бѣсъ выслушавъ сіе, неходился нѣсколько времени безоловесенъ, наконецъ спросилъ Аскалона: принадлежишъ ли сіе до Асклѣпады? Конечно, отвѣчалъ ему повелитель: ибо симъ намѣренъ я совершить мое предпріятіе и имѣть въ рукахъ моихъ супругу здѣшняго Князя. Когда такъ, продолжалъ демонъ, то я долженъ по приказанію Гомалисову тебѣ повиноваться. Ты долженъ Аскалонъ на нѣсколько времени выйти изъ сей пещеры: ибо не можешь снесть тѣхъ страховъ, которые при исполненіи сего могутъ тебѣ приключиться; я долженъ созывать къ себѣ множество мо-

варищей, которыхъ виды и обхожденія умертвить тебя могутъ. Аскалонъ послушавъ его словъ и вышедъ изъ пещеры пребывалъ цѣлую ночь въ густотѣ лѣсной, но и при разсвѣтаніи дня не смѣлъ пойти къ своему духу, а ожидалъ пришествія его къ себѣ. Оный появился ему совсѣмъ въ другомъ видѣ, и казался объятъ весь пламенемъ. Исполнено по твоему желанію, говорилъ демонъ Аскалону, зеркало представляетъ все, что ты ни вздумаешь; а книга таковой, какую ты желалъ, весь адъ и вся наша сила сдѣлать не могли, а вмѣсто дѣйствительнаго прорицанія наполнили ее лживымъ и ласкательнымъ всякому человѣку. Пойдемъ, я тебѣ покажу его опытъ. Аскалонъ прежде всего хотѣлъ узнать, для чего онъ показался ему въ огнѣ. Для того, гогорилъ онъ, что только сію минуту вышелъ изъ ада, гдѣ не только мы, но и самъ князь духовъ повсяминутно мучится. Пришедши въ пещеру, накрылъ онъ Аскалона тѣмъ чернымъ флеромъ, и велѣлъ смотрѣти въ зеркало, и тотъ все, что ни вздумывалъ видѣлъ; потомъ посадилъ его на очарованной

стулъ накрытаго тѣмъ же флеромъ; раскрывъ передъ нимъ книгу велѣлъ читать, гдѣ Аскалонъ находилъ для себя тысячи благополучій, которыя прорекались ему различными образами. И такъ, будучи симъ весьма доволенъ, положилъ ожидать къ себѣ Алима, и сими вещами получить себѣ отъ него великое почтеніе и преданность, овладѣть его разумомъ и склонить на свою сторону.

ГЛАВА IX.

ВЕЧЕРЪ 64.

Продолженіе повѣсти объ Аскалонѣ.

На другой день приказалъ своему духу, какъ возможно, стараться привлечь Алима въ ихъ пустыню, которой ни мало не медля показалъ въ семъ дѣлѣ великое свое могущество и проворство: ибо для дьявола хотя не все, однако многое на свѣтѣ возможно. Превратился онъ въ свирѣпаго кабана и выбѣжавъ

изъ лѣсу, разгонялъ стада, пасущіяся на поляхъ, и потомъ скрылся опять въ томъ же лѣсу. Наступи сіе увидѣвъ объявили въ городѣ, и въ скоромъ времени вѣсть сія дошла до Алима, которой будучи великой охотникъ и оберегашель своихъ подданныхъ, велѣлъ изготовишься къ сраженію съ онымъ, и поѣхалъ самъ искашь шого звѣря. Долгое вр ія находились они въ лѣсу, и не могли сыскашь вепря, ибо и искали его по напрасну; наконецъ Алимъ нашелъ злодѣя своего и дьявола. Любопышствуя вошелъ онъ въ ихъ пусшыню; въ то время Аскалонъ спояль передъ исшуканомъ, будто исполняя молишвы, но въ самомъ дѣлѣ соплешая ближнему погибель; увидѣвъ сего почшеннаго мужа, поклонился ему Алимъ весьма низко; а Аскалонъ просилъ его къ себѣ милости и благодарилъ за посѣщеніе; дьяволъ стоялъ тогда смиренно и гошовился услуживашь своему повелишелю. Но многихъ учшивосшяхъ съ обѣихъ сшоронъ съли они кому гдѣ случилось, и Алимъ просилъ Аскалона, чшобы онъ увѣдомилъ его о себѣ и шакже о богоугодномъ ихъ жишіи. Меня называли

въ мѣрѣ Врашусаномъ, а услужника моего Губласомъ. Сіи выдуманныя имена сказываны были кстати, также и то описаніе, которое объявилъ о себѣ Аскалонъ; и Алиму никоимъ образомъ узнать было не возможно ихъ обманъ: ибо онъ не могъ проницать во внутренность человѣческую. По окончаніи выдуманной повѣсти говорилъ Аскалонъ Алиму, что онъ любезнаго своего гостя за посѣщеніе возблагодаритъ достойною услугою. Скажи мнѣ, говорилъ онъ Алиму, кого бы ты желалъ теперь увидѣть прежде всѣхъ; ибо думалъ Аскалонъ, что пожелаетъ Алимъ увидѣть Аскаїаду, которую онъ весьма горячо любитъ; но Алимъ отвѣчалъ ему противное. „Добродѣтельной мужъ Врашусанъ, началъ говорить ему Малконской обладатель, я почитаю за верьхъ моего благополучія и всегда искусъ, чтобъ узнать мнѣ моего родителя, то естьли ты столь любезенъ богамъ и снисходителенъ къ смертнымъ, что можешь показать мнѣ сію милость, и далъ сверьхъ естественное зрѣніе, откроешь мнѣ образъ моего родителя, то я со всѣмъ отдамся во власть твою

и всякую услугу сдѣлать тебѣ въ состояніи. Аскалонъ нѣсколько подумавъ, обѣщалъ сдѣлать ему сіе открытіе, чѣмъ столько обрадованъ сталъ Алимъ, что находился тогда внѣ себя.

Аскалонъ велѣлъ ему встать, взявъ черной флеръ покрылъ его и приказалъ смотрѣть въ зеркало. Видѣніе было Алиму такое: Представилось ему пространное и страшное подземельное жилище, котораго стѣны сдѣланы были изъ камней, но весьма онѣ долгаго времени въ нѣкоторыхъ мѣстахъ развалились, и казались, что обросли ядовитою травою; по серединѣ онаго висѣла лампада, которая давала умѣренной свѣтъ всему плачущему зданію; впереди стояла софа, на которой лежалъ облокотясь на руку еще въ самой порѣ почтенный мужъ въ домашнемъ, а не въ воинскомъ платьѣ. Въ головахъ и въ ногахъ у него сидѣли два воина съ оголженными мечами, которые облокотясь также на руки спали; спокойствіе и тишина обитали въ семъ мѣстѣ, и казалось, что все старалося сихъ спящихъ мужей обременять сномъ до скончанія вѣка. Платье на оныхъ было

Славенское, и сей почтенный мужъ столько походилъ на Алима, или Алимъ на него, что двѣ капли воды не могли быть ихъ сходнѣе; надъ головой его повѣшена была доска, на которой изображены были сіи слова: „Сей государь и два при немъ воина опочивающіи двадцать лѣтъ не просыпаяся ни на минуту; но воскресишь ихъ отъ сего смертнаго сна чужестранецъ пріѣхавшій сюда на Дельфинѣ, тогда начнется опять счастіе сего народа.„ Что долженъ былъ думать Алимъ, увидѣвъ отца своего въ первой еще разъ отъ роду и въ такомъ жалкомъ состояніи? Собирая силы свои и укрѣпляя сердце, просилъ Врачисана, чтобъ показалъ его родительницу, также брата и сестёръ. Смотри, сказалъ ему Аскалонъ. Второе видѣніе представилось Алиму слѣдующаго содержанія: Высокая и неприступная гора, окруженная вся моремъ, по сей единѣ которой прикована была женщина весьма толстыми желѣзными цѣпями, которой двѣ хищныя птицы терзали груди; и сія женщина терпѣла великое мученіе и находилась тогда въ отчаяніи. Алимъ

увидѣвъ сіе прослезился: ибо болѣзнь матери его весьма много тронула его сердце; потомъ увидѣлъ онъ сестру свою, которая называлась Плакетою: она стояла между деревъ, поддерживаема двумя воинами и была объята великимъ страхомъ или отчаяніемъ, что образъ ея въ то время показывалъ; окружена многими воинами, которые находились въ великой печали. Потомъ Аскалонъ снялъ съ него покрывало и повѣсилъ на зеркало. Алимъ спрашивалъ у него, для чего не могъ онъ увидѣть своихъ братьевъ. Для того, отвѣчалъ ему Аскалонъ, что и тѣхъ уже ихъ на семъ свѣтѣ, или совсѣмъ ныхъ не имѣлъ. Чудно казалось тогда превращенному Аскалону, что Плакета родная сестра Алиму; однако не открылъ онъ ему, что имѣлъ свиданіе съ нею на островѣ; ибо по сему могло бы пасть на него нѣкоторое подозрѣніе, и такъ не говорилъ онъ о томъ ни слова. Алимъ сидѣлъ тогда въ великомъ удивленіи и думалъ, что бесѣдуетъ онъ теперь съ какимъ нибудь богомъ или по крайней мѣрѣ съ такимъ человѣкомъ, которой угодилъ имъ весьма много, для

того что сіе чрезъестественное показаніе превосходило его понятіе. Въ одну минуту возгорѣлася любовь въ сердцѣ Алимовомъ ко своимъ родителямъ; началъ онъ чувствовать объ оныхъ сожалѣніе, и предпріялъ сыскать и видѣть непремѣнно; и такъ просилъ Врачиса, чтобъ сей увѣдомилъ его о мѣстѣ его рожденія, и какъ оное называется; чего Аскалонъ открыть ему не хотѣлъ, ибо онъ и самъ того не вѣдалъ. И такъ Алимъ поблагодарилъ Врачиса отъ искренняго сердца за такую неслыханную милость, обѣщая сему пустыннику усердное свое покровительство и всегдашнія услуги, поѣхалъ во дворецъ исполненъ будучи различными воображеніями.

Сіе благополучіе, мнѣ кажется, превосходитъ всякое на свѣтѣ, что не знавъ онъ роду своихъ родителей имѣть счастіе ихъ увидѣть. Алимъ пріѣхавъ домой съ радостнымъ восторгомъ, объявилъ о томъ Аскалидѣ, которая весьма долгое время не соглашалась сему вѣрить; наконецъ убѣждена будучи ясными доказательствами отъ своего мужа, къ превеликому удивленію узнала, что

ешо правда, и для шого вселилось въ нее нестерпимое желаніе увидѣть шого почтеннаго мужа. Но когда Алимъ объявилъ ей свое желаніе, что хочетъ онъ на время ее оставить, поручить правленіе свое Бейраму, какъ первому своему другу, и ѣхать искать своего отца; то вдругъ она оробѣла, и не знала, что говорить мужу своему въ то время. Трепещущее ея сердце почувствовало можетъ быть, что она должна впослѣдствіе съ нимъ проститься, и ешо сердечное предвѣщаніе было причиною шому, что проливая горькія слезы удерживала своего мужа, не выговаривая ему никакихъ важныхъ причинъ, которыя въ женской ея печали не всходили можетъ быть ей на разумъ.

Въ наступающій день, когда уже Алимъ дѣйствительно вознамѣрился искать своего родителя, приказалъ всему народу собраться на публичную площадь, и тамъ вознамѣрился открыть имъ свое желаніе, и при всѣхъ поручить правленіе Бейраму въ отсутствіи своемъ, чтобъ былъ к ждой самі свидѣтелемъ его опредѣленія; и когда собрался весь народъ, то говорилъ онъ имъ

слѣдующее : По окончанїи моей вмѣстѣ съ народною печали обитаетъ благополучїе на островахъ нашихъ , которое милостїю всещедрыхъ боговъ кажется намъ непоколебимо. Миръ и изрядное состоянїе народа приводитъ сердце мое въ великое удовольствїе : ибо благополучїе моихъ подданныхъ почитаю я большимъ для себя счастїемъ , нежели благополучїе моего дому ; хотя и сопряжено оное съ народнымъ , но я о немъ не столько стараюсь, сколько о состоянїи всего общества , въ которомъ полагаю все мое счастїе и защищенїе. По претерпѣнїи многихъ мною безпокойствъ и мученїй сдѣлались боги ко мнѣ милосерды , вручили мнѣ ошняной престолъ и утвердили державу мою во вѣки ; но нынѣ снизходитъ на меня большее ихъ милосердїе ; они открыли мнѣ моихъ родителей , и я вчера извѣстился объ оныхъ: для того намѣренъ васъ на время оставить ; въ отсутствїи моемъ поручаю правительство Бейгаму , и прошу, чтобъ оному повиновались вы такъ, какъ своему Государю, а я надѣюсь возвратиться въ скоромъ времени. Думаю, что сїе мое намѣренїе принято будетъ

отъ васъ съ великимъ удовольствіемъ, всякой вообразя любовь къ родителямъ, узнаешь, сколько они нужны въ нашей жизни. Народъ повиновался безъ прекословія его волѣ, и такъ съ сихъ поръ началось пріуготовленіе къ предпріятому пути. Аскліада не имѣя никакой надежды ѣхать съ своимъ мужемъ, просила его неотступно умолити Врашисана, чтобы онъ согласился жить во дворцѣ вмѣстѣ съ нею: ибо намѣреніе ея было такое, чтобъ имѣть завсегда въ глазахъ Алима помощію того чрезъ-естественнаго зеркала, и думала она еще, что Врашисанъ имѣя добродѣтельную жизнь и весма просвѣщенной разумъ, будетъ воздерживать ее отъ печали. Человѣкъ имѣетъ такое глубокое невѣденіе, что не рѣдко ищетъ самъ своей погибели и усердно старается ввести себя въ бездну злоключеній. Алимъ желаніе ея хотѣлъ непремѣнно исполнить: ибо думалъ онъ, что сдѣлаетъ ей тѣмъ великое облегченіе въ печали; и для того поѣхалъ онъ одинъ въ пустыню къ Аскалону, и просилъ его неотступно о той милости. Развращенной набожникъ долгое время на сіе не

соглашался, чтобъ больше утвердить о себѣ истинну и увѣрить невѣдущаго Алима въ своей добродѣтели. Онъ представлялъ ему, что сія злая жизнь для него такое бремя, котораго сносить онъ не можетъ, и всякое людей обращеніе почитаетъ суетнымъ, и для того не желаетъ имѣть съ ними никакого сообщенія; наконецъ по многихъ оговоркахъ, какъ будто бы по неволѣ, а угождая только тѣмъ своему Государю, объявилъ свое желаніе, и хотѣлъ переселишся въ то время къ Аскаладу, когда Алимъ оставитъ сей островъ.

Млаконскій обладатель въ невѣдѣніи съ превеликою радостію объявилъ сію пагубную вѣсть своей супругѣ, которая не меньше его радовалась незнаемой своей погибели. Когда же объявили Алиму, что все изготовлено къ отъѣзду, тогда учредя всѣ свои дѣла слѣдовалъ онъ въ Перуновъ храмъ, и тамъ при принесеніи жертвы просилъ милосердаго Бога о покровительствѣ народа и также своей супруги въ отсутствіе его. Потомъ снявши перстень съ руки своей положилъ его на престолѣ передъ искуканомъ по общему обыкновенію

всѣхъ Славенскихъ Князей, которые отъѣзжая куда нибудь изъ своего владѣнія оставляли оные залогомъ, чтобъ опять туда возвратиться: и сдѣлавъ земное поклоненіе, отступилъ отъ идола. И такъ простившись со всѣмъ народомъ и съ своею супругою слѣдовалъ на корабль, куда провожали его подданные съ великими слезами и воплемъ; но сокрушеніе Асклїадино превосходило всѣхъ; и она пришла тогда въ безпамятство, когда подняли парусы и поѣхали отъ берега. Алимъ находился тогда въ неописанной печали, и думалъ, что великое и умножающееся непрестанно въ немъ сокрушеніе будетъ причиною его смерти. Асклїада не выходила изъ его понятія, и сердечное чувствованіе ясно предсказывало ему, что онъ въ послѣдній разъ съ нею простился; но предсказаніе сего вѣстника понимать мы неудобны. И такъ Алимъ продолжалъ свой путь; Асклїада неизъяснимо о немъ сокрушалась; народъ находился въ великой печали, а Аскалонъ радовался, что предпріятіе его имѣетъ счастливый успѣхъ. Печальная супруга Млаконскаго обладателя, достойная всякаго со-

жалѣнія, какъ скоро нѣсколько очувствовалась, що просила Бейгамъ, которой онъ нее ни на минуту не отлучался, чтобъ привелъ онъ къ ней великаго шого мужа, которой обитаетъ въ пустынѣ. Бейгамъ угождая своей Государынѣ, и желая весьма усердно избавить ее отъ печали, въ коротком врема исполнилъ ея желаніе. Аскалону отвели комнату подлѣ спальни Аскляѣдиной, и онъ расположился въ ней совсѣмъ къ звѣрскому своему намѣренію. Пришедъ къ отчаянной Государынѣ съ важнымъ видомъ и будто отъ добродѣтельнаго сердца, совѣтовалъ ей какъ возможно воздержаться отъ печали, и говорилъ, что сіе нескоснос для нее время минуется скоро, и что всякая печаль не бываетъ вѣчною, по прешествіи которой пріятнѣе бываетъ радость.

Аскляѣда употребила къ нему всякую прозьбу и ласкательство, чтобы онъ удостоилъ ее той неслыханной милости, которую показалъ ея мужу. Что касается до моей, Государыня, къ тебѣ услуги, говорилъ ей Аскалонъ, що мы можешь пользоваться оною до возвращенія твоего мужа: ибо оному далъ я

слово, что все его путешествїе будешь ты имѣть его въ глазахъ своихъ; изволь итти въ мою комнату, которая всякую минуту будетъ тебѣ представлять любимаго тобою супруга, и тѣ мѣста, въ которыхъ онъ будетъ находиться.

ГЛАВА X.

ВЕЧЕРЪ 65.

Продолженїе повѣсти объ Аскалонѣ.

Супруга Млаконскаго обладателя пришедъ въ Аскалонову комнату и сквозь сколдованной флеръ къ превеликой радости увидѣла своего мужа, которой сидѣлъ тогда на постели и находился въ великой печали. Сїе чрезъестественное дѣйствїе показалось ей столь великимъ и удивительнымъ, что съ самой етой минуты начала она почитать Вратисана хотя не первостатейнымъ, однако не послѣднимъ богомъ, и готова была на все согласиться, чего бы ни пожелалъ

Вранисанъ. Послѣ сего показалъ ей Аскалонъ книгу, и какъ Асклїада разсматривала ее не покрывшись флеромъ, то видѣла, что въ книгѣ той ничего написаннаго не было; а какъ накрылъ ее Аскалонъ флеромъ, то тогда чтила она всѣ хорошія для себя предвѣщанія. Сіе неслыханное доселѣ странное приключеніе приводило Асклїаду иногда в страху; для чего Аскалонъ стараясь ободрить ее, говорилъ, что онъ имѣетъ покровителями себѣ боговъ, которыхъ завсегда обнимаетъ съ нимъ благодать; чему Асклїада вѣрила безъ всякаго сомнѣнія.

Всякую минуту смотрѣла она въ то зеркало, и почти никогда отъ него не отставала, примѣчала всѣ шаги и предпріятія любовника и супруга своего Алима; любовь къ нему каждую минуту возрастала въ ея сердцѣ, съ которою умножалось желаніе всегда его имѣть въ глазахъ; однако не насыщалися глаза ея зрѣніемъ, а сердце шѣнію Алимовою: она просила неотступно Вранисана, чтобы онъ неизъясненною своею силою сдѣлалъ ей свиданіе съ возлюбленнымъ ея мужемъ: ибо она безъ сомнѣнія ду-

дала, что сіе Врапписану возможно, и онъ можетъ въ природѣ произвести все что, что только захочетъ Развращенный Аскалонъ долго не соглашался на ея желаніе, и говорилъ что хотя сіе ему возможно, но весьма трудно; а въ самомъ дѣлѣ онъ ее обманывалъ и готовился исполнить непристойное свое желаніе; наконецъ будучи тронута, чувствуя великую преданность къ Аскліадѣ, согласился дать ей свиданіе съ супругомъ и принести его на время въ его государство, чему Аскліада столько обрадовалась, что не знала, чѣмъ будетъ ей благодарить сего великаго и добродѣтельнаго мужа Врапписана за сіе неслыханное одолженіе.

Аскалонъ обѣщавшись сдѣлать ей сію услугу, говорилъ: надобно, сударыня, приготовиться къ тому такимъ образомъ: Завтра ввечеру поѣдемъ мы въ Пронову рощу и не доѣзжая до оныя, оставимъ тутъ всѣхъ служителей и велимъ имъ возвратиться въ городъ, а чрезъ нѣсколько времени явиться на томъ же мѣстѣ: ибо не должно имъ быть свидѣтелями того дѣйствія, которое понятіе смертнаго гораздо превышаетъ.

Млакопская Государыня не предвидя себѣ никакой изъ того опасности и погибели, безпрекословно соглашалась на всѣ предложенія мнимаго добродѣтельнаго Врачевателя; и естьлибы человѣкъ предузнавалъ свою погибель, то бы конечно не вдавался въ оную самопроизвольно. На другой день, когда наступило вечернее время, то Аскалада не терпѣливо пожелала быть въ посвященной великому Провѣ рощѣ, чтобъ тамъ благосклонностію сего бога увидѣться ей съ возлюбленнымъ своимъ супругомъ. Аскалонъ со злобнымъ своимъ духомъ и она отправились немедленно туда. Служителей они отпустили, какъ соглашено было о томъ еще до исполненія дѣла. Врачевателъ приказалъ своему духу прежде вступленія въ рощу, что бы онъ осмотрѣлъ, нѣтъ ли тамъ какого человѣка, которой не сдѣлалъ бы помѣшательства въ похвальномъ его намѣреніи; и когда тотъ увѣдомилъ, что она находится пуста, тогда Врачевателъ вступилъ въ средину оной, ведя за руку Аскаладу, которая претерпѣла отъ радости, что найдетъ въ оной любимаго ею Алима.

Блѣдная луна въ то время не закрыта была облаками, и слабыми своими лучами освѣщала всю рощу. Асклїада прежде всего пошла къ Пропову истукану, и сдѣлавъ ему поклоненіе, просила Врачисана о обѣщанной имъ милости, которой оборотясь ко своему духу сказалъ: Сними съ меня сей образъ и возврати мнѣ мой, которой я имѣю отъ природы. Въ одну минуту исчезъ почтеннаго вида пустынникъ, а явился передъ Асклїадою неистовой Аскалонъ. Асклїада узнавъ его, въ тужъ минуту пришла въ великое отчаяніе, и увидѣла ясно изготовленную ей погибель. Великій Пропе! возгласила она озрѣвшись къ истукану, щебъ все возможно на земли, избавь меня отъ сего варвара и вырви изъ рукъ сего злодѣя, я не имѣю теперь никакой помощи, ни защищенія; и если ли ты для меня милостивъ, то пронись моими слезами и посѣти избавишь меня отъ смерти. Аскалонъ видя толикое въ ней отчаяніе, предпріялъ было воздерживать ее ласкою, но когда не имѣлъ отъ томъ ни малаго успѣха, то употребилъ силы къ скотскому своему желанію; однако

соизволенїе судьбины не допустило его исполнить звѣрское свое намѣренїе: ибо несчастная Государыня видя, что не можетъ имѣть ни откуду и никакой помощи, весьма поспѣшно прекратила жизнь свою и пала безчувственна на землю. Аскалонъ увидѣвъ ее мертвую, столь много остервѣнѣлъ, что выхвативъ свой мечь хотѣлъ раздробить ее на части; но дїяволъ, въ семъ случаѣ явившійся чувствительнѣе сего развращеннаго человѣка, воспрепятствовалъ ему варварское намѣренїе произвести въ дѣйство. И такъ безъ всякаго сожалѣнїя оставили они Аскалїадино тѣло, поверженное на земли и облитое невинною кровїю которая безъ отмщенїя отъ Бога остаться быть никогда не можетъ. Чтожъ предпрїялъ потомъ Аскалонъ? Онъ ни мало не раскаялся въ семъ непростительномъ преступленїи, и хотѣлъ, какъ возможно истребить Бейгама, какъ перваго врага своего на семъ островѣ, и просилъ для того духа, чтобы онъ сказалъ ему средство для погубленїя того добродѣтельнаго мужа. Духъ отвѣчалъ ему на сїе, что онъ больше служить ему

не долженъ, какъ только отнести съ сего острова, куда онъ изволитъ: ибо, говорилъ онъ, имѣю я такое приказаніе отъ Гомалиса; и естьли вы хочешь остаться на семъ островѣ, то я тебя оставлю и возвращусь въ мое обитаніе: мнѣ приказано перенести тебя на твердую землю; а естьли вы того не хочешь, то сіе останется въ твоей волѣ. Аскалонъ опасался мщенія за Аскаладу, не хотѣлъ на Макона остаться, и говорилъ духу, чтобы онъ перенесъ его на противную сторону той, въ которую поѣхалъ Алимъ. И такъ когда приближились они къ берегу, то дьяволъ бросившись въ море, сдѣлался Дельфиномъ, и посадя на спину Аскалона, поплылъ въ извѣстную ему дорогу.

Оппущенные отъ рощи служители пріѣхали къ оной въ то время въ которое приказано имъ было отъ Врашиса-на, и дождавшись тутъ больше двухъ часовъ, не дерзнули войти въ рощу и тамъ искать своей Государыни. Наконецъ начала показываться уже заря и вскорѣ послѣ оной появилось на небесахъ солнце; нѣкоторые изъ жные граждане

шли уже къ истукану Пронову для отправленія утреннихъ молитвъ, какъ обыкновенно оное бывало. Великое сомнѣніе вселилось тогда во всѣхъ людей, которые пріѣхали за Асклїадою; они не хотѣли больше ожидать ее и пошли сами въ рощу. Не много старанія надобно было прилагать, чтобъ нашли они свою погибель и великое сокрушеніе всему ихъ отечеству. Немилосердая судьба поразила ихъ зрѣнія и сердца неизъясненнымъ страхомъ и болѣзнію, нашли они безчувственное тѣло несчастной своей Государыни. Какой вопль и стенаніе сдѣлались тогда между ими, то представить себѣ могутъ одни только тѣ добродѣтельные люди, которые чувствуютъ великую преданность и усердіе къ милостивымъ и попечительнымъ своимъ Государямъ. Всякаго роду отчаяніе, тоска и неизъясненное сѣтованіе летали тогда по плачевной той рощѣ, казалось, что и древа соотвѣтствовали тогда народной печали. Въ одну минуту извѣстился городъ о своемъ несчастіи, всякой гражданинъ оставивъ все бѣжалъ въ Пронову рощу. Въ городскихъ воротахъ сдѣлалась не-

лікая шесноша и многихъ передавили тогда до смерши. Прежде никшо не смѣлъ коснуться божесшвенной шой рощѣ; но въ семъ ошчаяніи, и можешъ быпь въ безпамяшсшвѣ, влазили на древа шѣ люди, коиорымъ не видно было плачевнаго шого позорища, и въ скоромъ времени всѣ древа наполнены были народомъ. Солнце сказываюшъ въ шо время осшановилось, и перемѣнивъ яркое свое блисшаніе въ кровавые и шусклые лучи, удивлялось сему позорищу и соболѣзновало народу: словомъ, плачущему шогда граждансшву казалось, чшо вся земля и всѣ на оной вещи испускали великимъ обилїемъ слезы; море ушихло, и одна шолько сшремящаяся ошъ острова Млакона шонкая сшруя несла на раменахъ своихъ сїю плачевную вѣсшь къ Алиму, коиораго можешъ быпь шерзающееся сердце находилося въ великой шоскѣ; но горесши своей изъясниць было ему не въ силахъ, коиорой шѣмъ больше несчасшливье былъ, чѣмъ больше чувсшвовалъ любви къ своей супругѣ.

Первосшашейные бояре, также и первенсшвующіе жреды взяли бездушное

и омытое гражданскими слезами Асклїадино тѣло при великомъ воплѣ народномъ внесли его во градъ, и положили во дворцѣ въ большомъ залѣ, куда дозволили входить всѣмъ невозбранно оплакивать смерть Государыни и собственное свое несчастїе. На третїй день пріѣхалъ Бейгамъ: ибо ѣздилъ онъ для исправленїя нѣкоторыхъ надобностей на островъ Нїѣ; которой будучи пораженъ нечаянною сею вѣстїю, пришелъ совсѣмъ въ помѣшательство, и приближившись къ гробу Асклїадину, ударился объ столъ, на которомъ лежало ея тѣло, столь отчаянно, что сей ударъ по маломъ времени былъ смерти его причиною. Въ сїе время вынесли его безчувственнаго изъ зала, дыханїе его пресѣкалось и языкъ не имѣлъ уже больше дѣйствїя; къ вечеру онъ скончался и послѣдовалъ за своею Государынею въ въ неизвѣстной всѣмъ смертнымъ путь. Похоронили его съ должною честїю, и въ знакъ неограниченнаго усердїя къ Государямъ и великой любви и защищенїя отечеству поставили надгробное украшенїе, высѣченное изъ лучшаго мрамора. Всякой, желая оказать свое къ оному

усердіе, былъ при провожаніи его тѣла и достойно омывалъ оное слезами. По погребеніи сего добродѣтельнаго мужа не старалися найти Враписана и его духа: ибо заключили всѣ, что во образѣ пустынника попущеніемъ боговъ былъ на островѣ ихъ дьяволъ, ненавистникъ всего смертнаго племени; и тѣлъ сысканъ былъ весьма искусной человѣкъ, которому приказано было обальзамировать Аскліадино тѣло по Египетскому обыкновенію: и когда оное исполнено, то народъ опредѣлилъ себя со страхомъ ожидать прибытія Алимова, и что тогда учинитъ съ ними милосердое или прогнѣванное ими небо.

ГЛАВА XI.

ВЕЧЕРЪ 66.

Продолженіе повѣсти объ Аскалонѣ.

Пять лѣтъ плавалъ Аскалонъ по морю на демонѣ во образѣ Дельфина, и наконецъ приплылъ къ нѣкоторому камню, которой казался великою го-

рою и выдался изъ моря болѣе двацати саженей. Подъѣзжая къ оному увидѣлъ Аскалонъ весьма толстыми цѣпями прикованную женщину къ самой серединѣ камня; и чѣмъ ближе подъѣзжалъ онъ къ оному, тѣмъ больше слышалось стенаніе, которое испускала въ то время мучущаяся та женщина: ибо двѣ великія птицы терзали ея груди, отрывая онъ оныхъ куски глотали ихъ весьма жадно. Аскалонъ къ превеликому удивленію узналъ, что сіе была мать Алимова, и имѣла точной тотъ образъ, въ которомъ казалася она въ зеркалѣ сыну своему и Аскалону, и была въ томъ одѣяніи, въ которомъ они ее видѣли: по чему узналъ Аскалонъ, что чрезвестественное то зеркало весьма бы много стоило, ежелибы оно послѣ его осталось таковымъ; но оно по исполненіи презреннаго его намѣренія сдѣлалось безъ дѣйствія. Азаповъ сынъ когда вступилъ на камень, то терзающія Тризлинины груди, такъ называлась мать Алимова, птицы улетѣли, и онъ хотя съ трудомъ, однако дошелъ до самой Тризлы. Она чувствовала тогда еще боль, и для того не

говорила ни слова Аскалону, испуская чрезвычайное стенаніе; растерзанныя ея груди въ глазахъ Аскалоновыхъ оживлялися, и наконецъ сдѣлались таковыми, какъ будто бы были ни чѣмъ невредимы. Въ то время перестала она стенать, и взглянувъ на Аскалона, говорила ему: Я весьма радуюсь и больше еще удивляюсь тому, какою дорогою пріѣхалъ ты на сіе мѣсто: гору сію окружаютъ ужасныя пучины, и къ сему мѣсту ни одно судно достигнуть не можетъ; а какъ смертные не имѣли еще отъ сотворенія міра крыльевъ, то я никогда не ожидала увидѣть здѣсь человѣка: ты мнѣ кажешься не духомъ, и для того весьма мнѣ удивительно, какъ возмогъ ты достигнуть до сего мѣста. Аскалонъ отвѣчалъ ей на сіе, что человѣческое познаніе и искусство доходятъ иногда совсѣмъ до невозможнаго; я больше удивляюсь, продолжалъ онъ, видя такъ прекрасную женщину наказываему или богами, или природою толико жестоко, и къ тому ни мало не сомнѣваюсь, что ты терпѣла оное не понапрасну: скажи мнѣ, сударыня, за грѣхи твои терпишь ты

сїе мученїе, или за грѣхи твоихъ
ковъ, или потомковъ, или за пр
пленїе народное, которымъ, ду
когда нибудь владѣла? Я не знак
ворила она, для чего такъ бо
справедливы и данную имъ власть
ше употребляютъ по своимъ при
сшїямъ! мы не столько подвержен
рокамъ, сколько они; всякой ч
всякую минуту услышишь на
спенанїе, которое приключили
справедливости боги или опиянїе
коего жены, или умерщвленїемъ
или превращенїемъ человѣка въ
нибудь другое живошное. Ошъ н
мїра, какъ мы уже о шомъ извѣсти
сколько спенали ошъ нихъ Госуд
сколько опроверженo ими народу,
еще столь суевѣрны, что покар
власши столь неправосудныхъ и с
гнусныхъ боговъ съ охошою: они в
за малое прешупленїе наказали
полико злымъ мученїемъ. Сїи хи
шицы, которыхъ шы видѣлъ, в
утро прилешаютъ ко мнѣ и шерз
мои груди, которыя весьма скоро
ихъ совсѣмъ заживляются; въ сем
чении нахожуся я пятнадцать лѣ

не думаю, чтобъ получила когда ни
избавленїе. Есть ли къ тому спосо
спрашивалъ ее Аскалонъ. Есть, о
чала Тризла, но только весьма тру
и стращенъ; всякой человѣкъ, есп
оной предпрїять хочетъ, то дол
непремѣнно опредѣлить себя смерп
ни мало не страшиться окончанїя с
жизни. Во первыхъ взгляни на сей м
острова, которой находится не гор
далеко отъ той каменной горы, гов
да Тризла Аскалону указывая на о
около его шакїя сердитыя пучины,
торыя все въ себя пожираютъ и н
ютъ пристани къ нему ни великой
малой вещи; сїю невозможную п
носить преодолѣвши должно. Вопер
остерегаетъ берегъ сего острова н
кая, сильная и страшная птица, к
рая спитъ безпрестанно; надобн
великою осторожностїю приближи
къ ней и взять ее за голову, ко
разсужденїи ея росту весьма мала,
которой заключается вся ея сила
гущество; ибо когда голова ея бу
поимана и объята человѣческими р
ми, тогда будетъ она безсильнѣе
лицы; а когда человѣкъ движенїемъ

которыя изображаютъ зѣваніе, и всѣ онѣ находятся въ такомъ положеніи. Сію комнашу пробѣжашь надобно весьма поспѣшно, и должно спарашься; чтобъ не зѣвнушь ни одного разу, ибо вездѣ предспоишъ тебѣ погибель. Во впоромъ покоѣ найдешь ты множество людей, которые по всей комнашѣ сидя въ креслахъ засыпаютъ; какъ скоро въ оной вступишь, то начнешъ морить тебя смершельной сонъ, и такой сильной, что кажется пошеряешь всѣ свои чувства. Тутъ надобно пробѣжашь еще скорѣе, всѣми силами спарашься должно, чтобъ не задѣшь никого и не помѣшашь ихъ спокойствію. Въ шрешьей комнашѣ увидишь ты весьма покойную кровать; подлѣ которой находится спашуя изображающая жребій: она держишъ въ рукахъ своихъ закрышую книгу, и кажется, какъ хочешъ оную раскрышь; на сей кроваши долженъ ты успокоишься; и шутъ увидишь сонъ, которой откроешъ тебѣ окончаніе сего похвальнаго предпріяшія; что же оной будешъ значишь, того мнѣ открышь тебѣ не возможно, и объ немъ свѣдаешъ только одинъ шонъ, кому здѣсь назначено быть.

голову, и носитъ ее ниже тѣла, что означаетъ великое ея прискорбїе и смерть въ наступающее лѣто, роняетъ свои перья, и ко изходу года бываетъ почти гола, и когда увидитъ, что вышла подобная ей птица на свѣтъ, тогда убиваетъ себя о камень. По разбитїи яйца оказываетъ голову свою птенецъ и поминутно проситъ ѣсть; чего ради одна всегда убѣгаетъ, а другая питается тою смирною, которою обмазано весьма изобильно яйцо, и такъ перится и выростаетъ въ скорлупѣ, и пребываетъ въ немъ цѣлой годъ, а по протеетвїи онаго бываетъ она столько сильна, что можетъ разорвать тое скорлупу. Родившися почитаетъ за первую должность похоронить своего отца; для того беретъ на когти нѣсколько съ яйца оставшейся смирны и оной помазываетъ корень котораго нибудь дерева и другаго подлѣ его стоящаго, отъ чего сдѣлается отверстїе. Деревья нѣсколько разодвинутся, и будетъ мѣсто, гдѣ похоронитъ онъ своего родителя; и какъ только закроетъ землею, то въ минуту выростетъ подобное другимъ дерево и соплетется съ

которыя изображаютъ зѣваніе, и всѣ онѣ находятся въ такомъ положеніи. Сію комнату пробѣжать надобно весьма поспѣшно, и должно стараться, чтобъ не зѣвнуть ни одного разу, ибо вездѣ предстоитъ тебѣ погибель. Во второмъ покоѣ найдешь ты множество людей, которые по всей комнатѣ сидя въ креслахъ засыпаютъ; какъ скоро въ оной вступишь, то начнетъ морить тебя смертельной сонъ, и такой сильной, что кажется потеряешь всѣ свои чувства. Тутъ надобно пробѣжать еще скорѣе, всѣми силами стараться должно, чтобъ не задѣть никого и не помѣшать ихъ спокойствію. Въ третьей комнатѣ увидишь ты весьма покойную кровать, подлѣ которой находится спящая изображающая жребій: она держитъ въ рукахъ своихъ закрытую книгу, и кажется, какъ хочетъ оную раскрыть; на сей кровати долженъ ты успокоиться, и тутъ увидишь сонъ, которой откроетъ тебѣ окончаніе сего похвальнаго предпріятія; что же оной будетъ значить, того мнѣ открыть тебѣ не возможно, и объ немъ свѣдаетъ только одинъ тотъ, кому здѣсь назначено быть.

котораго спрашиться ты ни мало не долженъ, и смотри тогда отверстыми глазами, что будешь невредимъ; а естьли придешь отъ того въ робость и затворишь хотя на минуту свои очи, то тиранскимъ образомъ умерщвленъ будешь и растерзанъ; сей же огонь опалять тебя не будетъ, естьли безъ робости приступишь къ нему спанешь и вскорѣ потомъ скроется весь. Тогда долженъ ты имѣть сраженіе съ симъ чудовищемъ; но поражая его не надобно поднимать тебѣ орудія своего выше головы, а то тотчасъ послѣдуетъ тебѣ вторичная погибель; ибо пущенной изъ него на булаву твою ядъ умертвитъ тебя въ минуту. Убивъ сего змѣя долженъ ты распороть ему чрево, изъ котораго выдетъ на землю желчь и зажжетъ оную. Все то мѣсто, которое окружаютъ очарованныя деревья, весьма въ скоромъ времени объимется пламенемъ и будетъ горѣть на подобіе кипящей смолы: тогда весьма поспѣшно долженъ ты выити на берегъ острова, и тутъ поймавъ тое птицу держать за голову: ибо она будетъ твоимъ спасеніемъ, по тому что сгорѣть ей не

должно, а иначе спастися тебѣ не можно. По утолении совсѣмъ пламени вступишь въ середину острова увидишь ты весьма прекрасное, но не великое зданіе изъ самыхъ яркихъ голубыхъ каменей, въ которое долженъ ты нынѣ непремѣнно; на крыльцѣ встрѣтятъ тебя два большие леопарда, которые оставивъ всякую свирѣпость, будутъ ласкаться около тебя, подобно какъ знающій песъ; но ты ни приговаривать ихъ, ни касаться руками не долженъ. Потомъ свирѣпое чудовище, составленное почти изъ всѣхъ животныхъ, которыя находятся на землѣ, отворитъ тебѣ двери въ залу; тутъ на удивительной и великовѣпной постелѣ увидишь ты спящую прекрасную дѣвушку, которая такую имѣетъ красоту, что всякой смертной въ жизни своей увидѣть такую не можетъ, выключая того, которого судьба приведетъ сюда исполнить толико храброе и похвальное дѣло. Она будетъ почивать тогда навзничь свѣсивъ одну руку съ постели, въ которой держать будетъ серебреной шаръ, а подъ рукою у нее поставлено будетъ на полу большое блюдо изъ такого же

щеннаго дельфина, приказалъ плыть ему къ твердой землѣ, и тамъ намѣренъ былъ хотя и по неволѣ, однако разстаться съ нимъ на вѣки

Духъ не желая больше медлить, поплылъ весьма поспѣшно на сѣверную сторону Варяжскаго моря; волны уступали его стремленію, вѣтры не мѣшали продолжать пути. Спокойное море принесло ихъ весьма скоро къ несчастливымъ берегамъ города Хотыня, которымъ обладали тогда варвары, кои покланялися лунѣ, и отъ того сей народъ назывался Лунатиками. Хотынь стоялъ на самомъ берегу моря при устьѣ великой рѣки, которая именовалася Рвань. За три версты отъ города построена была въ морѣ высокая башня, которая называлася по старинному обыкновенію Фаросъ; на нихъ во время темной ночи горѣли фонари для лучшаго плаванія кораблей; но сія построена была для другаго случая, а имянно: находилася на ней многочисленная стража для усмотрѣнія человѣка долженствующаго пріѣхать къ нимъ на дельфинѣ; и когда Аскалонъ показался въ ихъ глаза, тогда на башнѣ и потомъ

во всемъ городѣ сдѣлалася великая тревога. Всѣ жители города бѣжали на берегъ, и что казалось весьма чудно Аскалону, такъ то, что нѣкоторые изъ нихъ плакали весьма отчаянно, рвали на себѣ волосы и терзали свое тѣло, а другіе бѣжали съ великою радостію, подымали руки къ небу и благодарили сжалившихся надъ ними боговъ. Сія чудная и неожидаемая встрѣча привела его въ великое сомнѣніе; онъ не зналъ, какъ располковать сей народной поступокъ, чего ради спрашивалъ у своего духа причины оному: но тотъ отвѣчалъ ему, что онъ того не знаетъ, и при семъ словѣ спустивъ его на берегъ и взявъ у него перстень потонулъ въ водахъ морскихъ, прикрывшись тѣми волнами, которыя произвелъ онъ самъ скорымъ стремленіемъ отъ берега. Какъ скоро Аскалонъ выступилъ на берегъ, то множество воиновъ окружили его тотчасъ и обобравъ саблю, шлемъ, прашу и кинжалъ, повели прямо въ страшную и невоображаемую темницу, и тамъ заключили его одного. Что̀жъ должно было думать Аскалону о семъ приключеніи? Онъ привыкъ самъ

Тогда будетъ онъ весьма счастливъ, а я получу конецъ жизни моей и неизъясненнаго сего мученія. Придетъ благополучіе тѣхъ людей, которые до сего времени изнуряемы были различною тяготою; и которые невинно стонали подъ жестокимъ бременемъ варварскаго поколѣнія; а оныхъ находится цѣлое государство.

ГЛАВА XII.

ВЕЧЕРЪ 67.

Продолженіе повѣсти объ Аскалонѣ.

Аскалонъ слушалъ сіе повѣствованіе съ великимъ вниманіемъ, и думалъ
был[illegible] употребить себя къ тому, чтобъ
избав[illegible] [illegible]ть Тризлу отъ сего мученія; но
великія [illegible] невозможности и отреченіе его
духа бы[illegible] [illegible]ли причиною тому, что онъ
принужде[illegible] [illegible]нъ былъ оставить намѣреніе
свое по не[illegible] [illegible]олѣ; а естьлибы согласился
на сіе демо[illegible] [illegible]чъ и перенесъ Аскалона на
островъ, то [illegible] бы конечно потерялъ онъ

тутъ свою жизнь: ибо не съ такимъ разумомъ и не съ такою храбростію, каковы имѣлъ въ себѣ Аскалонъ, должно было предпринимать сіе дѣло. Сверьхъ же того сей неистовой человѣкъ не искалъ своей славы, но искалъ всегда погибели человѣческой: ибо родился онъ подъ злою планетою, и отъ самаго младенчества опредѣлилъ себя вредомъ всему смертному племени. Онъ препроводилъ съ Тризлою цѣлые сутки, спрашивалъ ее о причинѣ ея мученія, чего однако она ему не объявила, и сказывала, что приказано ей таить ото всѣхъ. И когда прилетѣли къ ней птицы и начали по обыкновенію терзать ея груди, Аскалонъ озлился чрезвычайно на презрѣнныхъ сихъ тварей, и хотѣлъ убить ихъ изъ пращи; но де[illegible]монъ говорилъ ему изъ воды, чтобы оси[illegible]тавилъ онъ пагубное сіе предпріятіе, с[illegible]жели и хочетъ быть тутъ же прикова[illegible]ъ къ гор[illegible] и претерпѣвать равное мучен[illegible]іе съ Тризлою. Тогда неистовой Ас[illegible]калонъ пришелъ самъ въ себя, и разсм[illegible]отрѣлъ, что предпріятіе его не разуми[illegible]о. И такъ оставилъ онъ злую Триз[illegible]у безъ всякаго сожалѣнія, и сѣвши о[illegible]ять на превр[illegible]

щеннаго дельфина, приказалъ плыть ему къ твердой землѣ, и тамъ имѣлъ быль хотя и по неволѣ, однако разстался съ нимъ навѣки.

Духъ не желая больше медлить, поплылъ весьма поспѣшно на сѣверную сторону Варяжскаго моря; волны уступали его стремленію, вѣтры не мѣшали продолжать пути. Спокойное море принесло ихъ весьма скоро къ несчастливымъ берегамъ города Хоныня, которымъ обладали тогда варвары, кои покланялися лунѣ, и отъ того сей народъ назывался Лунашниками. Хонынь стоялъ на самомъ берегу моря при устьѣ великой рѣки, которая именовалася Рванъ. За три версты отъ города построена была къ морѣ высокая башня, которая называлася по старинному обыкновенію Фаросъ; на ихъ во время темной ночи горѣли фонари для лучшаго плаванія кораблей; но сія построена была для другаго случая, а именно: находилася на ней многочисленная стража для усмотрѣнія человѣка долженствующаго пріѣхать къ нимъ на дельфинѣ; и когда Аскалонъ показался въ ихъ глазъ, тогда на башнѣ и потомъ

во всемъ городѣ сдѣлалася великая тревога. Всѣ жители города бѣжали на берегъ, и что казалось весьма чудно Аскалону, такъ то, что нѣкоторые изъ нихъ плакали весьма отчаянно, рвали на себѣ волосы и терзали свое тѣло, а другіе бѣжали съ великою радостію, подымали руки къ небу и благодарили сжалившихся надъ ними боговъ. Сія чудная и неожидаемая встрѣча привела его въ великое сомнѣніе; онъ не зналъ, какъ располковать сей народной поступокъ, чего ради спрашивалъ у своего духа причины оному: но тотъ отвѣчалъ ему, что онъ того не знаетъ, и при семъ словѣ спустивъ его на берегъ и взявъ у него перстень потонулъ въ водахъ морскихъ, прикрывшись тѣми волнами, которыя произвелъ онъ самъ скорымъ стремленіемъ отъ берега. Какъ скоро Аскалонъ выступилъ на берегъ, то множество воиновъ окружили его тотчасъ и обобравъ саблю, шлемъ, пращу и кинжалъ, повели прямо въ страшную и невоображаемую темницу, и тамъ заключили его одного. Что̀жъ должно было думать Аскалону о семъ приключеніи? Онъ привыкъ самъ

Аскалонъ еще въ первой разъ отъ рожденія своего узналъ прямое несчастіе, и хотя по неволѣ, однако вывѣдывалъ всю его силу и власть надъ человѣческимъ поколѣніемъ. Всякаго рода печали, горесть и отчаяніе вселилися въ его сердце, великая тоска мучила его несказанно, и онъ столь отчаянно плакалъ, что почувствовалъ отъ того великую боль въ головѣ, и для того повалился безъ чувства на землю. Сонъ, или другое какое нибудь забвеніе усыпили его члены, и находился онъ въ семъ жестокомъ безпамятствѣ до половины наступившей ночи. Потомъ нѣкоторой пріятной шумъ привелъ его въ память, и когда получилъ онъ послѣ того забвенія всѣ свои чувства, то услышалъ голосъ арфы, которой весьма глухо слышился въ его темницѣ. Сперва подумалъ Аскалонъ, что сіе ему чудится, и что въ самой вещи не можетъ быть сіе правда; а какъ не переставало слышиться ему сіе пріятное согласіе музыки, всталъ онъ, и хотѣлъ сыскать то мѣсто, откуда происходилъ тотъ голосъ. Подошедъ къ одной стѣнѣ ощупалъ на оной малую скважину, по чему

переводчикъ, ибо Лунапяки говорили не Славенскимъ языкомъ: тогда Аскалонъ не изготовясь совсѣмъ къ тому и досадуя весьма много на превращеніе своей судьбины, отвѣчалъ ему о себѣ такую нелѣпость, что все собраніе или должны были спрашиться его отвѣтовъ, или смѣяться онымъ, ежели бы они дѣйствительно знали помѣшательство его разума; и какъ услышалъ Государь, что истинны отъ Аскалона узнать ему никоимъ образомъ не можно, то опредѣлилъ такъ, чтобъ бросить его въ темницу и тамъ уморить голодомъ. Сіе объявилъ ему переводчикъ. И такъ приказъ Государевъ немедленно былъ исполненъ. Отвели Аскалона въ то же смертоносное зданіе, заключили въ него на вѣки и завалили двери великимъ камнемъ.

Сколько бы человѣкъ золъ ни былъ и съ какимъ бы хотѣніемъ ни опредѣлялъ себя сносить всякія напасти великодушно, однако природа во многомъ бываетъ не согласна съ нашими намѣреніями, всякая скорбь касается нашего сердца, а сія часть внутренности нашей неудобна многія сносить болѣзни.

Аскалонъ еще въ первой разъ отъ рожденія своего узналъ прямое несчастіе, и хотя по неволѣ, однако вывѣдывалъ всю его силу и власть надъ человѣческимъ поколѣніемъ. Всякаго рода печали, горесть и отчаяніе вселилися въ его сердце, великая тоска мучила его несказанно, и онъ столь отчаянно плакалъ, что почувствовалъ отъ того великую боль въ головѣ, и для того повалился безъ чувства на землю. Сонъ, или другое какое нибудь забвеніе успили его члены, и находился онъ въ семъ жестокомъ безпамятствѣ до половины наступившей ночи. Потомъ нѣкоторой пріятной шумъ привелъ его въ память, и когда получилъ онъ послѣ того забвенія всѣ свои чувства, то услышалъ голосъ арфы, которой весьма глухо слышился въ его темницѣ. Сперва подумалъ Аскалонъ, что сіе ему чудится, и что въ самой вещи не можетъ быть сіе правда; а какъ не переставало слышиться ему сіе пріятное согласіе музыки, всталъ онъ, и хотѣлъ сыскать то мѣсто, откуда происходилъ тотъ голосъ. Подошедъ къ одной стѣнѣ ощупалъ на оной малую скважину, по чему

узналъ, что происходилъ онъ изъ оной; и когда началъ больше вслушиваться, что могъ разобрать, что пѣлъ человѣкъ слѣдующіе стихи съ великими вздохами и сердечнымъ терзаніемъ:

Всякой часъ вздыхаетъ странникъ,
Заключенъ сидя въ неволѣ;
Но стократъ страдаетъ болѣ,
Кто въ отечествѣ изгнанникъ.
Отнята его свобода,
Палъ родительскій престолъ;
Но стенаніе народа,
Всѣхъ несноснѣй въ свѣтѣ золъ.
Ты счастливъ Оланъ не ложно,
Что не слышишь стону ихъ;
Но сносити мнѣ не можно,
Онъ всегда въ ушахъ моихъ;
А прогнѣванные боги,
Отвратили вовсе слухъ;
Съ тѣмъ послали казни строги,
Чтобъ извлечь съ мученьемъ духъ.

Какъ только окончалъ невидимой сіи стихи, то и умолкъ; а Аскалонъ выслушавъ ихъ пришелъ въ великое сомнѣніе; онъ думалъ, что прибылъ въ отечество Алимоко, въ чемъ и не обманулся. И такъ положилъ, чтобъ въ на-

металла. И такъ должно къ ней приближиться весьма осторожно, снявъ съ мизинца ея перстень, не касаясь къ шару, которой она держитъ въ той же рукѣ, не уронить его въ поставленное къ ному блюдо, и всѣми силами стараться надобно, чтобы она сего не чувствовала и не проснулась; а когда услышишь, что всѣ сдѣланныя тобою великія дѣла будутъ ничто, и ты никакъ не можешь избѣжать своей погибели. Сіе, мнѣ кажется, никакъ не возможно, продолжала Тризла, и думаю, что не сыщется ни одинъ такой смертной, которой бы могъ произвести сіе дѣло съ такою великою осторожностію; всякой, приступая къ сему, устрашится, а робость воспрепятствуетъ ему исполнить намѣреніе сіе похвально. Естьли же оное удастся, то вздѣвъ ея перстень на свой мизинецъ ищи далѣе по покоямъ; двери не должно отворять тою рукою, на которой надѣнъ перстень: ибо какъ скоро прикоснешься имъ къ чему нибудь изъ сего зданія, то оно въ одну минуту все разсыплется. Въ первомъ покоѣ уставлены стѣны и пополокъ человѣческими головами,

которыя изображаютъ зѣваніе, и всѣ онѣ находятся въ такомъ положеніи. Сію комнату пробѣжать надобно весьма поспѣшно, и должно стараться, чтобъ не зѣвнуть ни одного разу, ибо вездѣ предстоитъ тебѣ погибель. Во второмъ покоѣ найдешь ты множество людей, которые по всей комнатѣ сидя въ креслахъ засыпаютъ; какъ скоро въ оной вступишь, то начнетъ морить тебя смертельной сонъ, и такой сильной, что кажется потеряешь всѣ свои чувства. Тутъ надобно пробѣжать еще скорѣе, всѣми силами стараться должно, чтобъ не задѣть никого и не помѣшать ихъ спокойствію. Въ третьей комнатѣ увидишь ты весьма покойную кровать, подлѣ которой находится спящая изображающая жребій: она держитъ въ рукахъ своихъ закрытую книгу, и кажется, какъ хочетъ оную раскрыть; на сей кровати долженъ ты успокоиться, и тутъ увидишь сонъ, которой откроетъ тебѣ окончаніе сего похвальнаго предпріятія; что же оной будетъ значить, того мнѣ открыть тебѣ не возможно, и объ немъ свѣдаетъ только одинъ тотъ, кому здѣсь назначено быть.

свиданіе, и гдѣ его оставилъ, скажи мнѣ незнакомой: ибо видишь мы передъ собою несчастнаго его дядю, и можешь, ежели благоволитъ судьба, узрить также несчастнаго отца его, которой усыпленъ чрезвестественнымъ сномъ, и почиваетъ уже двадцать лѣтъ, которое время спокоитъ наше отечество, и народъ изнуряется въ конецъ отъ обладающихъ здѣсь варваровъ? Аскалонъ по симъ словамъ узналъ дѣйствительно, что онъ находится въ отечествѣ Алимоновомъ, и что заключенъ въ темницу за то, что пріѣхалъ къ Лунашникамъ на дельфинѣ; а пріѣхавшій на ономъ человѣкъ долженъ прервать совсѣмъ ихъ благополучіе, и покорить власти Олаповой, какъ назывался владѣтель Хошыня и отецъ Алимонъ. Увѣдомилъ онъ Дашиноя о Млаконскомъ обладателѣ и о всемъ томъ, что до него принадлежитъ, умалчивая только тѣ случаи, въ которыхъ имѣлъ онъ самъ участіе. И такъ съ сихъ поръ сей добродѣтельной невольникъ почувствовалъ къ Аскалону великую любовь, и сожалѣлъ больше о его заключеніи, нежели о своемъ; подаваемую имъ пищу

тутъ свою жизнь: ибо не съ такимъ разумомъ и не съ такою храбростію, каковы имѣлъ въ себѣ Аскалонъ, должно было предпринимать сіе дѣло. Сверьхъ же того сей неистовой человѣкъ не искалъ своей славы, но искалъ всегда погибели человѣческой: ибо родился онъ подъ злою планетою, и отъ самаго младенчества опредѣлилъ себя вредомъ всему смертному племени. Онъ препроводилъ съ Тризлою цѣлые сутки, спрашивалъ ее о причинѣ ея мученія, чего однако она ему не объявила, и сказывала, что приказано ей таить ото всѣхъ. И когда прилетѣли къ ней птицы и начали по обыкновенію терзать ея груди, Аскалонъ озлился чрезвычайно на презрѣнныхъ сихъ тварей, и хотѣлъ убить ихъ изъ пращи; но д[illegible] мон[illegible] говорилъ ему изъ воды, чтобы ос[illegible] тавилъ онъ пагубное сіе предпріятіе, с[illegible] жели н[illegible] хочетъ быть тутъ же прикова[illegible] ъ къ гор[illegible] и претерпѣвать равное муче[illegible] іе съ Тризлою. Тогда неистовой Ас[illegible] аловъ пришелъ самъ въ себя, и разсм[illegible] отрѣлъ, что предпріятіе его не разуми[illegible] о. И такъ ос[illegible] тавилъ онъ злую Триз[illegible] у безъ всяка[illegible] сожалѣнія, и сѣвши о[illegible] лять на превр[illegible]

женъ, ежели клялся и обѣщался вредить всегда и всему смертному племени, и такъ непремѣнно долженъ исполнять волю демона. Онъ положилъ непремѣнно лишить жизни добродѣтельнаго невольника; и для того былъ безпокоенъ цѣлую ночь; а предпріявъ услаждаться всегда человѣческою кровію, почиталъ сіе безпокойство за нужное дѣйствіе природы. И такъ остервеняясь больше и больше, пошелъ наконецъ къ Дашиною и нашедъ его въ крѣпкомъ снѣ, бросился какъ разъяренной звѣрь тигръ и удавилъ несчастнаго Оланова брата; потомъ снявъ его одежду надѣлъ на себя, а мертваго облекъ въ свою и отнесъ въ опредѣленную ему темницу. Сіе приключеніе должно почитать я весьма удивительнымъ. Сей злодѣй какъ будто бы предвидѣлъ грозящую ему погибель, и намѣреніе свое исполнилъ ко своему избавленію. Нахай, такъ назывался владѣтель Лунашиковъ, приказалъ, ежели еще не умеръ Аскалонъ, сжечь его и прахъ развѣять по вѣтру; а ежели уже скончался, то оставить его въ той же темницѣ, и завалить ее землею: ибо прошла въ народѣ молва, что видѣли

во всемъ городѣ сдѣлалася великая тревога. Всѣ жители города бѣжали на берегъ, и что казалось весьма чудно Аскалону, такъ то, что нѣкоторые изъ нихъ плакали весьма отчаянно, рвали на себѣ волосы и терзали свое тѣло, а другіе бѣжали съ великою радостію, подымали руки къ небу и благодарили сжалившихся надъ ними боговъ. Сія чудная и неожидаемая встрѣча привела его въ великое сомнѣніе; онъ не зналъ, какъ располковать сей народной поступокъ, чего ради спрашивалъ у своего духа причины оному: но тотъ отвѣчалъ ему, что онъ того не знаетъ, и при семъ словѣ спустивъ его на берегъ и взявъ у него перстень потонулъ въ водахъ морскихъ, прикрывшись тѣми волнами, которыя произвелъ онъ самъ скорымъ стремленіемъ отъ берега. Какъ скоро Аскалонъ выступилъ на берегъ, то множество воиновъ окружили его тотчасъ и обобравъ саблю, шлемъ, пращу и кинжалъ, повели прямо въ страшную и невоображаемую темницу, и тамъ заключили его одного. Что жъ должно было думать Аскалону обо всемъ приключеніи? Онъ привыкъ самъ

мучить и поступать тираньски со
ми смертными, но теперь находя
въ жестокой неволѣ, не зная ни ви
ни преступленія: однимъ словомъ
понимая совсѣмъ своего рока и не в
никакой къ тому причины. Ночь
проводилъ онъ въ глубокихъ разсу
жденіяхъ; однако не думалъ о томъ,
можетъ быть боги пересталъ шер
его беззаконію, опредѣлили наказ
ибо сего ему никогда въ голову не
ходило. Когда же началъ показыва
въ городѣ день, но жители онаго всѣ
тогда спали, пришедъ множество
новъ взяли Аскалона изъ темниц
повели во дворецъ къ Государю. И к
ввели его въ залу, что увидѣлъ он
ликое собраніе жрецовъ, министро
прочаго господства, которые осма
вали его всѣ весьма жадными глаз
Потомъ когда вышелъ въ сіе соб
Государь, что приказано было спр
вать у Аскалона, какого онъ роду,
его отечество, съ какимъ намѣрен
пріѣхалъ въ ихъ городъ, для чего
шествовалъ на дельфинѣ, и к
имѣлъ къ тому причину? Когда
ступилъ къ нему съ сими вопро

переводчикъ, ибо Лунапики говорили не Славенскимъ языкомъ: тогда Аскалонъ не изготовясь совсѣмъ къ тому и досадуя весьма много на превращеніе своей судьбины, отвѣчалъ ему о себѣ такую нелѣпость, что все собраніе или должны были спрашиться его отвѣтомъ, или смѣяться онымъ, ежели бы они дѣйствительно знали помѣшательство его разума; и какъ услышалъ Государь, что истинны отъ Аскалона узнать ему никоимъ образомъ не можно, то опредѣлилъ такъ, чтобъ бросить его въ темницу и тамъ уморить голодомъ. Сіе объявилъ ему переводчикъ. И такъ приказъ Государевъ немедленно былъ исполненъ. Отвели Аскалона въ то же смертоносное зданіе, заключили въ него на вѣки и завалили двери великимъ камнемъ.

Сколько бы человѣкъ золъ ни былъ и съ какимъ бы хотѣніемъ ни опредѣлялъ себя сносить всякія напасти великодушно, однако природа во многомъ бываетъ не согласна съ нашими намѣреніями, всякая скорбь касается нашего сердца, а сія часть внутренности нашей неудобна многія сносить болѣзни.

бросился въ море, продолжалъ Кидалъ, что не отплывшій еще отъ берега дельфинъ посадилъ меня къ себѣ на спину, и послѣ возвращенія къ острову понесъ меня по пространству неизмѣримыхъ водъ, и находились мы въ семъ пути весьма долгое время; наконецъ пристималъ онъ къ нѣкоторому необитаемому острову, и тутъ спустивъ меня со спины потонулъ въ глубину морскую. Лишившись всей надежды, какъ когда думалъ, пошелъ искать на семъ странномъ и незнакомомъ мнѣ островѣ или спасенія моего, или смерти. По сверьхъ чаянія моего пришедъ на средину онаго, ибо онъ былъ не великъ, увидѣлъ тутъ садъ насажденной человѣческими руками; ограда была его каменная и мѣстами вставлены желѣзныя решетки самой древней и удивительной работы; ворота въ оной были решетчатыя и заперты большою цѣпью и замкомъ совсѣмъ мнѣ непонятнымъ. Когда пришелъ я къ онымъ и сталъ разсматривать внутренность сада, то совсѣмъ мнѣ не въ примѣту превеликой водяной быкъ ударилъ рогами въ двери столь сильно, что чуть они не повалились

и вмѣстѣ со стѣною. Отъ сего удара я нѣсколько оробѣлъ; ибо услышалъ его не вначай; потомъ, собирая поминутно свои силы, началъ разсматривать сіе чудо; огненные его глаза наполнены были иногда кровію и сверкали на подобіе яркихъ звѣздъ; изъ рону его падала на полъ кусками бѣлая пѣна; билъ онъ ногами въ землю и подымалъ великую пыль. И такъ разъярившись еще больше и разбѣжавшись ударилъ рогами въ ворота сильнѣе еще прежняго. Что должно мнѣ было думать о такомъ его свирѣпствѣ. Вознамѣрился было я убить его: ибо я вооруженъ былъ иногда пращею, по тому что на томъ островѣ, на которомъ я обиталъ, безъ оной обойтися было не возможно для множества свирѣпыхъ звѣрей; но опять раздумалъ, опасаяся, чтобъ не причинить тѣмъ обиды обладателю тѣмъ мѣстомъ, и не видавъ еще его сдѣлать по какое озлобленіе: ибо, думалъ я, что можетъ быть сдѣлается онъ моимъ покровителемъ. Однако нѣкоторая непонятная сила принуждала меня вооружитися совсѣмъ безъ нужды противъ сего свирѣпаго чудовища. Дол-

го я превозмогалъ себя и не хотѣлъ сего исполнить; наконецъ пришло на меня нѣкоторое забвеніе и весьма сильной сонъ началъ клонить мою голову. Я легъ на камень, которой близко меня находился, и въ скоромъ времени заснулъ. Какъ только я затворилъ мои глаза, то въ забвеніи моихъ чувствъ мечталося мнѣ сіе происхожденіе: Весьма съ высокой и крутой горы сводили подъ руки совсѣмъ мнѣ незнакомаго человѣка, котораго называли проводники Хотынскимъ обладателемъ Ольгомъ. Сіи проводники были боги, одинъ Перунъ, а другой Свѣтовидъ, во образѣ пастуховъ. Я сидѣлъ тогда на берегу быстрой рѣки, которая, прошекая съ великимъ стремленіемъ, омывала мои ноги. Увидѣвъ сихъ людей идущихъ прямо ко мнѣ, всталъ и ожидалъ ихъ къ себѣ съ нѣкоторымъ подобострастіемъ: ибо и подъ смертнымъ видомъ божество ихъ не скрывалось. Подошедъ весьма близко ко мнѣ, говорили они Олану: Вотъ твой избавитель, указывали они на меня; онъ по опредѣленію нашему прекратитъ въ скоромъ времени твое несчастіе, въ воздаяніе за что выдай за него дочь твою.

Плакету, ибо и сіе смотрѣніемъ нашимъ уже исполнено. Мы дали имъ свиданіе и начали въ сердцахъ ихъ любовь; а ты, Кидалъ, продолжалъ говорить великій Перунъ, сорви сію траву, коя растетъ подъ тѣмъ камнемъ, на которомъ ты сидишь, и приложивъ оную къ замку, оставь на томъ мѣстѣ, и войдя въ середину убѣй сего вола, которой находится въ оградѣ сего сада: тогда узнаешь ты, какъ можешь освободить владѣніе Олаково отъ ига рабства; ибо справедливой нашъ гнѣвъ за несказанное беззаконіе его жены надъ онымъ уже кончился? Прими въ твои руки почти уже безчувственнаго Хонынскаго обладателя и будь избавителемъ его. Добродѣтель твоя, пріятное намъ житіе и чрезвычайная храбрость заслуживаютъ сію славу. И когда я только взялъ подъ руки невидимаго мнѣ и еще до сихъ поръ неизвѣстнаго Олана, то боги оставивъ образа смертныхъ, въ одну минуту скрылись въ облакахъ, и я препроводилъ ихъ съ великимъ страхомъ и трепетомъ. Хонынской обладатель столь былъ слабъ тогда, что не могъ стоять о себѣ, и какъ только облоко-

стѣ двадцать лѣтъ съ слишкомъ, и по протествіи онаго срока часа съ три находился въ великой радости, а теперь я плачу опять: ибо Кидалъ хочетъ бросить данной ему отъ духа камень и разрубить воловью голову своею саблею, отъ чего въ одну минуту послѣдуетъ ему погибель. Хотынь останется опять подъ игомъ рабства, а я долженъ до скончанія вѣка оротать сіе мѣсто моими слезами. Услышавъ еіе пришелъ я въ превеликое удивленіе, и благодарилъ сего Генія отъ искренняго моего сердца, и досадуя самъ на себя укорялъ незнаніемъ, и что я такъ мало имѣлъ разсужденія, что совсѣмъ незнаемыя мнѣ вещи презиралъ не постигая того, что отъ малыхъ великія возрастаютъ; и обнадеживъ Генія, что я конечно впередъ не буду такъ безразсуденъ, и о чемъ не имѣю понятія, того презирать не стану, разстался я съ симъ добродѣтельнымъ духомъ, пекущемся всегда о сохраненіи ввѣреннаго ему смертнаго племени. Пришедъ къ тому страшному волу разрѣзалъ его темя, и увидѣлъ, что вышли изъ мозгу его два сильные богатыря, которые немедленно сра-

ударить, что онъ, не шагнувъ послѣ ни шага съ того мѣста, съ великимъ ревомъ издохъ; и какъ только вышелъ изъ него духъ, то всѣ деревья находящіяся въ семъ саду вдругъ опустили свои вѣтьви и казались совсѣмъ поблеклыми; цвѣты растущіе по дорогамъ облетѣли, и началось подо мною нѣкоторое колебаніе земли, чего я ни мало не опасался и продолжалъ путь мой далѣе, безъ сомнѣнія сохраняемъ будучи богами. Когда же пришелъ я на середину сего сада, то увидѣлъ тутъ весьма толстое дерево, которое всякую минуту шевелило своими листами: оно было не весьма высоко, но весьма кудревато, такъ что подъ вѣтьвями онаго поставить было можно цѣлое зданіе; кора на немъ была краснаго цвѣта и походила больше на кровь давно уже истекшую изъ человѣка; при корнѣ онаго кора сія не много раздвоилась, и на щѣлѣ дерева написаны были сіи стихи:

Богами проклято еще въ началѣ вѣка,
И нѣтъ ни одного на свѣтѣ человѣка,
Которой бы хотѣлъ вкусить мои плоды:
Я въ свѣтъ произвожу болѣзни и бѣды,

Отчаянье, печаль и срамомъ, всѣ напасти;
Всѣ смертные моей трепещутъ нынѣ власти.
Я только для того на свѣтѣ пребываю,
Что счастіе въ себя народно пожираю,
И волей не даю ни малой имъ отрады,
Гублю всегда людей опустошаю грады;
А если ли принуждать къ добру меня кто
стянетъ,
То власть моя тогда на вѣкъ предъ нимъ
увянетъ.

Прочитавъ сію удивительную надпись, не могъ я пробыть безъ негодованія, и сколько подосадовалъ на неистовое сіе дерево, что вынявъ саблю началъ рубить его вѣшнѣи: но весьма вскорое время удержалъ меня нѣкоторой гигантъ за руку, и говорилъ мнѣ: Постой, ты избавитель одного народа, а не всего смертнаго племени; и такъ искоренять сіе древо до основанія тебѣ не должно: возьми, продолжалъ онъ, подавая мнѣ нѣкоторой весьма острой камень; онымъ ты раздроби голову убитаго тобою вола, изъ мозгу его выдутъ два воина, которые въ одну минуту убьютъ другъ друга, и которой упадетъ изъ нихъ навзничь, то съ того сними панцырь, шлемъ и саблю и об-

лекися въ нихъ, тогда способенъ ты будешь освободить Олана отъ крѣпкаго сна, или способенъ будешь приступить къ сему дѣлу. И такъ отдавши мнѣ сей камень, поднялъ онъ отрубленныя мною вѣшалки, и посмотрѣвъ на меня съ великимъ удивленіемъ скрылся изъ моихъ глазъ.

Держа въ рукахъ даръ сего духа, думалъ я бросить его на землю: ибо представлялся онъ мнѣ совсѣмъ непужною вещію для разрубленія половьей головы, и размышлялъ я такъ: Имѣя при себѣ саблю, долженъ помощи искать отъ ножа; но однако пошелъ я съ онымъ къ буйволу, и только переступилъ шаговъ съ десять, какъ увидѣлъ подлѣ нѣкотораго куста крылатаго юношу, которой сидя тутъ весьма горько плакалъ. Я хотѣлъ знать непремѣнно причину его печали, и для того остановившись спрашивалъ его, кто онъ таковъ и о чемъ такъ много скорбитъ, и естьли есть къ тому способъ, что я обязывался быть къ его услугахъ. Я называюсь Некусисъ, отвѣчалъ мнѣ юноша обернувшись ко мнѣ, и есмь Геній несчастнаго города Хотыня; плакалъ я на семъ мѣ-

Отчаянье, печаль и срамомъ, всѣ напасти;
Всѣ смертные моей трепещутъ нынѣ власти.
Я только для того на свѣтѣ пребываю,
Что счастіе въ себя народно пожираю,
И волей не даю ни малой имъ отрады.
Гублю всегда людей опустошаю грады;
А естьли принуждать къ добру меня кто
стянетъ,
То власть моя тогда на вѣкъ предъ нимъ
увянетъ.

Прочитавъ сію удивительную надпись, не могъ я пробыть безъ негодованія, и столько подосадовалъ на неисповѣдимое дерево, что вынявъ саблю началъ рубить его вѣшнѣи: но весьма вскорое время удержалъ меня нѣкоторой гигантъ за руку, и говорилъ мнѣ: Посмой, ты избавишель одного народа, а не всего смертнаго племени; и такъ искоренять сіе древо до основанія тебѣ не должно: возьми, продолжалъ онъ, подавая мнѣ нѣкоторой весьма острой камень; онымъ ты раздроби голову убитаго тобою вола, изъ мозгу его выдупъ два воина, которые въ одну минуту убьютъ другъ друга, и которой упадетъ изъ нихъ навзничь, то съ того сними панцырь, шлемъ и саблю и об-

лекися въ нихъ, тогда способенъ ты будешь освободить Олана отъ крѣпкаго сна, или способенъ будешь приступить къ сему дѣлу. И тотъ отдавши мнѣ сей камень, поднялъ онъ отрубленныя мною вѣщи, и посмотрѣвъ на меня съ великимъ удивленіемъ скрылся изъ моихъ глазъ.

Держа въ рукахъ даръ сего духа, думалъ я бросить его на землю: ибо представлялся онъ мнѣ совсѣмъ непужною вещію для разрубленія половьей головы, и размышлялъ я такъ: Имѣя при себѣ саблю, долженъ помощи искать онъ ножа; но однако пошелъ я съ онымъ къ буйволу, и только переступилъ шаговъ съ десять, какъ увидѣлъ подлѣ нѣкотораго куста крылатаго юношу, которой сидя тутъ весьма горько плакалъ. Я хотѣлъ знать непремѣнно причину его печали, и для того остановившись спрашивалъ его, кто онъ таковъ и о чемъ такъ много скорбитъ, и естьли есть къ тому способъ, то я обязывался быть къ его услугахъ. Я называюсь Некусисъ, отвѣчалъ мнѣ юноша обернувшись ко мнѣ, и есмь Геній несчастнаго города Хотыня; плакалъ я на семъ мѣ-

сшѣ двацать лѣтъ съ слишкомъ, и по прошествіи онаго срока часа, съ три находился въ великой радости, а теперь я плачу опять: ибо Кидалъ хочетъ бросить данной ему отъ духа камень и разрубить головные головѣ своею саблею, отъ чего въ одну минуту послѣдуетъ ему погибель. Хотябъ оставался опять подъ игомъ рабства, а я долженъ до скончанія вѣка орошать сіе мѣсто моими слезами. Услышавъ сіе пришелъ я въ превеликое удивленіе, и благодарилъ сего Генія отъ искренняго моего сердца, и досадуя самъ на себя укорилъ незнаніемъ, и что я такъ мало имѣлъ разсужденія, что совсѣмъ незнаемыя мнѣ вещи презиралъ не постигая того, что отъ малыхъ великія возрастаютъ; и обнадеживъ Генія, что я конечно впередъ не буду такъ безразсуденъ, и о чемъ не имѣю понятія, того презирать не стану, разстался я съ симъ добродѣтельнымъ духомъ, пекущемся всегда о сохраненіи вѣренныхъ ему смертныхъ племени. Пришедъ къ тому страшному волу разрѣзалъ его темя, и увидѣлъ, что вышли изъ мозгу его два сильные богатыря, которые немедленно сра-

зились между собою, и по долгой и страшной битвѣ упали оба мертвые на землю. Осматривая оныхъ увидѣлъ я одного, которой лежалъ навзничь; немедленно подошедъ къ нему снялъ съ него шлемъ и саблю; а какъ только опидѣлялъ я отъ тѣла его панцырь, то въ одну минуту изъ сего храбраго воина сдѣлался почтеннаго вида весьма старой мужъ, которой много походилъ на пустынника, но только платье дѣлало его отмѣннымъ отъ всего смертнаго племени; сверьхъ нижняго долгаго полукафтанья была на немъ широкая и долгая епанча чернаго цвѣта, какъ и исподнее платье, которое опоясано было ремнемъ со изображеніемъ дневныхъ на ономъ знаковъ; чрезъ плечо имѣлъ онъ повѣшенную перевязь со всѣми знаками мѣсяцовъ цѣлаго года; на головѣ его была острая шапка, украшенная пѣпушьими косами; а въ рукахъ имѣлъ онъ жезлъ, около котораго обвилась большая живая змѣя, а на верьху онаго вмѣсто набалдашника укрѣплена была звѣзда; и такъ какъ будто послѣ крѣпкаго сна проснувшися всталъ онъ на ноги, и смотрѣлъ на меня весьма

пристально, не говоря мнѣ ни слова. Увидѣвъ сіе превращеніе столько я изумился, что не зналъ, что мнѣ тогда должно было дѣлать; шлемъ и сабля лежали подлѣ монхъ ногъ, а панцырь держалъ я въ рукахъ и стоялъ весьма долго неподвиженъ, ожидая онъ проснувшагося и весьма удивительнаго мужа увѣдомленія, какъ мнѣ должно съ нимъ обойтися, такъ ли какъ съ духомъ, или такъ какъ съ человѣкомъ. Я вижу, говорилъ онъ мнѣ, что ты весьма много удивляешься чудному моему превращенію и необыкновенному платью, въ которомъ теперь меня видишь. Хотя теперь и не такой случай, продолжалъ онъ, однако я увѣдомлю тебя, кто я таковъ и отъ чьей крови. Ты видишь передъ собою сего славнаго кабалиста, которому не рѣдко повинуются бѣсы. Я родомъ изъ Хотыня, отецъ мой былъ верьховной первосвященникъ и человѣкъ весьма разумной; онъ приложилъ все свое стараніе вкоренить въ меня великое понятіе, и для того послалъ въ Египетъ; тамъ обучался я у жрецовъ, и узналъ науки сей нѣкоторое начало; а какъ увѣдомился, что знаніе сіе въ

великой силѣ въ Индіи, что немедленно туда поѣхалъ, и тамъ у искуснѣйшихъ Брамиповъ узналъ ее совершенно. Пріѣхавъ въ мое отечество не засталъ уже я отца моего живаго, а въ воздаяніе за его обо мнѣ попеченія сдѣлалъ ему гробъ изъ такого камня, которой мнѣ одному только извѣстенъ; положа въ оной тѣло отца моего, приказалъ снесть ему во храмъ на воздухѣ, и чтобы онъ не касался ни стѣнъ, ни пола, ни помостока, которой и по сихъ поръ находится еще таковымъ, и множество народа изъ дальныхъ странъ пріѣзжаютъ смотрѣть сего чуда. Послѣ сего опредѣлилъ я себя вовсе въ сію науку, изыскалъ неизвѣстныя никому книги, и предсказываю по онымъ будущее народное благополучіе и несчастіе; а что слова мои справедливы и наука мнѣ сія довольно извѣстна, то сему въ доказательство служитъ, что сильнѣе меня нѣкоторые духи обратили меня въ вола и приказали осперегать сей очарованной островъ, на которомъ заключили они счастіе нашего народа. Сіе по серединѣ стоящее дерево, продолжалъ указывая на то, которое я рубилъ

заключаетъ въ себѣ наше благополучіе, но теперь оное отъ него возмется; храбростію твоею и знаніемъ моимъ мы сіе безпрепятственно исполнимъ; для чегожъ превращенъ я былъ въ сіе живопное, изъ головы котораго я вышелъ, того прежде смерти Тризлы, нещастной нашей Государыни, ты не увѣдаешь, также и причины нещастія народнаго, и не увидишь нещастнаго нашего обладателя Олана, котораго и смотрѣть тебѣ не должно до того времени, какъ убита будетъ Тризла, и ты придешь пробудить его. Пойдемъ къ сему дереву: и такъ приближившись къ оному приказалъ онъ сломить мнѣ десять вѣтокъ и сплѣсти изъ оныхъ вѣнецъ, которое я все немедленно исполнилъ. Сей вѣнокъ, продолжалъ онъ, надѣнь ты долженъ тогда, когда пріѣдешь въ градъ Хо[illegible]нь съ околдованнаго острова, подлѣ котораго мучится Тризла, и тогда увидишь, какое страшное и чудное дѣйствіе возымѣютъ сіи листы. Потомъ привелъ онъ меня къ мертвому буйволу, и отломивъ одинъ рогъ у онаго далъ мнѣ въ руки, и говорилъ опять: Сей [illegible]ъ брось ты

тогда въ море, когда получишь всѣ наставленія отъ Тризлы, какъ вступить тебѣ на островъ: то сдѣлается тогда изъ него морская раковина, въ которую долженъ ты сѣсть и ѣхать къ берегу весьма осторожно, и долженъ еще стараться, какъ возможно удерживать свое дыханіе: ибо почувствовавъ оное страшная та птица въ минуту проснется, о которой увѣдомитъ тебя обстоятельно наша Государыня, и обо всемъ, что долженъ ты тогда дѣлать. По отломленіи рога поднялося тѣло воловье на воздухъ и сдѣлалось объято все огнемъ; однако стояло все на одномъ мѣстѣ; потомъ какъ стало потухать, то поднималось отъ часу выше и скрылося наконецъ изъ глазъ: тогда кабалистъ предупредилъ мой вопросъ и говорилъ мнѣ, что сіе подобіе взято было изъ небесныхъ знаковъ, и какъ отдавъ все смертное землѣ возвратилося опять въ небо. Ступай продолжалъ онъ, ко исполненію славнаго предпріятія, дельфинъ уже тебя дожидается; онъ привезетъ тебя прямо въ устье рѣки Рвани, которая протекаетъ нашимъ городомъ, а я долженъ

еще здѣсь остаться для исполненія нѣкоторыхъ нужныхъ дѣлъ. И такъ простившись съ нимъ сѣлъ я на дельфина и пріѣхалъ сюда, имѣя при себѣ тѣ вещи, которыя онъ мнѣ далъ.

ГЛАВА XV.

ВЕЧЕРЪ 70.

Продолженіе Кидаловыхъ приключеній.

Какъ только пересталъ Кидалъ сказывать случившееся сіе съ нимъ приключеніе, то верьховной священникъ и другіе жрецы вошли къ нимъ въ комнату весьма съ радостными видами. Пупрозоръ, такъ назывался первой жрецъ, подошелъ къ Кидалу съ великимъ подобострастіемъ, какого онъ никогда еще и никому не оказывалъ, ибо санъ его запрещаетъ унижаться передъ смертными, и говорилъ Кидалу такъ: Великій Омарской владѣтель, соизволеніемъ боговъ выбранъ ты избавителемъ нашего народа и воскресите-

лемъ добродѣтельнаго Олаша, чему получилъ я откровеніе въ прошедшую ночь. Есть нѣкоторое мѣсто окруженное моремъ, на которомъ мучима наша злая Государыня; должно тебѣ туда отправиться непремѣнно, и она увѣдомитъ тебя, что тебѣ надобно дѣлать; въ которой же сторонѣ лежитъ сіе мѣсто или каменная гора, того мнѣ не открыто; но сказано, что по принесеніи твоемъ къ берегу возметъ тебя дельфинъ и принесетъ на рамёнахъ своихъ къ Тризлѣ; сущъ повелѣно мнѣ представить тебя передъ истуканомъ великаго Перуна во время принощенія жертвы: чего для просилъ я нынѣ развратнаго Нахая, чтобы приказалъ онъ отворить намъ храмъ и принести въ онемъ жертву, ибо храмы наши по соизволенію прогнѣванныхъ боговъ всѣ заключены; на что онъ согласился, и приказалъ, чтобъ цѣлой день отверста была Перунова божница. Кидалъ немедленно на сіе согласился, и пошли они всѣ въ храмъ великаго Перуна. Первосвященникъ надѣвши жертвенныя одежды, вышелъ передъ капищу страшнаго сего бога, и началъ производить

жертвенные обряды, по окончанїи которыхъ сталъ Нутрозоръ на колѣни и весь народъ съ нимъ; читалъ онъ въ слухъ молитвы со слезами, и тѣмъ старался подвигнуть на милость великаго Перуна, которой тогда и подлинно почувствовалъ объ нихъ сожалѣнїе, и сказалъ плачущему народу такъ:

Снимаю иго съ васъ,
Благословенъ вамъ часъ.

Народъ услышавъ сїе палъ на землю, и отъ сокрушеннаго сердца благодарилъ милостиваго бога. Пришедъ изъ храма и поблагодаривъ домашнихъ боговъ за великое ихъ снизхожденїе, сѣли потомъ за столъ; и когда подали горячее кушанье, то открывъ Нутрозоръ увидѣлъ въ сосудѣ весьма чудное явленїе: между другими вареными рыбами въ горячей водѣ плавала одна живая, у которой на спинѣ написаны были сїи слова: „Всего полезнѣй человѣку„. Всѣ пришли отъ того въ великое удивленїе, и незнали, какъ растолковать сїе приключенїе. Нутрозоръ Хотѣлъ ее вынуть, но она выпрыгнувъ на столъ упала на тарелку къ нѣкоторому жрецу. Въ одну

минуту слова на ней пропали и сдѣлалась она подобною другимъ рыбамъ. Всѣ опредѣлили, чтобъ употребилъ ее въ пищу тотъ жрецъ, къ которому попала она въ сосудъ; и какъ только раздробилъ онъ на части, то внутри увидѣлъ сіе слово: „Молчаливость„, и когда показалъ всѣмъ, то не меньше удивились они, какъ и прежнему: но жрецъ всталъ изъ за стола, и ставши на колѣни передъ Нутрозомъ, каялся передъ нимъ въ своемъ прегрѣшеніи: ибо намѣренъ онъ былъ объявить о Кидалѣ Нахаю, и совѣтовать ему, чтобы тотъ истребилъ его, и тѣмъ бы пресѣкъ намѣреніе ко избавленію Оланову и всѣхъ его подданныхъ. Нутрозоръ выслушавъ сіе ужаснулся и благодарилъ милосердыхъ боговъ, что они начали уже миловать Хошынское поколѣніе. Онъ не намѣренъ былъ проспить жреца, и хотѣлъ послать его въ заточеніе; но Кидалъ и Алимъ употребя неотступную свою прозьбу, избавили виннаго отъ наказанія, представляя Нутрозору, что когда умилосердились надъ ними боги, тогда уже никакіе происки смертныхъ вредить имъ не могутъ.

По окончанїи стола начали совѣтовать всѣ о похвальномъ намѣренїи Кидаловомъ, и всякой старался наполнить его мужествомъ. Нутрозоръ увѣрялъ его помянушно о покровительствѣ всесильныхъ боговъ, и говорилъ, что конечно предпрїятїе его безъ награжденїя не останется; хотя мы и не знаемъ, гдѣ находится теперь Плакета, но когда обѣщали тебѣ ее боги, то конечно не можетъ быть сїе лживо, и я не думаю, чтобы ты будучи столько просвѣщенъ и добродѣтеленъ, отважился сомнѣваться въ словахъ великаго Перуна, которыя всегда бываютъ неподвижнѣе горъ каменныхъ, и когда одинъ разъ сказаны, то не должно уже ожидать повторенїя. Кидалъ не только хотѣлъ когда нибудь оставить свое предпрїятїе, но по всякой часъ наполнялся большимъ къ тому желанїемъ, и думалъ всякую минуту отправиться на каменную гору къ Тризлѣ: и для того говорилъ Нутрозору, что онъ идетъ й часъ ко исполненїю божескаго опредѣленїя и своего намѣренїя; на что говорилъ ему первосвященникъ такъ: Похвально твое усердїе и добродѣтель

ко избавленію народному; но время еще не приспѣло, въ которое долженъ ты показать храбрость свою и неслыханную еще доселѣ отважность; въ откровеніи мнѣ сказано было богами и сіе: Въ нѣкоторую ночь затмится луна, и и сдѣлается на нашемъ горизонтѣ такая тьма, о которой еще отъ начала свѣта не слышно было; тогда придетъ великой страхъ на всѣхъ Лунашиковъ, и они оставивъ всѣ свои стражи, скроются въ домахъ: то да должно мнѣ принести домашнюю жертву и съ домашними богами проводить тебя на берегъ, и тамъ всю сію ночь умолять Боговъ о благополучномъ успѣхѣ твоего оружія. И такъ долженъ ты ожидать сего времени, и не прежде производить предпріятіе твое въ дѣйство; а въ ожиданіи сего времени можешь ты увѣдомиться объ обстоятельствахъ нашего владѣнія, разсмотрѣть мѣстъ положеніе: ибо сіе тебѣ непремѣнно надобно знать, для того что совокупившись съ Илакешою будешь ты города сего защитникъ; а чтобъ веселѣе осматривать тебѣ оныя, то бери съ собою друга твоего чужестранца, о ко-

тиромъ мы еще никакого
имѣемъ и не знаемъ его и
онъ насъ ушлевчетъ, и ка
чина, мы и шого не вѣ
вѣстно только, что о
себѣ безпримѣрную добро

Такимъ образомъ оси
до опредѣленнаго времени
яшіе, и вознамѣрился по с
зорову осмотрѣть городъ
кои достойны были прим
и берегъ. Въ нѣкоторой де
онъ съ собою Алима и
рощу, которая стояла на
рѣки Рвани; пришедъ
берегу морскомъ. Алимъ у
ма прискорбно, началъ гов
Я не сомнѣваюсь, чтобы
спилъ мою неучтивости
дясь съ тобою довольное
увѣдомилъ тебя, кто я
имѣю я причину ушаивая
ніе и имя онъ сего народа

продолжалъ онъ такъ, вы дѣлаете меня больше счастливымъ, я буду имѣть въ Алимѣ друга и сродника и обязуете меня, чтобъ я служилъ Хотыни еще съ большимъ усердіемъ. По сихъ словахъ облобызали они другъ друга, и Алимъ продолжалъ говорить ему такъ: Ты выбранъ богами избавителемъ несчастному отцу моему и всѣмъ его подданнымъ; опредѣленіе боговъ, чтобъ отецъ мой царствовалъ на своемъ престолѣ, а мать бы моя избавясь отъ муки, скончалась, какимъ образомъ, того тебѣ, какъ сказывалъ ты, не извѣстно; и такъ прошу тебя для дружбы твоей ко мнѣ, какъ можно уменьшай прошивъ ее твою свирѣпость, ежели соизволеніемъ боговъ будетъ ты оную чувствовать къ моей матери, и ежели должна она умерщвлена быть твоими руками; и естьли возможно будетъ минуешь тебѣ сіе опредѣленіе, оставь ее жить на свѣтѣ, но только избавленную отъ сего мученія, которое она теперь претерпѣваетъ. Возлюбленный мой другъ, отвѣчалъ ему Кидалъ, не воображай себѣ, чтобы я подумалъ когда нибудь о такомъ свирѣпствѣ, и ежели боги

предѣлящь меня отнять у нее жизнь, что я лучше сдѣлаюсь воли ихъ преслушенъ, и претерплю какое нибудь за сіе наказаніе, нежели учиню такое варварство; будь увѣренъ, что употреблю къ тому всѣ мои силы, чтобы радость отца твоего и твоя была совершенна; боги опредѣляютъ меня избавителемъ, а не варваромъ, и думаю, что милосердіе ихъ избавитъ меня отъ прошиваго добродѣтели моей поступка. Потомъ просилъ его Алимъ, чтобы онъ не объявилъ о немъ жрецамъ, и также никому, увѣряя, что время само покажетъ его народу, и сердечное чувствованіе Олаково представитъ ему потерянаго сына, которой и самъ весьма долгое время не зналъ своего отца, и не имѣлъ объ ономъ никакого извѣстія.

Въ сихъ разговорахъ увидѣли они два корабля плывущіе изъ моря къ ихъ городу; по снаряду отъихъ не могли они узнать, какого владѣнія были сіи суда: оныя впущены были прямо въ гавань. Кидалъ и Алимъ поспѣшили въ оную, чтобы увидѣть, кто пріѣхалъ въ ихъ городъ; и какъ только пришли они къ

кораблямъ, що вышелъ изъ оныхъ, какъ казался по виду, Государь, окруженный множествомъ господъ; платье на нихъ было весьма чудное и не походило ни какое, которое носятъ разные народы обыкновенно, и у всѣхъ закрыты были лица чернымъ флеромъ, и такъ пошли они во дворецъ, чему Алимъ и Кидалъ весьма много дивились; но удивились они тогда больше, когда увидѣли на носу одного корабля поставленную человѣческую голову, и прочитали написанныя надъ оною сіи слова: „Голова Ранлія Омарскаго Вель„можи„. Владѣтель того города прочитавъ оное запрещалъ, и не зналъ, что должно было ему думать о такомъ приключеніи; не меньше его удивился и Алимъ: ибо онъ слышалъ отъ Кидала, что сей добродѣтельной мужъ былъ его опекуномъ и убитъ неистовымъ тираномъ Азаповымъ сыномъ. Такимъ образомъ, чтобъ не было примѣчено сіе ихъ смущеніе, пошли они немедленно домой, и вознамѣрились наутріе развѣдать ету тайну: ибо разрывала очень Кидалово сердце, и приводила въ великое безпокойство и Алима.

Судьба Оланова назначила въ сей день начало своего милосердія. По закатѣ солнечномъ взошла на Хошынское небо луна; окружена она была лучами и казалась свѣтлою больше обыкновеннаго; но въ третьемъ часу ночи начала меркнуть, и въ скоромъ времени покрылась вся темнотою; потомъ охладѣлъ весь воздухъ и такая разлилася мгла по землѣ, что люди не могли ничего видѣть. Лунашики почли сіе божескимъ гнѣвомъ, и думали, что прогнѣвался на нихъ мѣсяцъ; наполнилися всѣ великимъ страхомъ и заперлись въ домахъ своихъ отовсюду, всякой рыдалъ въ нихъ неутѣшно, ожидалъ послѣдняго конца непременно, и не дерзалъ уже умилостивлять прогнѣванную луну.

Нутрозоръ видя, что время приспѣло ко избавленію народному, позвалъ къ себѣ Кидала, и орошая его своими слезами, говорилъ: Возлюбленное чадо, прошу о тебѣ милосердыхъ боговъ, чтобъ оные укрѣпили тебя къ сему претрудному подвигу, и чтобы всесильная ихъ рука пребывала всегда надъ тобою. Алимъ и всѣ жрецы тогда плакали, подобно какъ будтобы отпускали на

смерть Кидала; но сїе предпріятїе страшнѣе было и оной. Потомъ великій священноначальникъ возжегши домашнюю жертву, сталъ на колѣни, и облившись горькими слезами просилъ съ великимъ сокрушеніемъ боговъ покрыть щедротою своею еще въ цвѣтущихъ лѣтахъ храбраго Кидала; потомъ возложилъ на него освященную гривну, о которой получилъ приказанїе отъ боговъ, и коя снята была съ Олана для сего предпріятія. По утушеніи сей жертвы простился онъ съ Омарскимъ обладателемъ и приказалъ учинить то же всѣмъ. Всѣ оплакивали тогда Кидала, но онъ наполнился мужествомъ, и ни о чемъ больше не думалъ, какъ о храбрости, весьма потребной въ семъ случаѣ. И такъ взявши пламенники и нѣсколько кумировъ пошли они на берегъ спокойнаго тогда моря. Жрецъ и всѣ бывшїе тутъ люди учинили вторичное моленїе, и готовы уже были расстаться съ Кидаломъ. Вдругъ изъ глубины морской вынырнулъ великой дельфинъ, и посадя Кидала къ себѣ на спину пустился въ пространное море. Въ одну минуту луна освѣтилась солнцемъ и

сдѣлалась ночь весьма свѣтлою. Люди увидѣвъ толикое чудо возблагодарили боговъ отъ радостныхъ сердецъ, и остались вмѣстѣ съ великимъ первосвященникомъ умилостивлять боговъ и просить счастливаго успѣха Кидалу во всемъ томъ, что будетъ онъ предпринимать ко избавленію ихъ.

Симъ мѣстомѣщеніемъ кончился седмидесятый вечеръ. Теперь должно приняться за другое и услужить другимъ, по пословицѣ: „Ласковой телёнокъ двѣ матки сосетъ„.

ГЛАВА XVI.

ВЕЧЕРЪ 71.

Продолженіе сказки о рожденіи тафтяной мушки.

Владимира прочитавъ письмо и сыскавъ по оному своего любовника, обрадовалась больше, нежели тотъ астрономъ, которой нашелъ на небѣ новую планету; восхищеніе ея ни коимъ образомъ описать здѣсь не возможно, по тому что происходило оное весьма

безпорядочно, и казалось, что онъ въ то время нѣсколько одурѣлъ: ибо вмѣсто любовника цѣловалъ присланную отъ него бумагу. Сіи поцѣлуи, какъ думается мнѣ, пропали попапрасну; иной бы охотникъ до оныхъ согласился взять ихъ хошь и вексель, ежели бы въ томъ ему повѣрили; да и правду сказать, бумага не знаетъ ни любви, ни волокитны, слѣдовательно въ поцѣлуяхъ никакой нужды не имѣетъ. Счастливъ тотъ человѣкъ, у коего есть любовь въ сердцѣ, а деньги въ карманѣ: ибо безъ оныхъ и человѣкъ не человѣкъ, и въ такомъ-то безлюдіи страсть сія находится не долго; когда карманъ опустѣетъ, то и любовь въ женщинѣ въ одну минуту къ тому щеголю потухнетъ, и для возвращенія оной не старается любовникъ привлекать къ себѣ сердце любовницы; но прилагаетъ неусыпное попеченіе сыскать денегъ, какъ такое средство, на которое не только тогары, но сердца и склонности дѣвицъ покупать можно, а особливо въ томъ мѣстѣ, гдѣ у мущинъ изъ дурной посуды кушаютъ гости хорошее яство, а у женщинъ изъ прекрас-

ныхъ судовъ хлѣбаютъ негодныя кушанья. Сочинитель не проситъ господъ читателей, чтобы они тратили время на отгаданіе сей загадки: ибо она сама по себѣ ничего не стоитъ, и должно менѣе имѣть почтенія, нежели сія пословица: „ Всякой Еремей про „ себя разумѣй „.

Еще и до сихъ поръ объ етомъ я не извѣстился, что госпожа Владимира больше ли имѣла денегъ, или любови къ Неоху; да полно что мнѣ и нужды мѣшаться въ чужое дѣло, „ ихъ домъ, „ ихъ и воля, а мое дѣло постороннее: однако сердце мнѣ предвѣщаетъ, что читатели потребуютъ въ семъ случаѣ отъ меня отчету, какъ отъ такого человѣка, которой и подлинно вплѣлся не въ свое дѣло. Быть такъ, пущусь въ сіе изслѣдованіе, зная притомъ прежде, что легче перечесть песокъ на днѣ морскомъ, измѣрить глубину Окіяна, удержать птицу на воздухѣ, унять купца, чтобъ онъ не божился въ то время, когда продаетъ свои товары, удержать подьячего отъ взятковъ, нежели узнать склонность и намѣреніе той дѣвушки, которая начинаетъ влюбляться. Золото

пробуютъ на оселку, а любовницу на деньгахъ; камень показываетъ доброту металла, а деньги склонность красавицы; слѣдовательно оные больше моего имѣютъ силы въ любовныхъ дѣлахъ. Однако дѣло теперь не до нихъ, а до любви Владимировой къ Неоху: я уже сказалъ, что получивъ письмо весьма много она обрадовалась, по чему и недогадливой разумѣть можетъ, что она изрядно любила Неоха. Орфей любя весьма много Евридику, гонялся за нею и во адъ, однако древніе народы простили ему сіе дурачество, да онъ же и мущина; а что Владимира погналась за любовникомъ своимъ въ Винету, то мы должны сіе простить ей непремѣнно, и для того, что она женщина, хвалить безпрестанно такое ея намѣреніе: ибо въ угодность нашимъ любовницамъ все, что онѣ ни пожелаютъ, должны мы дѣлать непремѣнно, и жить не для себя, но только угождая имъ онымъ, сохранять нашу жизнь и не поддаваться смерти для того, какъ онѣ говорятъ, что имъ весьма будетъ безъ насъ скучно.

Ежели бы были въ сіе время строгіе Стоики, то конечно обвинили бы

меня симъ моимъ мнѣнїемъ; но я философа столько не опасаюсь, сколько прекрасной женщины: ибо лишившись сообщенїя съ учеными людьми, могу я препроводить время гораздо веселѣе съ красавицами, которыя отъ природы не засѣнчивы и имѣютъ даръ предузнавать наши желанїя. Ихъ философїя удобнѣе проевѣтитъ мой разумъ и научитъ отдѣлять худое отъ хорошаго, и можно сказать прямо, что нынѣ многїе именуютъ собранїе ихъ свѣтскою школою. Тутъ разумные люди дѣлаются ни о чемъ незнающими, слушаютъ нравоученїя сихъ новомодныхъ щеголихъ съ превеликою охотою, и ради вѣугодность имъ опрокинуть вверьхъ дномъ всю справедливую систему свѣта. Профессоръ краснорѣчїя бываетъ тутъ тупѣе деревенскаго дьячка, искусной Астрономъ глупѣе пьянаго приказнаго служителя, Докторъ медицины незнающѣе повивальной бабки, Придворной человѣкъ невѣдущѣе степнаго крестьянина, и словомъ, всякой отъ своей Должности отперешится принужденъ бываетъ, ежели хочетъ слыть прямо свѣтскимъ человѣкомъ и знающимъ прїемы, какъ обхо-

дится съ тѣми женщинами, которыя живутъ по модѣ; а сшаго уже и довольно для совершенія человѣческаго благополучія.

Дѣло хотя не по порядку, однако дошло до того, чтобъ собирашься Владимиръ въ путь, къ чему не сочинишель ее принуждаешъ, а вознамѣрилась она сама ѣхашь въ Винешу къ своему любовнику. Въ семъ случаѣ не должень я умолчашь объ управишелѣ сей молодой госножи, которой не шолько въ сей книгѣ, но и въ древней исторіи могъ бы имѣшь изрядное мѣсшо; и есшьли не прежде, шо по крайней мѣрѣ первымъ по Езопѣ мудрецомъ почесшься долженъ, и сшоялъ уже онъ на линіи сего принадлежащаго ему чина. Онъ назывался Куромша, имѣлъ онъ роду невсшупно восемдесящъ четыре года: однако ходилъ безъ косшыля; можешъ бышь боги для збереженія денегъ прибавляли ему бодросши. Поскупился онъ занящь росшу у природы и походилъ больше на карлу, нежели на цѣлаго человѣка, и казался для шого весьма сокращеннымъ живошнымъ. Въ семъ случаѣ намѣренія природы узнашь было не возможно, хо-

ла ли она сдѣлать его посмѣшищемъ
лаго свѣта, и пустила по земному
ру для смѣху людскаго; или, чтобъ
ядя на него каялись тѣ люди, кото-
ле отнимаютъ сами у себя здоровье
данной отъ природы совершенной об-
азъ. Грудь его брала преимущество
передъ бородою и хотѣла имѣть боль-
ше вольности, и для того выдалась
весьма не скудно впередъ, такъ что
представлялся онъ малорослымъ сочи-
нителемъ, несущимъ запазухою въ пере-
лѣтѣ большую книгу, чтобъ на улицѣ
люди, почитая его разумнымъ, не шол-
кали съ дороги. Что же природа отня-
ла изъ его росту, то положила въ носъ;
оной былъ гораздо побольше обыкно-
веннаго, и казался штукатурной рабо-
ты или высѣченнымъ изъ краснаго мра-
мора; но отъ строгости суровой пого-
ды, или отъ неумѣреннаго солнечнаго
сіянія во многихъ мѣстахъ расчелялся;
по серединѣ его былъ горбъ, которой
поискривился въ колько на правую сто-
рону, и чуть не покрывалъ собою глазъ;
на концѣ онаго висѣла малиноваго цвѣта
не гораздо малая шишка, которая без-
образила его тѣмъ больше, что каза-

лася квадратною. Верьхняя его губа отъ рожденія своего не видала свѣту, и находилась всегда въ тѣни носовой, а исподняя такъ была мала, что казался онъ издали совсѣмъ безъ губъ; глаза, какъ видно, опасались всегда дождя, что запрятались подъ лобъ весьма далеко; густыя брови, покрытыя вегдашнимъ инѣемъ, закрывали оныя собою, и безъ помочей гладѣнь ему ни коимъ образомъ было невозможно. Голова об. ширностію своею не много уступала плечамъ; а ежьли прибавить къ ней уши, то она сравняется съ онымъ; прикрывалася она разнаго цвѣта волосами, которые во многихъ мѣстахъ пообсѣлись, такъ, что сквозь оныхъ сіяла голова на подобіе чистаго мѣднаго сосуда. Могъ бы онъ окушать ее парикомъ; но въ то время сія головная покрышка скрывалась еще отъ нашего понятія. Сей разноцвѣтной гражданинъ таскалъ съ собою ноги, которыя столь хорошо покрывалися, что самой искусной живописецъ не можетъ точно положить ихъ на картину, и можно ли такъ хорошее существо покрывать на двѣ разныя стороны, то ежьли другъ отъ дру-

га и въ передъ; и сіи-то попорченные пѣ-
десшалы носили на себѣ всего господина
Куромшу и въ добавокъ еще чинъ упра-
вишеля дому Владимирина. Сіи на-
ружныя его свойсшва сколько онѣ ни
прелесшны, но усшупали всю красошу
его разуму, кошорой былъ весьма изъ
рѣдкихъ въ шѣ древнія времена. Онъ
увѣрялъ безпресшанно просшыхъ людей,
чшо есшь на свѣшѣ дьяволъ, и чшо
всякую ночь давилъ его домовой, пред-
вѣщая ему всегдашнее благополучіе. Сей
домовой, какъ онъ сказывалъ, былъ
средняго росшу, и не для шого произ-
веденъ на свѣшъ, чшобъ усшрашалъ
людей; но единсшвенно для шой при-
чины, чшобъ предвѣщашь имъ счасшіе,
и говорилъ, чшо не сшыдно бы всякаго
рода людямъ имѣшь съ нимъ сообщеніе
не шолько подлымъ; ибо домовой шолъ
и самъ былъ не послѣдняго происхож-
денія.

ГЛАВА XVII.

ВЕЧЕРЪ 72.

Продолженїе сказки о рожденїи тафтяной мушки.

Куромша отправлялъ свою должность такъ, какъ и другїе управители, которые сверхъ жалованья отъ господина имѣютъ другїе доходы, кои не рѣдко сравниваются съ росходами господскими, отъ чего иногда бываютъ они богатѣе своихъ помѣщиковъ; тогда-то наполняются гордостїю и принимаютъ весьма спѣсиво отъ людей, которые ихъ получше. Сей гордости избѣжалъ господинъ Куромша: ибо былъ онъ отъ природы ласковъ и имѣлъ не пречванливыя разсужденїя. Прошу господъ читателей, чтобы они не смѣялися, ежели я назову Куромшу любовникомъ; хотя правду сказать, что любовь сдѣлана не для такихъ красавцевъ; но къ страсти сїю позволено вступиться всякому, ибо она достается не по наслѣдству. Онъ подарилъ сердце свое одной горничной дѣвушкѣ, которая называлась Вестипеною, и которая способнѣе могла именоваться его внукою, нежели любовни-

цею, для того что онъ роду имѣла онъ пятнацать только лѣтъ. Но не смотря на сіе неравенство лѣтъ, утопалъ онъ въ любовной страсти; догадываются нѣкоторые, что онъ не слыхалъ сего нравоученія. Женской любви не должно вѣрить никогда: ибо за бездѣлицу она мѣняется, также и красотѣ, что онъ малаго несчастія и отъ болѣзни она повреждается.

Куромша услышавъ отъ Владимиры, что надобно приготовляться въ путь, весьма много оробѣлъ отъ сего приказа; дорога казалася ему свирѣпымъ медьвѣдемъ или голоднымъ волкомъ; ибо онъ не бывалъ болѣе нигдѣ, какъ только доходилъ до рынку въ Новѣгородѣ, и притомъ привыкъ жить весьма покойно; главное его безпокойство было, какъ садиться въ креслы и судить мужиковъ: чего ради предлагалъ онъ госпожѣ своей, чтобы изволила она ѣхать на собакахъ или на волахъ, для того, что еще де будетъ спокойнѣе; но Владимира хотѣла лучше отъ безпокойства умереть, нежели долго ѣхать; ей хотѣлося весьма скоро увидѣться со своимъ любовникомъ; а страсть любовная больше

стоишь, нежели жизнь человѣческая; но только ето было въ старину, а нынѣ уже совсѣмъ другимъ образомъ влюбленъ кто, или нѣтъ. Въ старину любовь господствовала у насъ нашимъ понятіемъ, а нынѣ мы уже надъ оною верхъ получили. Многіе говорятъ, что причиною тому бѣлилы и румяны, которыми нынѣ напираются красавицы, и будто сквозь оныхъ прелести ихъ не такъ сильно пожираютъ сердца наши; да и подлинно, ежели разсмотрѣть хорошенько, то нная столь много кладетъ ихъ на лицо, что ежели оныя собрать и отдать живописцу, то можетъ онъ намалевать изъ нихъ Гедона и Берфу со всѣми украшеніями. Такимъ образомъ предложеніе управителево было не принято, и положено, чтобъ ѣхать на лошадяхъ и весьма скоро. Въ такомъ случаѣ любовники охотно платятъ деньги и даютъ хотя тройную цѣну за провозъ. Все было въ скоромъ времени изготовлено къ отъѣзду, и оставалось только сѣсть Владимиру и ѣхать; но сказывальщикъ намѣренъ ее удержать нѣсколько для нѣкоторыхъ обстоятельствъ, которыя не весьма будутъ при-

ятны ея управителю. Ничто такъ не обманчиво, какъ надежда. Куромина также изготовился къ отъѣзду и хотѣлъ уже со всѣми прощаться, но Владимира приказала остаться ему дома. Сіе бы казалось безпорядочно, что сказывать уже шогда, когда надобно садиться въ коляску: но въ такихъ домахъ, въ которыхъ влюбленъ господинъ или госпожа, сказываютъ, никогда порядку не бываетъ; слѣдовательно ешо не новое, а что въ обычаѣ сосшарѣлось, шому дивишься не должно. Ешотъ приказъ такъ его поразилъ, что онъ согласился бы лучше перемѣнить свою систему и признашься, что нѣтъ въ свѣшѣ дьявола, нежели чтобъ разсташься съ Вестинешою, которая въ семъ случаѣ побереглa своего здоровья и не хошѣла шужить ни мало о любовникѣ; по чему догадывашься надобно, что она его не любила.

Я чаю, никто бы не согласился любить шое, которая не соошвѣтствуетъ, и должно признашься, что сія участь падаетъ только на стариковъ и на безобразныхъ; но нѣкоторые ушверждаютъ, что случается, что и съ красавцами, только съ тѣми, у которыхъ часто слу-

чаются пустые карманы. Куромша стоя подлѣ коляски своей любовницы прослезился, и сдѣлавшись на старости шалуномъ, началъ плакать неутѣшно; а какъ поѣхали онѣ со двора то заревѣлъ онъ самымъ дикимъ голосомъ, и сія его плачевная арія ни на что, сказываютъ, хорошее не походила: однако мы простить ему должны, ибо любовь и не такое дурачество сдѣлать въ состояніи. Оставшіеся тутъ люди не знали, что дѣлать со своимъ Езопомъ, и для того всѣ разбѣжались и оставили его горести и слезамъ на жертву, въ которыя онъ охотно вдавался, и возвратился вскорѣ потомъ въ свое жилище. Пришедши туда ни о чемъ больше не помышлялъ, какъ о своей любовницѣ и о стихотворствѣ, въ которомъ упражнялся и день и ночь, и передѣлывалъ похожденіе Бовы Королевича въ героическую поему ровно пятьдесятъ лѣтъ: онъ предпріялъ оплакивать красавицу свою стихами; и для того выбралъ самой печальной родъ стихотворства, то есть элегію; и когда сочинилъ оную, то была она слѣдующаго содержанія:

Увы! тоскую я увы! тоскую нынѣ,
Увы! жестокой я подверженъ сталъ судьбинѣ.
Увы! но что еще въ напасти говорить?
Увы! судьба меня стремится уморить.
Прекрасные увы, колико вы мнѣ милы,
Когда послѣдней я, увы, лишаюсь силы.
Но ахъ! не можно мнѣ дыханья испустить,
Доколѣ буду ахъ прекрасну ахъ любить,
И ахъ! какъ вѣтвь сію она вниматъ ахъ станетъ,
Ахъ съ грусти ахъ она, какъ роза ахъ увянетъ.
Томлюся я теперь, томлюся и стеню;
Томлюся, говорю, а самъ себѣ маню,
Надеждою еще обманчивой ласкаюсь,
И сладкимъ ядомъ я еще еще питаюсь;
Еще я думаю, еще пріятной часъ,
Еще соединитъ еще стократно насъ;
Но нѣтъ уже, какъ зрю, надежды ужъ ни мало
И все уже отъ насъ веселье ужъ пропало.
Чтожъ дѣлать мнѣ теперь? терзаться и стенать,
Грустить, печалиться, и млѣть, и тлѣть, воздыхать,
Леденѣть, каменѣть, скорбѣть и унывати.
И рваться, мучиться, жалѣть и тосковати,
Рыдать и слезы лить, плачевной гласъ пускать,
И воздухъ жалостью моею наполнять.
Дремучія лѣса, кустарники и рощи,
Свѣтящую луну во время темной нощи,
А солнце красное сіяющее въ день,

Чтобы хранили всѣ возлюбленную тѣнь.
Земля, питай ее ты лучшими плодами,
Ты жажду утоляй ты чистыми струями.
Зефиры вы узрѣвъ любезной вы красы,
Тихонько дуйте вы въ прелестны вы власы,
Когда потребно ей, вы члены, ходите,
Но буйностію вы кудрей вы не вредите.
Прости прекрасная, живи ты въ той странѣ,
Прости и воздыхай о плачущемъ о мнѣ,
Жалѣй меня, жалѣй, жалѣй, какъ я жалѣю,
И въ сердцѣ я тебя одну мой свѣтъ имѣю,
Прости, прости прости, еще скажу прости,
И вмѣстѣ ты ко мнѣ съ любовію рости.

Сіе сочиненіе, или какъ именовалъ его авторъ елегіею, кажется мнѣ, писана при восхожденіи какой нибудь злой планеты, или можетъ быть въ тѣ дни, въ которые бѣсятся собаки, и мнится мнѣ, что такъ не лѣпо врать не всякому удастся; а естьли кто захочетъ, то долженъ поучиться не меньше, какъ при лѣпца: ибо въ толикое долгое время обращаясь въ безумствѣ можно одурѣть совершенно. Такихъ сочинителей имѣемъ мы у себя довольно, которые принимаются опѣвать Венеръ своихъ стихами, и не зная толку ни въ какомъ сочиненіи, пудрятъ любовницъ

своихъ чернилами безъ всякаго разсудка; а изъ нихъ не понимая ни ихъ, ни своего дурачества, восхищаются строками и хвалятъ съ лишкомъ сочинителя за рифмы.

Внесено же сіе сочиненіе сюда для того, чтобъ стыдились изъ безчувственные стихотворцы, которые читая свои сочиненія, ничего объ нихъ худаго не думаютъ, и утверждаютъ, что негодные ихъ стихи суть цвѣты стихотворства. По окончаніи сей елегіи повредился разумъ у нашего управителя: ибо большую онаго часть положилъ онъ въ сіе сочиненіе. Помнутно начали представляться ему дьяволы, и вся компанія домовыхъ обитала въ его комнатѣ: онъ часто съ ними разговаривалъ, чѣмъ приводилъ въ великой страхъ тѣхъ людей, которые оберегали его здоровье. По маломъ времени начала приготовляться смерть похитить съ сего свѣта весьма надобнаго гражданина, которой заранѣе могъ предусмотрѣть свою кончину; для чего приказалъ позвать жреца и написалъ духовную, изъ которой выключилъ свою любовницу за то, что она проспилась съ нимъ безъ должнаго

сожалѣнїя; а сїе онъ примѣтить могъ, хотя и не весьма былъ зорокъ. Совершивъ сїю духовную, былъ уже онъ почти безъ силъ, и едва могъ принесши послѣднее покаянїе; по томъ пришло на него нѣкоторое забвенїе и казался онъ совсѣмъ окаменѣлымъ. Домашние спрашивали у жреца, естьли какая нибудь надежда, что Куромша можетъ продолжать свою жизнь; а какъ жрецъ сказалъ имъ, что нѣтъ никакой, тогда началось расхищенїе его имѣнїя; духовная особа взялъ золотые часы, и сказалъ, что еще беретъ онъ для поминовенїя души управительской. Потомъ приступили всѣ, и начали окружать и съ права и съ лѣва полные сундуки управительскїе, и понесли ихъ во свояси; всякой усердно старался очищать его комнату, и сказываютъ, что досталось тогда и обоямъ. По утишенїи толикаго смятенїя во оградѣ у Куромши, и когда уже всѣ разошлись, ибо забирать уже имъ нѣчего, управитель проснулся и говорилъ своему слугѣ, которой всегда при немъ находился, чтобы онъ посмотрѣлъ, которой часъ. Гдѣ прикажешь о томъ освѣдомиться, спра-

ныхъ судовъ хлѣбаютъ негодныя кушанья. Сочинитель не проситъ господъ читателей, чтобы они трашили время на отгадание сей загадки: ибо она сама по себѣ ничего не стоитъ, и должно мнѣ не имѣть почтенія, нежели ся пословица: „ Всякой Еремей про „ себя разумѣй „.

Еще и до сихъ поръ объ этомъ я не извѣстился, что госпожа Владимира больше ли имѣла денегъ, или любови къ Неоху; да полно что мнѣ и нужды мѣшаться въ чужое дѣло, „ ихъ домъ, „ ихъ и воля, а мое дѣло постороннее: однако сердце мнѣ предвѣщаетъ, что читатели потребуютъ въ семъ случаѣ отъ меня отчету, какъ отъ такого человѣка, которой и подлинно впалѣся не въ свое дѣло. Быть такъ, пущусь въ сіе изслѣдованіе, зная притомъ прежде, что легче перечесть песокъ на днѣ морскомъ, измѣрить глубину Окіяна, удержать птицу на воздухѣ, унять купца, чтобъ онъ не божился въ то время, когда продаетъ свои товары, удержать подьячего отъ взятковъ, нежели узнать склонность и намѣреніе той дѣвушки, которая начинаетъ влюбляться. Золото

пробуютъ на оселку, а любовницу на деньгахъ; камень показываетъ доброту металла, а деньги склонность красавицы; слѣдовательно оные больше моего имѣютъ силы въ любовныхъ дѣлахъ. Однако дѣло теперь не до нихъ, а до любви Владимирины къ Неоху: я уже сказалъ, что получивъ письмо весьма много она обрадовалась, по чему и недогадливой разумѣть можетъ, что она изрядно любила Неоха. Орфей любя весьма много Евридику, гонялся за нею и во адъ, однако древніе народы простили ему сіе дурачество, да онъ же и мущина; а что Владимира погналась за любовникомъ своимъ въ Винету, то мы должны сіе простить ей непремѣнно, и для того, что она женщина, хвалить безпрестанно такое ея намѣреніе: ибо въ угодность нашимъ любовницамъ все, что онѣ ни пожелаютъ, должны мы дѣлать непремѣнно, и жить не для себя, но только угождая имъ онымъ, сохранять нашу жизнь и не поддаваться смерти для того, какъ онѣ говорятъ, что имъ весьма будетъ безъ насъ скучно.

Ежели бы были въ сіе время строгіе Стоики, то конечно обвинили бы

меня симъ моимъ мнѣніемъ ; но я философа столько не опасаюсь, сколько прекрасной женщины : ибо лишившись сообщенія съ учеными людьми, могу я препроводить время гораздо веселѣе съ красавицами, которыя отъ природы не засвѣчены и имѣютъ даръ предузнавать наши желанія. Ихъ философія удобнѣе просвѣтитъ мой разумъ и научитъ отдѣлять худое отъ хорошаго, и можно сказать прямо, что нынѣ многіе именуютъ собраніе ихъ свѣтскою школою. Тутъ разумные люди дѣлаются ни о чемъ незнающими, слушаютъ нравоученія сихъ новомодныхъ щеголихъ съ превеликою охотою, и ради выгодности имъ опрокинуть вверьхъ дномъ всю справедливую систему свѣта. Профессоръ краснорѣчія бываетъ тутъ тупѣе деревенскаго дьячка, искусной Астрономъ глупѣе пьянаго приказнаго служителя, Докторъ медицины незнающѣе повивальной бабки, Придворной человѣкъ невѣдущѣе степнаго крестьянина, и словомъ, всякой отъ своей Должности отперешься принужденъ бываетъ, ежели хочетъ слыть прямо свѣтскимъ человѣкомъ и знающимъ пріемы, какъ обхо-

дится съ тѣми женщинами, которыя живутъ по модѣ; а сего уже и довольно для совершенія человѣческаго благополучія.

Дѣло хотя не по порядку, однако дошло до того, чтобъ собирался Владимиръ въ путь, къ чему не сочинитель ее принуждаетъ, а вознамѣрилась она сама ѣхать въ Винету къ своему любовнику. Въ семъ случаѣ не должно я умолчать объ управителѣ сей молодой госпожи, которой не только въ сей книгѣ, но и въ древней исторіи могъ бы имѣть изрядное мѣсто; и если-ли не прежде, то по крайней мѣрѣ первымъ по Езопѣ мудрецомъ почестися долженъ, и стоялъ уже онъ на линіи сего принадлежащаго ему чина. Онъ назывался Куромша, имѣлъ онъ роду невеликаго осемдесятъ четыре года: однако ходилъ безъ костыля; можетъ быть боги для збереженія денегъ прибавляли ему бодрости. Поскупился онъ занять росту у природы и походилъ больше на карлу, нежели на цѣлаго человѣка, и казался для того весьма сокращеннымъ животнымъ. Въ семъ случаѣ намѣренія природы узнать было не возможно, хо-

тѣла ли она сдѣлать его посмѣшищемъ цѣлаго свѣта, и пустила по земному шару для смѣху людскаго; или, чтобъ глядя на него каялись тѣ люди, которые отнимаютъ сами у себя здоровье и данной отъ природы совершенной образъ. Грудь его брала преимущество передъ бородою и хотѣла имѣть больше вольности, и для того выдалась весьма не скудно впередъ, такъ что представлялся онъ малорослымъ сочинителемъ, несущимъ запазухою въ переплетѣ большую книгу, чтобъ на улицѣ люди, почитая его разумнымъ, не толкали съ дороги. Что же природа отняла изъ его росту, то положила въ носъ; оной былъ гораздо побольше обыкновеннаго, и казался штукатурной работы или высѣченнымъ изъ краснаго мрамора; но отъ строгости суровой погоды, или отъ неумѣреннаго солнечнаго сіянія во многихъ мѣстахъ расчелялся; по серединѣ его былъ горбъ, которой покривился нѣ колько на правую сторону, и чуть не покрывалъ собою глаза; на концѣ онаго висѣла малиноваго цвѣта не гораздо малая шишка, которая безобразила его тѣмъ больше, что каза-

всякими восклицаніями выговаривалъ иныя слова противъ грамматическихъ правилъ, то есть такъ, какъ не разговариваютъ въ компаніи женской. Наконецъ вошла въ ту же избу по голосу женщина, а впрочемъ не знаю, вдова или дѣвица; извинялся нѣсколько передъ мущиною, и такъ какъ будто бы нехотя признавшись виноватою, начала его приголубливать такъ, какъ обыкновенно приголубливаютъ въ темнотѣ. Неохъ хотѣлъ посмотрѣть, что они иногда дѣлали, и какъ только повернулся на полатяхъ, то доски полетѣли на полъ, за которыми и онъ въ скоромъ времени слѣдовалъ. Разрушеніе Троянской стѣны столько стуку не надѣлало, сколько причинили грому сіи полати. Несчастливой Вулканъ, которого бросилъ Юпитеръ съ неба на островъ, переломилъ себѣ ногу; а нашъ Вулканъ упавши съ полатей на полъ, оспался дѣлъ, только повредилъ нѣсколько запылокъ, отъ чего въ ушахъ у него звенѣло, а изъ глазъ скакали искры. Мущина и женщина кричали, какъ бѣшеные, и вскорѣ ихъ не стало. Неохъ, окруженной досками сидя на полу, час-

то похватывалъ себя за голву, и собиралъ разшерянныя мысли; духъ его тогда смущился и сердце по неволѣ трепетало. Сверьхъ же того, какъ я слышалъ, то онъ не великой былъ охотникъ летать съ полатей, да притомъ не любилъ и стуку.

Ночь препроводилъ онъ безъ сна, да и можноль было ему успокоиться, когда поколебался мозгъ во всей его столицѣ; какъ ни клади, а путешествіе сіе стоило ему находки; но полно въ бѣдномъ состояніи болѣзни бываютъ не такъ велики, какъ въ богатомъ. Къ разсвѣтанію дня Неохъ выздоровѣлъ совсѣмъ, и началъ собиратися въ путь, увидѣлъ на столѣ часы и табакерку, и не много раздумывалъ, какъ надобно поступить ему съ сими вещами. Онъ положилъ изъ нихъ каждую въ такое мѣсто, гдѣ онымъ приличнѣе былъ лежать, нежели оставаться на столѣ въ пустой избѣ, и пошелъ изъ оной вонъ Какъ только вышелъ онъ за двери, и увидѣлъ привязаннаго у дерева, бодраго и большаго жеребца, которой былъ тогда въ седлѣ. Подошедши къ оному осматривалъ очень долго по всѣмъ сторо-

ГЛАВА XVII.

ВЕЧЕРЪ 72.

Продолженїе сказки о рожде тафтяной мушки.

Куромша отправлялъ свою должно
такъ, какъ и другїе управители,
торые сверьхъ жалованья отъ господ
имѣютъ другїе доходы, кои не р
сравниваются съ росходами господски
отъ чего иногда бываютъ они бога
своихъ помѣщиковъ; тогда-то на
няются гордостїю и принимаютъ в
ма спѣсиво тѣхъ людей, которые
получше. Сей гордости избѣжалъ
одинъ Куромша: ибо былъ онъ
природы ласковъ и имѣлъ не прич
выя разсужденїя. Прошу господъ чи
телей, чтобы они не смѣялися, еж
я назову Куромшу любовникомъ; х
правду сказать, что любовь сдѣл
не для такихъ красавцевъ; но къ стра
сїю позволено вступиться всякому,
оная достается не по наслѣдству.
подарилъ сердце свое одной горнич
дѣвушкѣ, которая называлась Ве
нетою, и которая способнѣе могла
новаться его внукою, нежели любов

ГЛАВА XIX.

ВЕЧЕРЪ 74.

Продолженіе сказки о рожденіи тафтяной мушки.

Неохъ не командовалъ отъ роду никакою скотиною, и не зналъ до сего времени, какъ твари повинуются людямъ; а теперь имѣетъ въ послушаніи четвероногое животное, и для того сидя на конѣ весьма бодрится и ѣдетъ иногда тихо, а иногда скоро, исполняя въ семъ случаѣ собственную свою волю. По чему догадываться можно, что отъ прибытку раждается въ насъ гордость, отъ гордости глупость, отъ глупости чванство, и наконецъ дѣлается человѣкъ совсѣмъ дуракомъ. Природное дурачество, мнѣ кажется, нѣсколько простительно, а нажитое достойно омерзѣнія. И такъ всадникъ нашъ пріѣхалъ въ нѣкоторое большое село; въ немъ находился господской домъ, у котораго ворота были тогда растворены. Неохъ въѣхалъ на дворъ прямо, не спрашиваясь никого. Хозяинъ сего дому былъ весьма учтивъ, и вышедъ на крыльцо встрѣтилъ

незнакомаго гостя, которой безъ всякихъ обиняковъ пожаловалъ къ нему въ покои, и когда примолвили его, чтобы онъ сѣлъ, то онъ уже готовъ былъ тогда хотя и лечь; ибо привыкъ онъ обходиться просто и безъ всякой застѣнчивости; сверьхъ же того имѣлъ языкъ, которымъ владѣлъ весьма изрядно. Извинившися въ томъ, что онъ осмѣлился заѣхать совсѣмъ къ незнакомому человѣку, и выпросивъ учтивымъ и веселымъ образомъ прощеніе, хотѣлъ увѣдомиться, кто таковъ хозяинъ этаго дому, и съ какимъ человѣкомъ будетъ отъ сего часа имѣть знакомство. Я, государь мой, говорилъ хозяинъ, служилъ прежнимъ нашимъ Государямъ и нынѣ владѣющему благополучно Разистану тритцать четыре года въ военной службѣ безъ всякаго порока, а теперь въ отставкѣ и имѣю чинъ первостатейнаго сотника, живу въ деревняхъ благополучно, имѣю дѣтей и стараюся угоповить ихъ для защищенія отечества. За сіе изрядное попеченіе хвалилъ его Неохъ отборными словами; однако старался угодить больше хозяйкѣ, нежели отставному воину: ибо съ

перваго взгляду узналъ онъ, что она управляла всѣмъ домомъ, и когда не было никого чужаго, то командовала и первостатейнымъ сотникомъ, а при людяхъ казалася ниже воды и ниже травы, чтобъ тѣмъ доказать своимъ знакомымъ, что въ домѣ ихъ ведется порядокъ. Въ то время была она нѣсколько печальна. Неохъ, какъ учтивой кавалеръ и не глупой городской жителъ, ласковымъ образомъ спросилъ ее о причинѣ ея смущенія; на что она съ великою охотою ему отвѣчала, что дочь ея въ прошедшую ночь занемогла, да и теперь находится еще въ такомъ же состояніи. Неонъ въ такомъ случаѣ ни отъ чего отпираться былъ не долженъ, и чего хотя не разумѣлъ, однако служить не отрекался; и когда спросили у него, что не знаетъ ли онъ чѣмъ пользовать такую болѣзнь, то Неохъ ни мало не думавши говорилъ: государыня моя, я могу васъ обнадежить, что я уже человѣкъ съ пять избавилъ отъ этаго припадка; я знаю нѣсколько медицыны; отецъ у меня былъ докторъ, да и такой искусной, что всѣ болѣзни узнавалъ со взгляду, и всякой припадокъ,

Что жъ касается до отца ея и до матери, то они думали о томъ инако, и разсуждали, что лекарь говорилъ для того смутно, что лечебная наука не велитъ имъ никогда изъясняться понятно. И такъ съ сихъ поръ начала больная выздоравливать, а Неохъ прославляться въ томъ домѣ знающимъ лечебное искуство, о которомъ не только что никакого понятія не имѣлъ; но ниже вообразить могъ, чтобъ сдѣлашься способнымъ пользовать другаго. Случаи сильнѣе всего на свѣтѣ; они не только претворяютъ въ лекаря студента, но и коновала сдѣлаютъ докторомъ.

Время одно, но раздѣляютъ его нѣкоторые люди на двѣ равныя части, то есть: для однихъ бываетъ оно весьма хорошо, а для другихъ напротивъ того гораздо дурно. Неохъ жилъ по прозбѣ хозяина, а больше хозяйки, въ такой деревнѣ, гдѣ изо всѣхъ мужиковъ не можно сдѣлать ни одного Философа: всякой охотнѣе упражнялся въ удобреніи нивы, нежели въ познаніи самаго себя, и на какой конецъ имѣетъ онъ данную ему жизнь, о чемъ имъ и въ голову не приходило; и ежели бы начать съ

ними о томъ говорить, что бы они почли тебя сумашедшимъ и велѣли бы пустить кровь, по примѣру нѣкотораго господина, которой былъ весьма много долженъ, и избавился тѣмъ отъ всѣхъ займодавцевъ. Какъ только придетъ къ нему купецъ съ векселемъ и станетъ просить денегъ, то онъ велитъ ему пустить кровь; слѣдовательно тотъ купецъ не приходитъ уже къ нему цѣлой годъ: ибо пусканіе крови прежде прошествія года не бываетъ; и такъ когда онъ учинилъ человѣкамъ пяти сіе пусканіе, то тѣ, которымъ жизнь была милѣе, нежели деньги, и совсѣмъ къ нему не ходили; нанимали они стряпчихъ, но и тѣ отговаривались, что лучше нанять цырюльника, которой знаетъ силу, а о господинѣ думали, что онъ съ досады выпуститъ когда нибудь и всю. Сею выдумкою очистился онъ отъ всѣхъ долговъ, не плативъ никому ни полушки.

И такъ Неохъ, живучи между людьми непросвѣщенными, утопалъ въ великомъ удовольствіи; онъ разказывалъ хозяину и всему дому разныя забавныя

приключенія, пришучивалъ весьма кстатѣ, остро и замысловато, не жалѣлъ иранишь Философскихъ изъясненій, посыпалъ древнею исторіею и другими книгами такъ, какъ порохомъ. Нерѣдко ставилъ въ строй древнихъ героевъ, и выводилъ изъ нихъ каждаго на смотръ передъ сошника первостишейшаго, описывалъ ихъ храбрость, отважныя предпріятія, сраженія, завоеванія городовъ, и словомъ, всѣ великія ихъ предпріятія; цѣнилъ каждаго и представлялъ хозяину, сколько онъ великъ былъ на свѣтѣ. Сожительницѣ же его и дочкѣ переводилъ на нашъ языкъ Овидіевы превращенія, книги печалей, и словомъ, всякія любовныя исторіи: и такъ пришелъ имъ у всего дому въ такую великую любовь, что слуги и служанки охотнѣе ему служили, нежели своимъ господамъ; во всемъ онъ былъ тогда воленъ, владѣлъ собою ни отъ кого не завися; а думалъ ли онъ о Владимирѣ, о томъ послѣ скажемъ, какъ придетъ дѣло до любовныхъ обращеній.

ГЛАВА XX.

ВЕЧЕРЪ 75.

Продолженіе сказки о рожденіи тафтяной мушки.

Въ нѣкоторой день сказалъ календарь, что хозяинъ дому именинникъ, тогда началось къ столу большое пріуготовленіе, которое было вшрое больше, нежели какъ обыкновенно бываетъ; ибо думаютъ наши граждане, что въ праздникъ сѣдятъ они больше обыкновеннаго, и для того припасаютъ много лишняго. Неохъ не упуская ни одного случая угождать сему дому, при поздравленіи подарилъ имянинникуего богатырскаго коня и со всемъ приборомъ, только безъ шелома, для того что лошади въ шишакахъ не ходятъ. Хозяинъ былъ тому чрезмѣрно радъ; однако отговаривался по обыкновенію, будто бы не хочетъ обидѣть тѣмъ гостя; а въ самой вещи гошокъ бы былъ принять отъ него хошь цѣлое стадо. Поздравилъ потомъ его сожительницу, служилъ ей шабакерку, которую заслужилъ онъ поврежденіемъ затылка,

кою приняла она съ нѣкоторымъ важнымъ, однако пріятнымъ видомъ, чѣмъ доказала ясно, что въ молодыхъ своихъ лѣтахъ имѣла довольно воздыхателей, которые ставили красотѣ ея жертвенники и возжигали передъ ногами ея позолоченыя благоуханія, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы красотою ея озолотить свои пилюли. Благодарности же въ семъ случаѣ она ему не сдѣлала, сохраняя тѣмъ сложеніе щеголихи, которыя принимая подарки никогда не благодарятъ подносителей, а дѣлаются такими, какъ будто удостоиваютъ тѣмъ своей милости и принимаютъ его въ число своихъ обожателей; а сего шпицула не можно иногда купить на всѣ сокровища великаго Могола: столь дорого продаются любовныя чины! а какъ заслужить ихъ ни коимъ образомъ не возможно, то непремѣнно всякой покупать долженъ.

Когда у просвѣщенныхъ людей бываетъ день празднества, тогда у невѣждъ бываетъ день пьянства; но кто бываетъ именинникъ; то у того и торжество и пьянство случаются вкупѣ. Къ вечеру съѣхалось къ хозяину множе-

людей обоего пола разнаго сложе-
и не одинакихъ лѣтъ; слѣдовательно
и причинившееся между онымъ весе-
должно быть разноцвѣтное. Всякой
угодность хозяина оказывалъ себя
овольнымъ и вынималъ все до капли,
что ему ни подносили, отъ чего послѣ-
довало изобильное красноречіе, и каза-
лось, что собраны тутъ люди разныхъ
націй и говорили разными языками;
всякой не хотѣлъ молчать, а старался
больше говорить, слушать же изъ нихъ
никто не обязывался: слѣдовательно
шрушка сія походила на Жидовскую
школу. Тѣ, которые не вступались въ
сію разноголосную орхестру и не такъ
много придерживались разныхъ напит-
ковъ, разговаривали тише, однако так-
же безпорядочно. Хозяйка во все это
время переверпывала въ рукахъ подарен
ную ей шабакерку: ибо она ей очен
показалась, а сверьхъ того хотѣлос
ей нѣсколько и похвастать, что ве
сія подарена ей разумнымъ человѣко
для того что побѣда надъ дуракомъ
такъ важна для женщины, какъ з
ваніе надъ человѣкомъ умнымъ.
молодой кавалеръ, которой какъ в

совсѣмъ незнакомъ былъ Минервѣ и не имѣлъ ее у себя предводительницею, не согласяся съ разумомъ и нечаянно, иль спросна, захотѣлъ одурачиться: государыня моя, говорилъ онъ хозяйкѣ, табакерка сія принадлежитъ мнѣ, и я платилъ за нее собственныя мои деньги: того ради прошу пожаловать извинить меня, что я буду имѣть честь взять ее изъ вашихъ рукъ, и вы должны еще возвратить мнѣ и лошадь, которая вмѣстѣ съ нею пропала. Хозяйка выслушавъ сіи слова, осполбенѣла, и столько на него озлилась, что пожелала незнакомому гостю Актеоновой судьбины, и вскочивши съ мѣста прибѣжала къ Пеоху, которой тогда шумѣлъ въ свою волю, и доказывалъ, что человѣкъ не что иное, какъ слуга всѣхъ шварей. Вотъ твоя табакерка, государь мой, возми свой подарокъ назадъ и не осмѣливайся дарить впередъ чужимъ, ежели не хочешь быть за сіе наказанъ; потомъ бросила она ее на столъ и говорила еще мужу: а ты изволь отдать ему лошадь, для того что выискался ей хозяинъ. Послѣ сего грому вся компанія помутилась, всѣ вскочили

со своихъ мѣстъ и хотѣли разобрать ссору : ибо пьяные люди великіе охотники и драться и мириться. Неохъ не помѣшался отъ сего въ разумѣ : ибо онъ имѣлъ твердую на себя надежду, что всякую ложь одѣнетъ правдою, и превратитъ се такъ искусно, что самой великой знатокъ ошибиться можетъ. Онъ съ великимъ удивленіемъ говорилъ ей : Что вы, сударыня, вѣрите такому человѣку, которой, какъ видно, самъ себя не узнаетъ : онъ конечно при мнѣ ещаго не скажетъ, постойте, я его образумлю. Потомъ взялъ онъ того гостя за руку, вывелъ въ сѣни, и говорилъ ему : ты сказываешь, что это твоя табакерка ? Моя, отвѣчалъ ему гость. А развѣ не помнишь ты того, продолжалъ Неохъ, что я купилъ ее весьма дорогою цѣною, а именно, платилъ за нее запылкомъ лепя съ полатей въ той пустой избѣ, которая --- Виноватъ, перехватилъ гость и бросился передъ нимъ на колѣни ; я облепался въ чужую; прошу тебя, сдѣлай со мною милость и не сказывай о томъ никому ; я обязуюсь тебѣ служить всѣмъ, что только могу. Очень изряд-

но, говорилъ Неохъ, ворочись опять въ компанію. Вотъ, сударыня, дѣло и кончилось: гость вамъ признается, что онъ ошибся и вклепался совѣтъ не въ свои вещи. Пристыженной молодецъ принимался извинишься, однако много разъ запинался и не могъ порядочно изъяснить своей мысли, пришомъ краснѣлъ и блѣдъ, какъ макъ цвѣтъ. Дочь первостатейнаго сошника хотя и мигала своему любовнику, чтобы онъ отступился отъ своего добраго; но разгнѣванной молодчикъ того не примѣтилъ, и позволилъ одурачить себя въ сей компаніи: для чего ранѣе всѣхъ уѣхалъ и увезъ съ собою стыдъ и собственное свое дурачество, опасаясь притомъ, чтобъ не захватили чужаго, котораго съ излишкомъ находилося въ сей шайкѣ. И такъ помутившія всю компанію вещи остались пребывать благополучно у тѣхъ, которымъ были онѣ подарены Неохомъ. Онъ впустился опять въ философскія разсужденія и кричалъ до тѣхъ поръ, покамѣстъ ему было полно. Ужинъ и другія вечернія церемоніи шли безпорядочно, хотя и должно было бы имъ нѣсколько сла

дoвать поисправнѣе, для того что присутствовали шутъ дамы и дѣвицы; однако Баханты на то не смотрѣли, и затягивали стихи, сдѣланныя въ честь богу пьянства, которые не всегда бываютъ смѣшены съ благопристойностїю.

Много бываетъ вещей подобныхъ другъ другу въ свѣтѣ; но въ теченїи время минута минутѣ уподобиться не можетъ: и такъ скажемъ „„ что утро „ вечера мудренѣе „„. Вставши съ постелей, всякой одумывался, не сдѣлалъ ли онъ какого дурачества, безъ котораго весьма трудно обойтися человѣку не трезвому. А какъ выпили опять по красаулѣ, то и пропало всякое сомнѣнїе ко исправленю себя, и начали вчерашнимъ манеромъ колобродить. Неохъ получилъ въ сїе время письмо отъ хозяина табакерки и лошади слѣдующаго содержанїя:

ГОСУДАРЬ МОЙ!

„„Я извѣстился о твоемъ состоянїи, „и оно показалося мнѣ не изъ завидныхъ; „и такъ опредѣляю себя къ твоимъ услу„гамъ, поѣзжай въ Винецту, я тамо мо„гу опредѣлить тебя ко двору и выпрошу

„хорощей чинъ; сіе мнѣ возможно; для „онѣзду же твоего возьми у слуги при„сланныя отъ меня деньги. Сіе я дѣлаю „для того, чтобы ты укрылъ наше свя„даніе и никому о томъ не сказывалъ. Я „чаю понятно тебѣ, что ето для меня „порочно„.

Покорной твой слуга
Н. Н.

Не хъ прежде, нежели началъ дивиться добродѣтели сего господина, взялъ отъ слуги деньги, и потомъ удивился; велѣлъ его благодарить, и сказалъ, что онъ исполнитъ по его приказу, и будетъ ожидать милости. Потомъ увѣдомившись отъ хозяина, что онъ знатнаго вельможи сынъ, сожалѣлъ очень, что поступилъ съ нимъ сурово во объясненіи осады. И такъ побывъ еще нѣсколько въ семъ домѣ и повеселя хозяина и всѣхъ домашнихъ, къ великому ихъ сожалѣнію проспился и поѣхалъ въ Винецыну искать своего счастія, которое уже начинало ему показываться.

ГЛАВА XXI.

ВЕЧЕРЪ 76.

Продолженіе сказки о рожденіи тафтяной мушки.

Неохъ идучи въ Винетту ни мало не думалъ, чтобъ приключилось съ нимъ какое нибудь несчастіе: ибо думаемъ мы всегда о благополучіи, а о бѣдахъ никогда не воображаемъ. Онъ часто пересчитывалъ данныя ему отъ господина деньги, и содержалъ въ твердой памяти, сколько ихъ числомъ находилось. Нѣкогда сидя подъ деревомъ и ходилъ, онъ въ семъ упражненіи и веселился глядя на золото, да которое и солнце тогда смотрѣло, вышелъ изъ лѣсу домашній воинъ, которой опредѣлясь въ военную службу, не искалъ случая оказать храбрость свою надъ непріятелями, а оказывалъ ее надъ пріятелями, и воевалъ не за границею, а въ своей землѣ, и сбиралъ пошлину съ праздношатающихся по улицамъ, а особливо съ тѣхъ, которые не въ указные часы ходили по дорогѣ; подошедъ къ Неоху, и смотря весьма жадно на его

золото. [illegible] только [illegible] денегъ? Неохъ. Яко челобитьно [illegible] не хотълъ было дураку [illegible] но какъ [illegible] его копье [illegible] тогда Неохъ [illegible] сошъ [illegible] ложи ихъ [illegible] дъсной [illegible] когда [illegible] нилъ [illegible] овеяние [illegible] продолжалъ твоемишь [illegible] живися [illegible] на чело [illegible] [illegible] другимъ [illegible] тайныхъ [illegible] гостьямъ и непремѣнемъ [illegible] вас [illegible] чинимъ [illegible] [illegible] [illegible] не хотълъ [illegible] [illegible]

Неохъ сдълался [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] дъйствующее [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

ги вышлу изъ кармана; и такъ опустивши руки въ оные пошелъ онъ по дорогѣ, какъ человѣкъ бездѣльной, или такой, которой отсталъ на время отъ обозу, гдѣ все его имѣнїе везется въ городъ. По счастїю его находился онъ уже близко города, и на другой день по утру умножилъ число Винешинскихъ граждалъ знаменитою своею особою, помѣстился въ такомъ домѣ, въ которой никто, выключая нищей братїи, не жаловалъ, для того что ежели кто потеряетъ свое имѣнїе, тотъ непремѣнно въ нищїе записываться долженъ. Какъ только сталъ приходить вечеръ, то хозяйка принесла изъ чулана чашку и поставила ее на столъ; потомъ начали собиратться шаскающїеся по городу безстыдные люди, и всякой пришедши опоражнивалъ свою мошенку въ поставленную хозяйкою чашку; и наконецъ какъ всѣ собрались, тогда хозяйка сочтши начала распоряжать деньги: половина оныхъ послана была въ кабакъ; бѣгалъ за виномъ храмой, однако скоростїю превзошелъ всякаго скорохода. По принесенїи онаго тянули весьма усердно всѣ пришедшїе гости, не во-

забывали также почивать они и Неоха, послѣ сѣли ужинать и прохожаго посадили въ большее мѣсто; кушанье ихъ не означало въ себѣ бѣдности, а походило больше на великое довольствіе. Въ серединѣ ужина спросила одна у Неоха, какого онъ состоянія и какимъ случаемъ сдѣлался такъ бѣденъ; и когда увѣдомилася обо всѣмъ, тогда сказала ему съ великимъ увѣреніемъ, что онъ завтрешняго дня будетъ богатъ и сдѣлается хотя не большимъ, однако не послѣднимъ господиномъ. Неохъ благодарилъ ее за то отъ искренняго сердца, и обѣщалъ возблагодарить ее порядочнымъ образомъ. Благодарности я не требую, говорила ему нищая, для того что знаю довольно совѣсть молодыхъ людей: они обѣщанія свои пишутъ на водѣ; много уже я вашей братьи сдѣлала благополучными, но не получила ни отъ одного ни копѣйки; мы очень дешево продаемъ свое чистосердечіе; многіе пользуясь стараніями нашими насъ же еще поминутно гонятъ и ушѣсняютъ. Боги имъ за это заплатятъ. Какъ бы ты думалъ, можно ли найти человѣка способнѣе пере-

носить любовныя вѣсти, какъ нищую? Мы умѣемъ принимать на себя различные образы и притворяемся такъ искусно, что самаго разумнаго человѣка провесть можемъ. Есть у меня теперь на примѣтѣ купецкая жена; она давно уже просила меня, чтобы я пріискала ей какого нибудь красавца; ты лицемъ очень не дуренъ, и такъ можешь забавлять молодую ту женщину въ скучныя времена, то есть тогда, когда ее мужа дома нѣтъ; а онъ очень богатъ, надѣйся, я тебѣ доставлю изрядное мѣстечко въ семъ городѣ, и ты не будешь имѣть причины жаловаться на свое несчастіе. Послѣ ужина скинули они съ себя верхнія и весьма ветхія одежды, и сколько сіи были дурны, столько исподнія хороши; умылись всѣ водою и показались Неоху, какъ будто бы они совсѣмъ перемѣнились, и бросили желаніе быть нищими. Потомъ легли всѣ спать попарно, и надобно знать, что не на худыхъ притомъ постеляхъ. Неохъ понявшись въ такую сверьхъестественную шайку, весьма много размышлялъ объ ихъ искуствѣ, и думалъ, что они конечно

учились входить въ сердца людей, и умилостивляя ихъ выманивать милостыню, по тому, что не всякому удается иного жестокосердаго привести ко умиленію, и чтобы онъ соболѣзнуя бѣдному удѣлилъ отъ имѣнія своего крохи для имени великихъ боговъ.

По утру встали они весьма рано, натерлись нѣсколько сажею и грязью, и облекшись во вретище, пошли, куда каждаго добыча позывала. Неохъ препроводилъ цѣлой день въ ожиданіи своего благополучія, и старался искоренить изъ себя всякое сожалѣніе къ нищимъ. Ввечеру собрались они по прежнему; а ша, которая его обнадежила, пришла въ полномъ удовольствіи и сказала Неоху, что она уже все сдѣлала, что касается до начала; а окончать ты самъ должень, примолвила она къ тому; теперь оставимъ объ этомъ говорить, а будемъ счастливо веселиться. И такъ другая ночь во всемъ подобна была первой, и сказывали они ему, что всякая бываетъ шакова, и они не имѣютъ причины о чемъ нибудь задумываться, и живутъ спокойнѣе всякаго гражданина.

На другой день, когда взошло солнце, повела сія проворная Ириса принужденнаго волокиту къ купеческой женѣ, которая весьма учтиво приняла надобнаго ей человѣка, и не давъ еще ему слова выговорить подарила сумку денегъ, а старухѣ дала счетомъ. Сочинитель спрашиваетъ читателя, что должно говорить Неоху въ такомъ случаѣ? Онъ не обращался еще съ купеческими женами, у которыхъ не только обхожденія, но и любовныя дѣла называются иначе, и они никогда не говорятъ, что женщина такая что любитъ своего сидѣльца, а всегда такъ: она, сударыня, пускаетъ амуры съ своимъ сидѣльцомъ, и такъ пришедши въ новой свѣтъ должно имѣть новые пріемы. Неохъ какъ опредѣлилъ себя быть человѣкомъ разумнымъ, что въ одну минуту выучилъ онъ наизустъ купеческую нумерацію, которую они употребляютъ въ пусканіи амуровъ. Я бы хотѣлъ, чтобъ кто нибудь угадалъ, какъ онъ начнетъ обходиться съ сею посадною, и не начнетъ ли торговать ея сердца: ибо пришелъ онъ хотя и не въ лавку, однако къ такой особѣ, которая всякимъ товарамъ знаетъ справедливую цѣну.

Государыня моя! говорилъ ей Неохъ какъ вижу я, что вы на сіи деньги, ко торыя мнѣ дала, хочешь купить мо сердце? Избави меня Боже! отвѣчал ему купчиха, ешо я думаю вамъ толи ко задашокъ, и знаю, что сердце ваш весьма многихъ денегъ стоишъ; а как нѣтдѣ взять толикой суммы, што я ду маю повѣрите вы мнѣ его на вексель взявъ напередъ проценты за годъ, вексель по Руски значитъ мѣна, што вмѣсто бумаги напишу имя ваше н моемъ сердцѣ, и отъ сихъ поръ гошов буду всегда къ вашимъ услугамъ. Таким штилемъ сражались наши любовники и по сихъ словахъ связался весьма тѣс нымъ знакомствомъ: ибо любовь вся кое сердце равно поражаетъ. Многіе го воряшъ, что дѣвушки, читая романы и любовныя басни, научаются изъ них приманивать къ себѣ верьхоглядовъ, ш есть, любовниковъ; но сія степенная гражданина жена не разумѣя и не чита никакой свѣтской книги, такъ испра вно влюбилась, что могла бы занять самое лучшее мѣсто въ Овидіевыхъ пре вращеніяхъ, и ежели бы дошло дѣло до спору, то бы посрамила она собой

самое любовную богиню; трудно только начать, а за началомъ окончаніе и само послѣдуетъ. Такимъ образомъ сдѣлался Неохъ знакомымъ сему дому, и началъ шаскать изъ него барыши и проценты. Хозяинъ старался умножить свои доходы, а жена принялась дѣлать росходы, и оба трудилися весьма въ своемъ дѣлѣ. Неохъ онѣ того богатъ былъ и щеголялъ, такъ какъ ему вздумалося, во ожиданіи своего благодѣтеля. Городъ удивлялся его достатку, и сосѣди завидовали его счастію; однако можетъ быть не знали, откуда оно произходитъ, а можетъ и разумѣли, того я не вѣдаю, только знаю ешу пословицу: „Шило въ мѣшкѣ не утаишися „.

ГЛАВА XXII.

ВЕЧЕРЪ 77.

Продолженіе сказки о рожденіи тафтяной мушки.

Нѣтъ въ свѣтѣ ничего хуже для человѣка, какъ возноситься выше

своего состоянія и не быть доволенъ имѣмъ, чѣмъ опредѣлила судьба владѣти. Мужъ Неоховой любовницы былъ чрезмѣрно богатъ, но не меньше того скупъ; зналъ онъ, что не проживетъ до смерти своего имѣнія, но всякой часъ старался его умножить, и согласился бы для своей прибыли, чтобы его сто разъ высѣкли на площади розгами всенародно. Онъ услышавъ, что Неохъ былъ весьма бѣдной гражданинъ и разбогатѣлъ столько вдругъ, что удивляется тому цѣлой городъ, подумалъ, что есть такое средство къ полученію богатства которое избавляетъ всякаго труда и попеченія о приращеніи онаго. И такъ просилъ онъ нѣкогда студента къ себѣ въ гости и употчивавъ его весьма изрядно, просилъ униженнымъ образомъ чтобы онъ его увѣдомилъ, откуда онъ получилъ такой достатокъ. Неохъ услышавъ сіи слова нѣсколько было струсилъ, и подумалъ, что етотъ олень провѣдавъ тайное свиданіе съ его сожительницею, становится сильный и хочетъ показать его въ судѣ, а не лѣсу рогами. И такъ смѣшавши краснорѣчіе со страхомъ и занявъ у лжи и

ГЛАВА XXI.

ВЕЧЕРЪ 76.

Продолженіе сказки о рожденіи тафтяной мушки.

Неохъ идучи въ Винетту ни мало не думалъ, чтобъ приключилось съ нимъ какое нибудь несчастіе: ибо думаемъ мы всегда о благополучіи, а о бѣдахъ никогда не воображаемъ. Онъ часто пересчитывалъ данныя ему отъ господина деньги, и содержалъ въ твердой памяти, сколько ихъ числомъ находилось. Нѣкогда сидя подъ деревомъ и ходилъ, онъ въ семъ упражненіи и веселился глядя на золотно, да которое и солнце тогда смотрѣло, вышелъ изъ лѣсу домашній воинъ, которой опредѣлясь въ военную службу, не искалъ случая оказать храбрость свою надъ непріятелями, а оказывалъ ее надъ пріятелями, и воевалъ не за границею, а въ своей землѣ, и сбиралъ пошлину съ праздношатающихся по улицамъ, а особливо съ тѣхъ, которые не въ указные часы ходили по дорогѣ; подошедъ къ Неоху, и смотря весьма жадно на его

золото, спрашивалъ: сколько у тебя денегъ? Неохъ, какъ человѣкъ разумной, не хотѣлъ было дураку давать отвѣта; но какъ тотъ приставилъ къ грудямъ его копье и хотѣлъ проколоть насквозь, тогда Неохъ оробѣвши говорилъ: пять сотъ шестьдесятъ четыре гривны. Положи ихъ въ мой карманъ, кричалъ ему лѣсной забїяка; и когда Неохъ исполнилъ его повелѣнїе, то разбойникъ продолжалъ говорить: Прощай, разживайся хорошенько и приходи опять на это мѣсто считать деньги, да сказывай и другимъ, естьли имѣешь богатыхъ знакомыхъ людей: мы ради гостямъ и не преминемъ попотчивать васъ чѣмъ нибудь лучшимъ, нежели теперь; ступай, вотъ дорога въ городъ. Сказавъ сїе пошелъ онъ въ лѣсъ и запѣлъ бурлацкую арїю весьма громогласно.

Неохъ сдѣлался тогда похожимъ на того комедїанта, которой говоритъ монологъ изъ комедїи скупаго, и бѣсился можетъ быть больше, нежели то дѣйствующее лицо на театрѣ: но однако ничто не помогало; вѣрной счетъ остался въ его памяти, но день

ГЛАВА XXI.

ВЕЧЕРЪ 76.

Продолженіе сказки о рожденіи тафтяной мушки.

Неохъ идучи въ Винетту ни мало не думалъ, чтобъ приключилось съ нимъ какое нибудь несчастіе: ибо думаемъ мы всегда о благополучіи, а о бѣдахъ никогда не воображаемъ. Онъ часто пересчитывалъ данныя ему отъ господина деньги, и содержалъ въ твердой памяти, сколько ихъ числомъ находилось. Нѣкогда сидя подъ деревомъ и ходилс.' онъ въ семъ упражненіи и веселился глядя на золотно, да которое и солнце тогда смотрѣло, вышелъ изъ лѣсу домашній воинъ, которой опредѣлясь въ военную службу, не искалъ случая оказать храбрость свою надъ непріятелями, а оказывалъ ее надъ пріятелями, и воевалъ не за границею, а въ своей землѣ, и сбиралъ пошлину съ праздношатающихся по улицамъ, а особливо съ тѣхъ, которые не въ указные часы ходили по дорогѣ; подошедъ къ Неоху, и смотря весьма жадно на его

золото, спрашивалъ: сколько у тебя денегъ? Неохъ, какъ человѣкъ разумной, не хотѣлъ было дураку давать отвѣта; но какъ тотъ приставилъ къ грудямъ его копье и хотѣлъ проколоть насквозь, тогда Неохъ оробѣвши говорилъ: пять сотъ шестьдесятъ четыре гривны. Положи ихъ въ мой карманъ, кричалъ ему лѣсной забіяка; и когда Неохъ исполнилъ его повелѣніе, то разбойникъ продолжалъ говорить: Прощай, разживайся хорошенько и приходи опять на сіе мѣсто счищать деньги, да сказывай и другимъ, естьли имѣешь богатыхъ знакомыхъ людей: мы рады гостямъ и не преминемъ поточить васъ чѣмъ нибудь лучшимъ, нежели теперь; ступай, вотъ дорога въ городъ. Сказавъ сіе пошелъ онъ въ лѣсъ и запѣлъ бурлацкую арію весьма громогласно.

Неохъ сдѣлался тогда похожимъ на того комедіанта, которой говоритъ монологъ изъ комедіи скупаго, и бѣсился можетъ быть больше, нежели то дѣйствующее лицо на театрѣ: но однако ничто не помогало; вѣрной счетъ остался въ его памяти, но день-

ГЛАВА XXI.

ВЕЧЕРЪ 76.

Продолженїе сказки о рожденїи тафтяной мушки.

Неохъ идучи въ Винетту ни мало не думалъ, чтобъ приключилось съ нимъ какое нибудь несчастїе: ибо думаемъ мы всегда о благополучїи, а о бѣдахъ никогда не воображаемъ. Онъ часто пересчитывалъ данныя ему отъ господина деньги, и содержалъ въ твердой памяти, сколько ихъ числомъ находилось. Нѣкогда сидя подъ деревомъ и ходилс.' онъ въ семъ упражненїи и веселился глядя на золото, да которое и солнце тогда смотрѣло, вышелъ изъ лѣсу домашнїй воинъ, которой опредѣлясь въ военную службу, не искалъ случая оказать храбрость свою надъ непрїятелями, а оказывалъ ее надъ прїятелями, и воевалъ не за границею, а въ своей землѣ, и сбиралъ пошлину съ праздношатающихся по улицамъ, а особливо съ тѣхъ, которые не въ указные часы ходили по дорогѣ; подошедъ къ Неоху, и смотря весьма жадно на его

золото, спрашивалъ: сколько у тебя денегъ? Неохъ, какъ человѣкъ разумной, не хотѣлъ было дураку давать отвѣта; но какъ тотъ приставилъ къ грудямъ его копье и хотѣлъ проколоть насквозь, тогда Неохъ оробѣвши говорилъ: пять сотъ шестьдесятъ четыре гривны. Положи ихъ въ мой карманъ, кричалъ ему лѣсной забіяка; и когда Неохъ исполнилъ его повелѣніе, то разбойникъ продолжалъ говорить: Прощай, разживайся хорошенько и приходи опять на сіе мѣсто считать деньги, да сказывай и другимъ, естьли имѣешь богатыхъ знакомыхъ людей: мы рады гостямъ и не преминемъ поноцивать васъ чѣмъ нибудь лучшимъ, нежели теперь; ступай, вотъ дорога въ городъ. Сказавъ сіе пошелъ онъ въ лѣсъ и запѣлъ бурлацкую арію весьма громогласно.

Неохъ сдѣлался тогда похожимъ на того комедіанта, которой говоритъ монологъ изъ комедіи скупаго, и бѣсился можетъ быть больше, нежели то дѣйствующее лицо на театрѣ: но однако ничто не помогало; вѣрной счетъ остался въ его памяти, но день-

ги вышли изъ кармана; и такъ опустивши руки въ оные пошелъ онъ по дорогѣ, какъ человѣкъ бездѣльной, или такой, которой отсталъ на время отъ обозу, гдѣ все его имѣнїе везется въ городъ. По счастїю его находился онъ уже близко города, и на другой день по утру умножилъ число Винетинскихъ гражданъ знаменитою своею особою, помѣстился въ такомъ домѣ, въ которой никто, выключая нищей братїи, не жаловалъ, для того что ежели кто потеряетъ свое имѣнїе, тотъ непремѣнно въ нищїе записываться долженъ. Какъ только сталъ приходить вечеръ, то хозяйка принесла изъ чулана чашку и поставила ее на столъ; потомъ начали собираться таскающїеся по городу безстыдные люди, и всякой пришедши опоражнивалъ свою мошенку въ поставленную хозяйкою чашку; и наконецъ какъ всѣ собрались, тогда хозяйка счетши начала распоряжать деньги; половина оныхъ послана была въ кабакъ; бѣгалъ за виномъ храмой, однако скоростїю превзошелъ всякаго скорохода. По принесенїи онаго тянули весьма усердно всѣ пришедшїе гости, не во-

забывали также почитать они и Неоха, послѣ сѣли ужинать и прохожаго посадили въ большее мѣсто; кушанье ихъ не означало въ себѣ бѣдности, а походило больше на великое довольствіе. Въ серединѣ ужина спросила одна у Неоха, какого онъ состоянія и какимъ случаемъ сдѣлался такъ бѣденъ; и когда увѣдомилася обо всѣмъ, тогда сказала ему съ великимъ увѣреніемъ, что онъ завтрешняго дня будетъ богатъ и сдѣлается хотя не большимъ, однако не послѣднимъ господиномъ. Неохъ благодарилъ ее за то отъ искренняго сердца, и обѣщалъ возблагодарить ее порядочнымъ образомъ. Благодарности я не требую, говорила ему нищая, для того что знаю довольно совѣсть молодыхъ людей: они обѣщанія свои пишутъ на водѣ; много уже я вашей братьи сдѣлала благополучными, но не получила ни отъ одного ни копѣйки; мы очень дешево продаемъ свое чистосердечіе; многіе пользуясь стараніями нашими насъ же еще поминутно гонятъ и утѣсняютъ. Боги имъ за сіе заплатятъ. Какъ бы ты думалъ, можно ли найти человѣка способнѣе пере-

носить любовныя вѣсти, какъ нищую? Мы умѣемъ принимать на себя различные образы и притворяемся такъ искусно, что самаго разумнаго человѣка провести можемъ. Есть у меня теперь на примѣтѣ купецкая жена; она давно уже просила меня, чтобы я пріискала ей какого нибудь красавца; ты лицемъ очень не дуренъ, и такъ можешь забавлять молодую ту женщину въ скучныя времена, то есть тогда, когда ее мужа дома нѣтъ; а онъ очень богатъ, надѣйся, я тебѣ доставлю изрядное мѣстечко въ этомъ городѣ, и ты не будешь имѣть причины жаловаться на свое несчастіе. Послѣ ужина скинули они съ себя верхнія и весьма ветхія одежды, и сколько они были дурны, столько нынѣшнія хороши; умылись всѣ водою и показались Неоху, какъ будто бы они совсѣмъ перемѣнились, и бросили желаніе быть нищими. Потомъ легли всѣ спать попарно, и надобно знать, что не на худыхъ притомъ постеляхъ. Неохъ попавшись въ такую сверьхъестественную шайку, весьма много размышлялъ объ ихъ искуствѣ, и думалъ, что они конечно

учились входить въ сердца людей, и умилостивляя ихъ выманивать милостыню, по тому, что не всякому удается иного жестокосердаго привести ко умиленію, и чтобы онъ соболѣзнуя бѣдному удѣлилъ онъ имѣнія своего крохи для имени великихъ боговъ.

По утру встали они весьма рано, натерлись нѣсколько сажею и грязью, и облекшись во вретище, пошли, куда каждаго добыча позывала. Неохъ препроводилъ цѣлой день въ ожиданіи своего благополучія, и старался искоренить изъ себя всякое сожалѣніе къ нищимъ. Ввечеру собрались они по прежнему; а та, которая его обнадежила, пришла въ полномъ удовольствіи и сказала Неоху, что она уже все сдѣлала, что касается до начала; а окончать ты самъ должень, примолвила она къ тому; теперь оставимъ объ этомъ говорить, а будемъ счастливо веселиться. И такъ другая ночь во всемъ подобна была первой, и сказывали они ему, что всякая бываетъ такова, и они не имѣютъ причины о чемъ нибудь задумываться, и живутъ спокойнѣе всякаго гражданина.

На другой день, когда взошло солнце, повела сія проворная Ириса принужденнаго волокиту къ купеческой женѣ, которая весьма учтиво приняла надобнаго ей человѣка, и не давъ еще ему слова выговорить подарила сумку денегъ, а старухѣ дала счетомъ. Сочинитель спрашиваетъ читателя, что должно говорить Неоху въ такомъ случаѣ? Онъ не обращался еще съ купеческими женами, у которыхъ не только обхожденія, но и любовныя дѣла называются иначе, и они никогда не говорятъ, что женщина такая що любитъ своего сидѣльца, а всегда такъ: она, сударыня, пускаетъ амуры съ своимъ сидѣльцомъ, и такъ пришедши въ новой свѣтъ должно имѣть новые пріемы. Неохъ какъ опредѣлилъ себя быть человѣкомъ разумнымъ, що въ одну минуцу выучилъ онъ наизустъ купеческую нумерацію, которую они употребляютъ въ пусканіи амуровъ. Я бы хотѣлъ, чтобъ кто нибудь угадалъ, какъ онъ начнетъ обходиться съ сею посадною, и не начнетъ ли шортовать ея сердца: ибо пришелъ онъ хотя и не въ лавку, однако къ такой особѣ, которая всякимъ товарамъ знаетъ справедливую цѣну.

Государыня моя! говорилъ ей Неохъ, какъ вижу я, что вы на сіи деньги, которыя мнѣ дала, хочешь купить мое сердце? Избави меня Боже! отвѣчала ему купчиха, ето я думаю вамъ только задаточекъ, и знаю, что сердце ваше весьма многихъ денегъ стоитъ; а какъ нѣтдѣ взять толикой суммы, то я думаю повѣрите вы мнѣ его на вексель, взявъ напередъ проценты за годъ, а вексель по Руски значитъ мѣна, то я вмѣсто бумаги напишу имя ваше на моемъ сердцѣ, и отъ сихъ поръ гошова буду всегда къ вашимъ услугамъ. Такимъ штилемъ сражались наши любовники, и по сихъ словахъ связался весьма тѣснымъ знакомствомъ: ибо любовь всякое сердце равно поражаетъ. Многіе говорятъ, что дѣвушки, читая романы и любовныя басни, научаются изъ нихъ приманивать къ себѣ верьхоглядовъ, то есть, любовниковъ; но сія степеннаго гражданина жена не разумѣя и не читая никакой свѣтской книги, такъ исправно влюбилась, что могла бы занять самое лучшее мѣсто въ Овидіевыхъ превращеніяхъ, и ежели бы дошло дѣло до спору, то бы посрамила она собой и

самое любовную богиню; трудно только начать, а за началомъ окончаніе и само послѣдуетъ. Такимъ образомъ сдѣлался Неохъ знакомымъ сему дому, и началъ шаскать изъ него барыши и проценты. Хозяинъ старался умножить свои доходы, а жена принялась дѣлать росходы, и оба трудилися весьма въ своемъ дѣлѣ. Неохъ онѣ того богатѣлъ и щеголялъ, какъ какъ ему вздумалося, во ожиданіи своего благодѣтеля. Городъ удивлялся его достатку, и сосѣди завидовали его счастію; однако можетъ быть не знали, откуда оно произходитъ, а можетъ и разумѣли, того я не вѣдаю, только знаю ешу пословицу: „Шило въ мѣшкѣ не утаишися„.

ГЛАВА XXII.

ВЕЧЕРЪ 77.

Продолженіе сказки о рожденіи тафтяной мушки.

Нѣтъ въ свѣтѣ ничего хуже для человѣка, какъ возноситься выше

своего состоянїя и не быть доволь-ну тѣмъ, чѣмъ опредѣлила судьба владѣти. Мужъ Неоховой любовницы былъ чрезмѣрно богатъ, но не меньше того скупъ; зналъ онъ, что не проживетъ до смерти своего имѣнїя, но всякой часъ старался его умножить, и согласился бы для своей прибыли, чтобы его сто разъ высѣкли на площади розгами всенародно. Онъ услышавъ, что Неохъ былъ весьма бѣдной гражданинъ и разбогатѣлъ столько вдругъ, что удивляется тому цѣлой городъ, подумалъ, что есть такое средство къ полученїю богатства которое избавляетъ всякаго труда и попеченїя о приращенїи онаго. И такъ просилъ онъ нѣкогда студента къ себѣ въ гости и употчивавъ его весьма изрядно, просилъ униженнымъ образомъ чтобы онъ его увѣдомилъ, откуда онъ получилъ такой достатокъ. Неохъ услышавъ сїи слова нѣсколько было стр силъ, и подумалъ, что етотъ олен провѣдавъ тайное свиданїе съ его с жительницею, становится сильны и хочетъ показать его въ судѣ, а не лѣсу рогами. И такъ смѣшавши крас рѣчїе со страхомъ и занявъ у лжи

сколько неправды, зачалъ его уговаривать баснями такого содержанія: Я вижу, государь мой, что ты человѣкъ совѣстной и не изъ тѣхъ торговыхъ людей, которые продаютъ душу свою за двѣ копѣйки; а ежели будетъ прибытку гривна, то они ради сойти за нее во адъ на вѣчное мученіе. Торгъ не рѣдко бываетъ причиною грѣху, и въ продолженіи онаго нечувствительно душа отдастся сатанѣ: ибо всякой обманъ происходитъ отъ дьявола, а дѣлающіе завсегда оной, суть его дѣти. Ты не изъ числа тѣхъ людей, а изъ числа людей добродѣтельныхъ; я тебѣ вѣрю и тебя признаваю, и мнѣ ничто не мѣшаетъ имѣть къ тебѣ великую преданность. Ты требуешь отъ меня, чтобъ я тебѣ открылся, какимъ образомъ получилъ я богатство: съ охотою мою на сіе соглашаюсь, и ты услышишь, что я во всемъ человѣкъ чистосердечной; жена твоя - - - - Какъ только выговорилъ сіи слова Неохъ, то купецъ перервалъ у него весьма поспѣшно. Нѣтъ, пожалуй женѣ ешого не сказывай: она баба, а бабы, ты вить знаешь, что на языкъ не воздержны; увѣдомь о томъ

меня одного. Сими словами ясно доказалъ своему сопернику, что онъ ни бельмеса не разумѣетъ изъ ихъ дѣлъ. И такъ Неохъ оправился совсѣмъ и пересталъ его бояться, предпріялъ издѣваться надъ нимъ, и продолжалъ рѣчь свою такимъ образомъ: Правду сказать, что съ виду ты похожъ на самаго Жида, а сѣдыми волосами и шрамущеюся головою изображаешь сатану, или по крайней мѣрѣ его наслѣдника; но какъ внѣшніе знаки не всегда согласуются со внутренними, то имѣешь ты, можетъ быть, доброе сердце, которое испорчено только одною жадностію къ деньгамъ; и такъ опасаюсь я, что ты не поблагодаришь меня послѣ за сіе. Купецъ клялся предъ нимъ всѣми богами: слушай же мой другъ, говорилъ ему Неохъ, теперь-то обнадеживаю тебя, что скажу тебѣ самую истину, и ты не будешь имѣть причины раскаеваться въ твоемъ предпріятіи. Знаешь ты великаго первосвященника Перунова, и знаешь опять, что онъ человѣкъ добродѣтельной, набожной и строгой почитателъ закона, и не шокмо, что не отпускаетъ никому великихъ

грѣховъ, но и слабости человѣческія рѣдко извиняетъ. Сіи наружныя его свойства не согласуются со внутренностію ни мало. Сердце его коварно, исполнено суеты и всякой неправды: онъ жалуетъ пѣхъ людей, которые умѣютъ жить на свѣтѣ и обманываютъ народъ весьма изрядно всякими различными способами. Ещежъ въ добавокъ къ сему, владѣетъ имъ любовная страсть, и столько много ослѣпленъ онъ ею, что всякое нечестовство предпріять для того въ состояніи. Знаешь ты знашную госпожу, которая называется Миламила? Ее онъ обожаетъ, и можно сказать, что любитъ больше самаго себя. Всякой день имѣетъ съ нею свиданіе во время вечернее въ той рощѣ, которая окружаетъ храмъ Перуновъ. Онъ выбралъ меня своимъ Меркуріемъ, и ввѣрилъ любовныя дѣла скромности и молчаливости моей безъ всякаго о томъ сомнѣнія. Но я уже изнемогъ отъ сего Юпитера: ибо онъ съ лишкомъ рѣтиво жалуетъ посѣщать письмами и подарками свою красавицу, и думаю проситься въ отставку; что правда, что награждаетъ онъ за то весьма щедро, и нежно

сказать, что прямо по Юпитерски и почти заваливаетъ человѣка золотыми горами. До сего времени стоялъ я подъ жолобомъ, изъ котораго лилъ на рамена мои золотой дождь сильнѣе того, которой падалъ въ прелестныя колѣни прекрасной Данаи; но я уже доволенъ и имѣю съ лишкомъ, нежели бы мнѣ надобно было, и для того не хочу быть больше полномочнымъ посломъ великаго первосвященника: ибо не всегда быть должно благодарнымъ, и мнѣ кажется, можно и безъ сей добродѣтели прожить на свѣтѣ. На мое мѣсто надобенъ ему непремѣнно человѣкъ, и ежели изволишь ты, то я могу тебя одобрить передъ его особою, а онъ мнѣ конечно во всемъ повѣритъ; только долженъ ты быть столько скроменъ, сколько былъ я: ибо зависѣть будетъ отъ того жизнь твоя и всякое благополучіе. Живучи и въ свѣтѣ надобно пріучить себя ко всему и извѣдать силу и состояніе каждой вещи, чтобъ въ случаѣ нужды не запинавшись можно было разсуждать о ней правильно. Любовь не порокъ, но отъ многихъ молодыхъ людей почитается первою добродѣтелью въ свѣтѣ; слѣдовательно

хулить того не должно, которой приводитъ въ союзъ женщину съ мущиной: тѣмъ онъ крѣпитъ и вяжетъ ихъ дружество, возобновляетъ природу, спаряется умножить поколѣніе смертныхъ и производитъ между людьми весьма тѣсное согласіе, которое покупается иногда весьма дорогою цѣною.

Купецъ сею вѣстію пораженъ былъ больше, нежели накладомъ онъ какого нибудь неудачнаго товару. Онъ зналъ, что первосвященникъ былъ таковъ, каковымъ описывалъ его Неохъ съ хорошей стороны; но что можъ касается до тѣхъ пороковъ, которые незасыпчивой и въ семъ только случаѣ безсовѣстной студенти прихватилъ на свою душу и пожаловалъ великаго жреца не по достоинству; то весь городъ могъ быть свидѣтелемъ, что тотъ добродѣтельной мужъ совсѣмъ оныхъ не имѣлъ, и жилъ столько богоугодно, что могъ поспавляться всегда примѣромъ добродѣтели. Однако велерѣчивой языкъ не рѣдко хватаетъ звѣзды съ неба и пересаживаетъ планеты съ мѣста на мѣсто по своему желанію: словомъ, заспавитъ плясать и колоду, какъ наслышались мы сего

изъ старины; сверьхъ же того уговаривать скупаго къ прибытку самое послѣднее искусство потребно разумному человѣку. Неохъ примѣтивъ, что етотъ Гарпагонъ не вѣритъ кривой его истиннѣ, принялся убѣдить его яснымъ доказательствомъ и говорилъ такъ: Я знаю, что весьма трудно искоренить изъ человѣка хорошія о другомъ мысли, ежели онъ увѣренъ въ томъ слѣпо, и безъ очевиднаго доказательства не можно истребить изъ разума нашего етой прилипчивой химеры. Завтра ввечеру приходи ты въ ту рощу и стань въ потаенномъ мѣстѣ, только нѣсколько подалѣ, чтобъ тебя увидѣть было не возможно; я покажу тебѣ такъ, какъ другу, ихъ свиданіе, только напередъ тебѣ сказываю, будь скроменъ, ежели не хочешь потерять своего имѣнія. Скупаго всегда должно стращать потеряніемъ имѣнія: ибо другія несчастія, бѣды и напасти, наконецъ и самая смерть столько устрашить его не можетъ, какъ лишеніе денегъ. Тогда ты перестанешь думать, продолжалъ Неохъ, съ такимъ страхомъ о народномъ томъ учителѣ; увидишь, что онъ любовныхъ дѣлъ не

позабылъ и обращается въ нихъ безстыднѣе можетъ быть нашей братьи, людей молодыхъ и вѣтренныхъ, и узнаешь тогда, къ великому твоему и разумному удивленїю, что враки не суть ничто иное, какъ въ самой вещи суть врахи; а что правда, то нынѣ и всегда съ неправдою сообщиться не можетъ.

Слова Неоховы хотя по всѣмъ неправды правиламъ и весьма ясно показывали его ложь; но дуракъ никогда не примѣчаетъ своей ошибки, и думаетъ, что разумъ его столько обиленъ, что онъ никогда не можетъ сдѣлать проступка. Свойство дураковъ вездѣ одинаково, и тотъ, которой родился въ Америкѣ, глупецъ не можетъ перещеголять Европейскаго простофилю. И когда первой гилдїи филинъ, а второго номера дуракъ согласился на Неохово представленїе, тогда хи[illegible]й обманщикъ оставивъ его по[illegible] готовить всякїя надобности къ имѣющей быть завтрешнїй день комедїи. Купилъ все, что потребно было къ жреческому платью, и приказалъ къ утру сшить его непремѣнно, не говоря о томъ ни слова, что

портной украдетъ; и всякому поступать такъ должно: когда захочешь, чтобъ кафтанъ твой поспѣлъ скоро, не говори портному мастеру о кражѣ. Поучилъ Неохъ нѣсколько своего слугу, какъ дѣйствовать ему на томъ смѣшномъ театрѣ, и расположивъ всѣ порядочно, только не написавъ рѣчей, ибо комедія сія должна быть дѣйствована пантоминою, возамѣрился увѣдомить о томъ первую комедіанку, безъ которой комедія начинаться не можетъ; а къ сему представленію назначена была супруга безумнаго посадскаго мужика. И такъ, какъ спряталося солнце и начала весьма слабо освѣщать землю луна, тогда Неохъ прикрывшись сѣрою епанчею пошелъ къ своей любовницѣ; задніе ворота всегда давали ему свободной входъ, и сполько были скромны, что не сказывали никому, что жалуетъ во всякую ночь къ хозяюшкѣ ихъ щеголь и таскаетъ изъ ихъ дому великую шучу денегъ. Пришедши увѣдомилъ онъ ее о своемъ намѣреніи, которое предложеніе приняла она съ великою радостію, и предпріяла охотно быть участницею въ такомъ дѣлѣ, которое обѣщало скорую

погибель ея сожителю; а чѣмъ больше видѣла для него бѣды, тѣмъ скорѣе хотѣла приступить ко исполненію выдумки. Однако время принудило нетерпѣливую ешу бабу подождать до завтраго, такъ какъ и насъ сонъ принудилъ успокоиться до утра.

ГЛАВА XXIII.

ВЕЧЕРЪ 78.

Продолженіе сказки о рожденіи тафтяной мушки.

Настпалъ пагубной день и пришелъ блаженной часъ для шалуна. О! есшьли бы приближилось такое время, которое бы потребило всѣхъ дураковъ, а особливо опохмѣляющаго каждой день поколѣнія: но мы его къ несчастію нашему никогда не дожидаемся, а они умножающся поминутно, такъ какъ грибы въ хорошее лѣто, и сполько уже ихъ прибыло, что, думаю, скоро продавать ихъ ешапутъ сошнями. Сто дураковъ безъ полугривны десять по бабьему счепу,

по мужицкому съ копѣйкой восемь алтынъ, а по нашему двацать пять копѣекъ. Цѣна, правду сказать, и не велика, но они ни къ чему не годятся, развѣ сдѣлать изъ нихъ школу драки и безпрерывной бранн и ругательства, и выпускать ихъ на поединокъ, такъ какъ *Арзамазских* гусей. Нѣтъ въ свѣтѣ ничего похвальнѣе, какъ сіе дѣйствіе, когда человѣкъ побѣждаетъ свои страсти, утоляетъ пороки и покоряетъ разуму своему всякаго рода пристрастія, происходящія въ немъ отъ неумѣреннаго самолюбія, и сіе называется, побѣждать себя; и въ сей побѣдѣ никто съ нимъ не имѣетъ ни малѣйшаго участія, ниже самовладычествующее завсегда надъ дѣлами человѣческими счастіе не имѣетъ никакого жребія, и сей неоцѣненный лавръ собственно принадлежитъ одному побѣдителю. Но господину выборному глупцу мысль сія не приходила никогда въ голову: ибо онъ былъ столько уменъ, какъ обыкновенно человѣкъ торговой, которые думаютъ больше о барышахъ, нежели о наукахъ. И для того захотѣлъ лучше одурачиться, нежели увѣнчать голову

свою вмѣстю картуза славою, до сихъ поръ еще неслыханною въ поколѣніи дураковъ; того ради съ превеликою радостію готовился увидѣть первосвященника съ его любовницею, и сказываютъ, что столько велико было въ немъ тогда восхищеніе, что онъ позабылъ въ тотъ день обѣдать; а сіе случается весьма рѣдко между купцами, и такое чрезвестественное дѣйствіе, чтобъ пробыть человѣку безъ обѣда и не пить пива цѣлой день, то необходимость та, для которой онъ оставилъ природное сіе обыкновеніе, почитается больше, нежели завоеваніе города, и объ ней во всемъ околоткѣ, гдѣ етотъ посадской жительствомъ имѣетъ, говорятъ цѣлую недѣлю, и столь много удивляются его великодушію, что выходятъ совсѣмъ изъ своего понятія, а особливо бабы, которыя отъ природы жалостливѣе мужчинъ.

Когда началъ приближаться вечеръ, тогда вывѣдывальщикъ любовныхъ дѣлъ пошелъ на опредѣленное ему мѣсто, и ставъ заранѣе увѣренъ, надѣялся получить чрезъ то свое счастіе. Неохъ собравши своихъ комедіантовъ и одѣв-

шись съ ними въ приличное къ дѣйствію шому платье, сѣлъ въ карету и поѣхалъ съ ними ко храму Перунову. По пріѣздѣ, повторивши каждому что дѣлать, пошелъ прямо къ храму, чтобъ вышли ему онъ онаго въ рощу, а наряженъ онъ былъ первымъ жрецомъ, жена оленева Минамилою, а слуга Неохомъ; и такъ готовы были всѣ представлять роли. Какъ скоро Неохъ во образѣ первосвященника появился въ рощѣ, то проворной Меркурій, которой также былъ подложной, подбѣжалъ къ земному Юпитеру весьма поспѣшно, и будто сказывалъ ему, что Минамила давно уже его дожидается, тогда волокита приказалъ просить ее къ себѣ. Вскорѣ появилася въ рощѣ мнимая знатная барыня, и казалось, что всѣ древа онъ прелестней ея украшались; выступала она важно, и безъ всякой робости подвинулась къ своему любовнику, которой не замедлилъ дѣлать любовныя ужимки. По шеатральному Неохъ, а по природному его слуга, видя, что онъ шуть не надобенъ, отошелъ въ сторону, да и по правдѣ стоять ему шуть было не должно, и хотя не первосвященникъ

съ красавицею, однако и Неохъ съ любовницею дѣлалъ все, что ему за благо разсудилось, для того что при мужнихъ глазахъ жена бываетъ пріятнѣе волокитѣ. Дуракъ сидя на деревѣ помиралъ со смѣху, радость его тѣмъ больше умножалась, чѣмъ подходили ближе любовники къ натуральному услажденію. Но естьли бы онъ зналъ, что въ сей сладкой церемоніи вмѣсто Минамилы упражняется его сожительница, которая такъ ласково потчиваетъ своего любовника въ глазахъ собственнаго своего супруга, тогда бы на етомъ же деревѣ вмѣсто восхищенія повѣсился: ибо по правиламъ купеческимъ, когда жена начнетъ съ кѣмъ нибудь амуриться, тогда у мужа торги пойдутъ весьма худо, и такъ хоть брось. Дуралей смѣялся, имѣя причину; для того, что чужее несчастіе не рѣдко увеселяетъ наши мысли, но собственное трогаетъ сердце. По окончаніи сего дѣйствія простился жрецъ со своею красавицею и пошелъ ко храму, а она сѣла въ карету и поѣхала кругомъ божницы Перуновой, чтобъ тамъ взять своего Адонида; сѣлъ и онъ туда же. Пріѣхавъ домой,

скинули съ себя театрѣльное платье, и начали смѣяться тому великому дураку, которой идучи домой, ничего больше не говорилъ, какъ сіи слова: такъ-то поступаютъ наши жрецы, такъ-то сохраняютъ они свои достоинства, насъ поучаютъ не копить денегъ и караютъ за малые проступки, а сами грѣхами своими превосходятъ и дьявола. Съ сею мыслію пришелъ онъ домой, и не видавъ своей жены, легъ опочивать благополучно: ибо дурацкая его голова наполнена была шадьными мнѣніями. А какъ не помѣщалъ онъ сожительницѣ своей осмѣивать его, то Неохъ просидѣлъ тутъ цѣлую ночь и оканчивалъ благополучно то, что началъ производить въ рощѣ. Кому что мило, тому то и надобно: „Рыба ищетъ гдѣ „глубже, а человѣкъ гдѣ лучше„: ибо глубина для человѣка не весьма полезна.

Ночь была тому свидѣтелемъ, что комедія сія сыграна удачно, комедіанты послѣ оныя осталисъ благополучны, а зритель былъ несчастливъ: „Кто со„палъ, самъ попалъ.„ Онъ не спросяся у разумныхъ людей, а за его богатство всякой не отрекался подалъ бы ему добрые совѣты, „деньги долбятъ и камень, „

впустился въ такую погрѣшность, которой еще отъ начала свѣта не бывало, и врядъ будетъ ли и впредь; и ежели счислить по порядку всѣ дурачества, то въ нихъ во всѣхъ подобнаго сему не сыщешь, и скажешь, что сіе дурачество первое изъ дурачествъ, етотъ шалунъ дуракъ надъ дураками. Проснувшись по утру облизывался онъ такъ, какъ голодной надъ пѣстомъ; и когда воображалъ имѣніе первосвященниково, тогда становилось у него въ роту сухо: ибо негодная страсть къ богатству всего на свѣтѣ сильнѣе, и кто въ оную впустится и прибавитъ еще къ тому скупость, тотъ ни стыда, ни совѣсти, ни сожалѣнія о бѣдныхъ имѣть уже не можетъ, сдѣлается онъ тогда каменнымъ, а сердце его превратится въ металлъ, научится обѣщать поминутно, только до конца своей жизни не дастъ никому ни копѣйки; нужды человѣческія выслушивать будетъ съ сожалѣніемъ, только помогать имъ не станетъ, всякой день разсуждать будетъ о бѣдныхъ съ великимъ прискорбіемъ, но вмѣсто награжденія имъ стараться будетъ ихъ умножить всякими прибѣсленіями и отнятіи-

емъ послѣдняго ихъ имѣнія; возненавидитъ нищихъ, и словомъ, всѣхъ тѣхъ людей, которые публично просятъ денегъ, и будетъ имъ желать каторги; спанетъ проклинать своихъ дѣтей, ежели оные часто отъ него родятся, а особливо женскаго пола, по тому что долженъ онъ готовить имъ приданое; возненавидитъ жену и самаго себя, что на нищу и на платье долженъ тратить деньги; наконецъ обуяетъ его страхъ, и онъ согласится отрубить у себя руки и ноги, чтобъ лежать на сундукахъ неподвижно, и караулить крѣпко, чтобъ не распаскали имѣнія его воры; будетъ выдумывать иной календарь, и сдѣлаетъ весь годъ постомъ, выключая свѣтлой недѣли, чтобъ тѣмъ домашніе его меньше ѣсть могли; спанетъ просить духовнаго отца, чтобы онъ за всякой грѣхъ полагалъ на слугъ его и на всѣхъ епитимію, чтобъ тѣмъ исходило меньше хлѣба въ его домѣ; купленную говядину велитъ занязывать въ тряпку и опускать ее въ горшокъ по блоку, чтобъ можно было такимъ образомъ сварить изъ нее пятеры щи иль съ лишкомъ; а ежели будетъ имѣть случай уморить голодомъ

человѣка, що на сіе безъ отговорки согласится, и ежелибы не взыскивали у насъ сего, що онъ не только слугъ, но и дѣшей переморилъ бы всѣхъ голодомъ; наконецъ и самъ умретъ, какъ собака, ежели дѣло дойдетъ до шого, чшобъ равиѣнять имперіалъ для столовой потребы. Не мѣшкавши ни мало послалъ купецъ къ Неоху, которой сказался въ то время больнымъ: ибо не спалъ онъ цѣлую ночь, а совѣтовалъ сему жидомору ишши прямо къ первосвященнику, сказывая, что будто уже онъ объ немъ и говорилъ, и что шотъ весьма радуется, что будетъ имѣть во услугахъ своихъ человѣка степеннаго, довольно лѣтами и украшеннаго сѣдиною, на котораго надежнѣе положиться можно, и которой не разболтаетъ никому вѣренной ему тайности; и притомъ обнадеживаетъ его, что и Минамила объ етомъ будто знаетъ, и весьма радуется, что будетъ имѣть хорошаго повѣреннаго, и будто она уже и жаловать его чрезъ мѣру обѣщалась. И такъ не удостоилъ онъ посѣщенїемъ своего свояка: ибо былъ весьма много какъ представленїемъ, такъ и дѣйствїемъ комедіи обезпокоенъ.

ГЛАВА XXIV.

ВЕЧЕРЪ 79.

Продолженїе сказки о рожденїи тафтяной мушки.

Такимъ образомъ тотъ сѣдой и беззубой Меркурїй услышавъ отъ Неоха приказъ, что можно ему безъ препятствїя итти къ первосвященнику, не разсудилъ за благо показаться къ нему, а хотѣлъ побывать прежде у Минамилы, и разсуждалъ такъ: когда она приметъ его въ свое покровительство, тогда уже жрецъ отказать не долженъ. Зналъ онъ домъ сей госпожи, на которой стоялъ онъ улицѣ; и такъ прибравшись попорядочнѣе пошелъ доставать свое счастїе, и думалъ въ семъ случаѣ принудить его по неволѣ быть къ себѣ благосклоннымъ. Пришедши въ домъ къ знатной той госпожѣ доложилъ мужику, которой подмѣталъ тогда дворъ, что имѣетъ онъ крайнюю нужду до его госпожи; мужикъ сказалъ ето истопнику, истопникъ лакею, лакей донесъ камендинеру, камендинеръ сказалъ горничной дѣвушкѣ, дѣвушка объявила

барской барынѣ, и такъ далѣе; наконецъ извѣстилась о томъ и госпожа, и такъ впустили старика въ верхнїе покои. Вышедши камердинеръ спрашивалъ у него, что онъ за человѣкъ, какъ его зовутъ, за своимъ ли пришелъ дѣломъ, или присланъ отъ кого, какую имѣетъ нужду, важна ли ета нужда или нѣтъ, можетъ ли онъ сказать ему или переговоритъ съ госпожею самъ? И когда увѣдомился отъ него обо всемъ, тогда пошелъ и доложилъ госпожѣ своей точно, какъ ему сказано: ибо камердинеры должны быть осторожны и памятливы, за что они получаютъ большое жалованье; потомъ ввели купца въ спальню Минамилину; она тогда лежала въ постелѣ окладена вся подушками и прикрыта тремя или слишкомъ одѣялами. Что ты старикъ? говорила она ему невесьма яркимъ голосомъ, изъявляя тѣмъ, что она нѣсколько недомогала. Желаю многолѣтнаго здравїя, премилосердая Государыня, началъ такъ нашъ Меркурїй, конечно не домогается вашему преблагородїю; дѣло сбытное, морская погода весьма не здорова для нѣжности господской; какъ вижу, то

простудилися вы вчерашнимъ вечеромъ? Ето правда старичокъ, отвѣчала ему Минамила, ибо была она весьма снизходительна и притомъ весьма разумна; вчера ввечеру ѣздили мы гулять въ рощу, и я ходила тамъ не прикрывши грудь, отъ чего очень много простудилась; не хироманшикъ ли ты, что угадалъ съ виду мой припадокъ? Нѣтъ, сударыня, отвѣчалъ исправной дѣтина, я не учился етой науки, однако и безъ нее отгадывать мастеръ; вы гуляли тамо съ милымъ вамъ человѣкомъ, тутили, какъ хотѣли, и послѣ расшались съ нимъ въ той же рощѣ. Дѣйствительно такъ, отвѣчала госпожа, я была тамъ съ мужчиною, и онъ оставивъ меня пошелъ къ Перунову храму. Точно Минамила была тамъ ввечеру съ своимъ братомъ, которой еще не давно пріѣхалъ въ тотъ городъ, а ѣздилъ онъ въ Египетъ для осмотрѣнія свѣта. Послѣ сихъ словъ дуралей нашъ подумалъ, что уже она его знаетъ и по препорученію Неохову открывается ему совсѣмъ, удостоивая тѣмъ его своею милостію; усмотря, что никого тутъ не было, бросился онъ передъ кроватью

на колѣни и прижавши руки къ сердцу говорилъ ей слѣдующее почти со слезами отъ произшедшей въ немъ тогда радости: Премилосердая Государыня, вы изволите оказывать мнѣ великую вашу милость, которая ни съ какою милостію сравниться не можетъ: винюсь вамъ, сударыня, что я былъ вчера въ той рощѣ и видѣлъ все, что вы ни дѣлали; я знаю вашу тайну, только вѣрьте мнѣ, что никому оной не открою; съ сихъ поръ, сударыня, прикажите пускать меня свободно въ вашъ домъ, я уже перепосить буду къ вамъ письма и подарки отъ первосвященника, и прошу, чтобы вы еще одобрили меня передъ онымъ. Минамила слушая сіи слова позабыла совсѣмъ свою болѣзнь, и привставши на кровати сказала ему: что ты говоришь старикъ? Я уже знаю, сударыня, продолжалъ онъ, что вы любите первосвященника и жалуете къ нему всякую ночь въ рощу; вчера ввечеру вы тамъ были и удовольствовали его желаніе самымъ лучшимъ образомъ. Поспѣй старикъ, сказала ему госпожа. Весьма было сіе удивительно, что она на него не разсердилась; скажи мнѣ,

безъ ума ты, или въ умѣ? Благодарю боговъ, сударыня, отвѣчалъ онъ ей, что я имѣю здравое разсужденіе. По крайней мѣрѣ продолжала она спрашивать, что дурь на тебя часами находитъ? Никакъ, сударыня, увѣрялъ онъ ее; я былъ и вчера и нынѣ одинаковъ, и какъ видѣлъ васъ вчера безъ помѣшательства разума, такъ и теперь вижу; но прошу, сударыня, о той милости, о которой я упруждалъ и прежде. Слушай, дуракъ, говорила ему милосердая та госпожа, счастливъ ты весьма, что я имѣю не злобное сердце; знаешь ли ты, какъ за поношеніе чести плотится, и что мало еще, ежели отнятъ у тебя животъ? Я тебѣ прощаю твою глупость, поди туда, откуда ты пришелъ; но если я услышу впредь отъ кого нибудь, что ты такихъ обо мнѣ мыслей, то велю тебя найти и наказать по мѣрѣ твоего проступка; поди отъ меня вонъ. Милостивая Государыня, говорилъ ей безотвязной Меркурій, не стыдитесь меня, я буду усердной вашъ повѣренной. Минамила вышла изъ терпѣнія, и закричала слугѣ, чтобы онъ вывелъ отъ нее сего сумазброда и проводилъ со двора получше.

Взяли нашего дѣльца подъ руки и повели изъ покоевъ въ сѣни. Сперва начали щелкать его ладонями въ голову, потомъ кулаками въ затылокъ, а наконецъ пріударили во всю спину; а чья рука не умѣстилась на оной, или къ суетахъ не удалось ему плотненько ударить, тотъ прибѣхивалъ его подъ бока, въ рыло и въ грудь, и словомъ гдѣ кому удалось, тотъ тамо и трудился, и пощипали его такъ изрядно, что онъ принужденъ съ часъ времени отдохнуть по прошествіи ихъ двора, и запасшись новыми силами, которыя онъ расперялъ, поверпываяся то на право, то на лѣво, то есть, отворачивался отъ того мѣста, съ котораго плотнѣе его уговаривали, то по виску, то по затылку, а иногда и по всей головѣ.

ГЛАВА XXV.

ВЕЧЕРЪ 80.

Продолженіе сказки о рожденіи тафтяной мушки.

Такой изрядной пріемъ кажется бы довольно удобенъ отвратить че-

ловѣка и отъ добраго намѣренія, нежели отъ исканія порочнаго себѣ имени и презрѣнной всѣми людьми должности. Я не знаю, естьли что презрѣннѣе на свѣтѣ, какъ общенародной Меркурій; такой человѣкъ долженъ жить такъ, какъ мѣсацъ, то есть, по утру ложиться, а ввечеру вставать, слоняться по улицѣ въ то время, въ которое честные люди опочиваютъ, стараться сманить какую нибудь честную дѣвку, и за то всякой часъ ожидать путешествія на теплыя воды, заводить знакомство съ ворами и забіяками, чтобъ тѣ дѣлали ему вспоможеніе въ случаѣ, когда взойдетъ надъ нимъ грозная туча и посыплется изъ оной палочной градъ на спину къ перекосчику любовныхъ переговорокъ; быть готовому сносить брани и ругательства отъ тѣхъ людей, передъ которыми онъ не устоитъ въ своемъ словѣ, удаляться отъ добродѣтельныхъ людей, которые, его презираютъ и не желаютъ сообщенія съ тѣми, съ забіяками, съ буянами и пьяницами, передѣлывать съ ними честь въ безчестіе, добрую славу въ худую молву, добродѣтель въ пороки, постоянство въ мотовство,

домы родительскіе въ трактиры и въ харчевни, имѣніе въ недостатки, женидьбу въ прелюбодѣяніе, и наконецъ самого человѣка въ несмысленнаго скота. То правда, что сіе мастерство гораздо хлѣбно, объ етомъ никто не поспоритъ: награжденія, подарки слѣдуютъ одни за другимъ непремѣнно; но естьли дѣло дойдетъ до увѣщанія, которое состоитъ въ времняхъ или въ прутьяхъ, тогда ничто не взмилится, и всѣ прежнія одолженія будутъ прахъ и небылица, ибо всего лишиться онъ долженъ.

Всякой человѣкъ, какова бы онъ состоянія ни былъ, сожалѣетъ о потеряніи чести, какъ о такой добродѣтели, безъ которой быть на свѣтѣ не возможно; но скупой о томъ никогда не думаетъ, и разсуждаетъ, что естьли есть у него деньги, тогда честь и добродѣтель должны быть у него по неволѣ; и такъ не старается онъ о пріобрѣтеніи сихъ добродѣтелей, и прилагаетъ неусыпное попеченіе къ приращенію своего имѣнія. Какимъ бы то образомъ ни было, но мнѣ кажется, что добродѣтелію не наживешь великаго бо-

гатства: ибо за оную никто изъ людей порочныхъ и ничего не плотитъ.

Я не знаю, сколько уже прошло тому времени, какъ позабывалъ я изъясняться о щехъ страшныхъ сочинителяхъ, которые не зная, по просту сказать, ни уха, ни рыла ни у какой науки, не смысля, что есть стихъ, родъ, стопа и рифма, не разумея своего языка, не понимая той книги, которую онъ читаетъ на другомъ языкѣ, принимается переводить на свое нарѣчіе стихами; и что еще всего чудне, напечатаетъ ее безстыдно и требуетъ ото всѣхъ похвалы насильно. Такіе глупцы охотники до нравоученія, и не только гдѣ въ другомъ мѣстѣ, но и въ пріятельскихъ письмахъ пишутъ философскія морали, которыя они послучаю увидѣли гдѣ нибудь въ книгѣ, и сіе дурацкое повѣтріе, мнѣ кажется, изъ старины ведется; кто глупѣе всѣхъ, тотъ охотнѣе принимается учить другихъ. Можетъ быть и я, которой пишу сію книгу, не превосхожу другихъ понятіемъ, и для того посыпаю нравоученіями, какъ пескомъ, и кстати или не кстати разговариваю о вещахъ важныхъ: однако раз-

судитъ сїе читатель; а мнѣ пора ужъ возвратиться къ моему повѣствованїю.

Новой мой Меркурїй оправившись нѣсколько отъ увѣщанїя Минамилиныхъ служителей, подумалъ, что сїя госпожа постыдилась, и для того не хотѣла ему признаться. И такъ положилъ итти непремѣнно къ первосвященнику и просить отъ него сей великой къ себѣ милости; но путешествїе его къ жрецу, и что съ нимъ тамъ сдѣлалось, покажетъ намъ другой вечеръ, а теперь роскащикъ долженъ сказать, что прїѣхалъ въ городъ Дланъ, то есть, тотъ человѣкъ, которой отперся отъ лошади и отъ табакерки. Неожъ находяся въ срединѣ благополучїя и будучи самъ собою доволенъ, неробкими стопами пришелъ въ домъ новаго своего благодѣтеля, поздравилъ его съ счастливымъ прїѣздомъ и пошутилъ столько, сколько потребно было при первомъ свиданїи: ибо въ то время бываемъ бли разумнѣе и отважнѣе, когда принимаютъ насъ знатные господа благосклонно; веселой и снизходительной ихъ взглядъ оживляетъ наше понятїе и вселяетъ въ насъ

весьма обильное краснорѣчїе. Дланъ разсмотрѣвши дѣйствительно Неоха и узнавъ, что онъ имѣетъ не совсѣмъ мѣлкїя достоинства, почувствовалъ къ нему великую любовь, и предпріялъ какъ возможно скорѣе произвести его въ люди; чего ради при первомъ еще свиданїи сказалъ ему, что завтрешній день будетъ онъ поздравленъ у кого нибудь Секретаремъ. Неохова должность была въ семъ случаѣ благодарить своего Мецената; что онъ и исполнилъ съ изряднымъ успѣхомъ, только въ то время не было никого такого, которой бы похвалилъ его за сїе достойно; однако что нужды, хорошїя дѣла и безъ похвалы хороши, а дурныя и при великой похвалѣ никуда негодны.

Такимъ образомъ добродѣтельной Дланъ поѣхалъ искать счастїя Неохова, а онъ пошелъ домой готовиться, какъ бы оное хорошенько встрѣтить. Какъ только пришелъ онъ въ свое обитанїе, то нашелъ тамъ человѣка, которой уже давно его дожидался, и которой подалъ ему письмо такого содержанїя:

„Я здѣсь уже въ городѣ, а кто я „такова, то Неохъ и безъ имени узнаетъ.

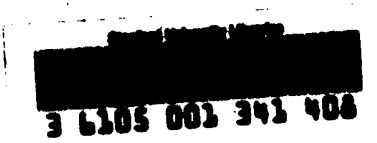
„Ищи меня и вмѣстѣ съ нимъ, что я имѣю „къ тебѣ въ моемъ сердцѣ.

Первое сіе свиданіе, какъ изъ содержанія письма усмотрѣть можно, сдѣлали любовники жмурками, можетъ для того, чтобы вкуснѣе показалася имъ первая встрѣча. Всякой человѣкъ выбираетъ для себя лучше, да и чинитъ ихъ въ томъ не льзя: кто себѣ добра не желаетъ; иной въ угодность своей красавицѣ охотно соглашается быть посмѣшищемъ цѣлаго свѣта и почитаетъ ето за лучшее. Дуракъ всегда будетъ дуракъ и никогда не перемѣнится, да и на что, когда снисходительное солнце освѣщаетъ насъ всѣхъ ровно.

Сіе собраніе словъ и рѣчей, именованное четвертою частію, такимъ образомъ кончано. Ежели же читатель сожалѣть будетъ, что онъ еще не все услышалъ, то сказываю ему, что пятая часть слѣдуетъ по пятамъ за сею и вскорѣ появится на свѣтъ. Въ семъ мѣстѣ непремѣнно долженъ я объявить о родинахъ слѣдующей пятой части, которыя были совсѣмъ прошиблыя человѣческимъ; ибо человѣкъ родится въ *свѣтъ* плача, а она началась совсѣмъ

не такъ. При поставленіи самой первой буквы мать ея Муза улыбнулась, а отецъ сочинитель усмѣхнулся; сіе значитъ, что произойдетъ на свѣтъ достойное ихъ дитя; а вторая, третья и четвертая часть не стоили сего имени, и могутъ называться лучше пасынками. Давичься я никому не позволяю, что слѣдующая часть отлична будетъ отъ другихъ, для того что не только книги, но и дѣти другъ на друга не походятъ и бываютъ весьма различны какъ лицами, такъ и нравами, и къ сему приговариваютъ часто сію пословицу: „Такъ печка печетъ, или еще, „что посѣяно, то и жнется. Еще скажу пословицу ... однако уймите меня, я великой охотникъ молотъ пустое, и ежели не уймете, то заболтаюсь я до смерти.

е - съ.



CECIL H. GREEN LIBI
STANFORD UNIVERSITY L
STANFORD, CALIFORNIA 9
(650) 723-1493
grncirc@sulmail.stanfor
All books are subject to

DATE DUE

SEP 2 1 2002
SEP 2 1 2002

331
G5
178
v.4

3 6105 001 341 404

CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305-600
(650) 723-1493
grncirc@sulmail.stanford.edu
All books are subject to recall.

DATE DUE

SEP 2 1 2002
SEP 2 1 2002